

ОСТРОВ *потерянных* ДЕТЕЙ

*Когда все закончится, они будут жить
долго и счастливо, как в настоящей сказке.*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Annotation

Ученица второго класса похищена при странных обстоятельствах – некто в костюме плюшевого кролика заманил ее в машину и увез в неизвестном направлении. Свидетелем похищения стала Ронда Фарр. Произошедшее удивительным образом перекликается с судьбой ее подруги Лиззи, которая пропала тринадцать лет назад. Втайне Ронда винит себя – оба раза она выступила пассивным наблюдателем и не попыталась предотвратить трагедию. Возможно, брат Лиззи, Питер, поможет ей раскрыть тайну похищений и тем самым искупить вину? Ронда уверена – ему что-то известно о преступнике. Вот только он упорно отмалчивается перед полицией.

- [Дженни-фер Макмахон](#)
 -
 - [Пролог. 24 июня 2006 года](#)
 - [5 июня 2006 года](#)
 - [11 апреля 1993 года](#)
 - [5 июня 2006 года](#)
 - [12 мая 1993 года](#)
 - [6 июня 2006 года](#)
 - [23 мая 1993 года](#)
 - [7 июня 2006 года](#)
 - [31 мая 1993 года](#)
 - [12, 13, 14 июня 2006 года](#)
 - [12 июня 1993 года](#)
 - [14 и 15 июня 2006 года](#)
 - [16 июня 1993 года](#)
 - [15 июня 2006 года](#)
 - [20 июня 1993 года](#)
 - [15 июня 2006 года](#)
 - [30 июня 1993 года](#)
 - [16 июня 2006 года](#)
 - [4 июля 1993 года](#)
 - [16 июня 2006 года](#)
 - [4 июля 1993 года](#)
 - [17 июня 2003 года](#)

- [21 июля 1993 года](#)
 - [17 июня 2006 года](#)
 - [10 августа 1993 года](#)
 - [17 июня 2006 года](#)
 - [10 августа 1993 года](#)
 - [17 июня 2006 года](#)
 - [10 августа 1993 года](#)
 - [17 июня 2006 года](#)
 - [15 августа 1993 года](#)
 - [18 июня 2006 года](#)
 - [3 сентября 1993 года](#)
 - [25 июня 2006 года](#)
 - [4 сентября 1993 года](#)
 - [25 июня 2006 года](#)
 - [4 сентября 1993 года](#)
 - [25 июня 2006 года](#)
 - [5 июля 2006 года](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Дженни-фер Макмахон

Остров потерянных детей

Посвящается Дре

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог. 24 июня 2006 года

– Погружайся, погружайся, погружайся! – кричала Сьюзи. Вцепившись в потрескавшуюся красно-белую баранку старого «Шевроле», она крутила ее туда-сюда и, дергая переключателем поворотных огней, направляла корабль ко дну.

Она знала, что всплытием и погружением подводных лодок управляет воздух, как знала и то, что увидит под водой: осьминога, коралловый риф, зубастые оскалы акул перед броском. Она видела эту картину уже тысячу раз, и все было в точности как в песенке про сад осьминога, что пела ей мать. Увы, по дороге к саду Сьюзи подстерегали акулы, от которых надо бежать, и вражеские подлодки, пытавшиеся ее торпедировать. И она знала, каково падать в черноту бездны.

У Сьюзи бывали подобные припадки, что-то вроде гроз в голове – так ей объясняли родители, – она теряла сознание, металась, а придя в себя, ничего толком не помнила.

Приступы. Бури в мозгу. Громы и молнии. На запястье она носила серебряный браслет со своей фамилией и странной красной эмблемой: извивающаяся змея – с одной стороны и слово «эпилепсия» – с другой. А еще Сьюзи ежедневно принимала лекарство, крошечные таблетки.

Ей нельзя было играть рядом со старым автомобилем или грудой гнилых досок за бабушкиным домом. Она знала, когда-то в «Импале» с белой полосой на боку ездили люди, сверкали бамперы, и в них отражалось шоссе. Работало радио. Гудел мотор. Когда шел дождь, сверху натягивали белую крышу, этаким модный зонтик.

Теперь же родители запрещали Сьюзи играть там. «Это опасно, – говорили они. – Ты можешь пострадать. Не играй там». Но старая машина манила ее, как манил к себе осьминог, как манили водившиеся в дыре сиденья мыши. Крохотные мышата, розовые и слепые, пищавшие и жившие в гнезде из соломы между ржавых пружин, звали ее хором тоненьких голосков, поющих сквозь крошечные оранжевые зубки. Отвернув рваный красно-белый чехол, она наблюдала за тем, как они шевелятся, словно кончики пальцев. Маме-мышке она приносила еду: ломтики чеддера, крекеры с арахисовой пастой, птичий корм, украденный из кормушки бабули Лоры Ли.

Сьюзи знала, что любят мыши. К тому же это не простая мышь. Это секретная мама-мышиха, первый помощник капитана подлодки по

перископу, подруга осьминога, поведавшего ей, как перехитрить акул. Еще он помог ей достать из ее нутра семерых детишек-червячков. При погружении в морские глубины, где вода вокруг была темна, как чернила, мышки-детишки пищали еще громче.

Сьюзи откинула со лба густые светлые локоны и глянула сквозь треснутое лобовое стекло и боковые иллюминаторы. Бабуля Лора Ли, мама ее мамы, звала Сьюзи «Ширли Темпл» и часами возилась с ее волосами. Покупала ленты и банты, такие миленькие и симпатичные. Увы, Сьюзи, цепляясь за репы и колючую проволоку, разрывала их в клочья, отчего они годились лишь на повязки куклам или на банданы.

Но в этот день она играла в погружение и чаепитие в саду осьминога, пока ее не начал искать папа. И она устремилась в глубину, все время спасаясь от акул.

– Привет!

Сьюзи вздрогнула, услышав голос. Это был голос усталого мужчины, мужчины, севшего на мель и не понимавшего, что она уже глубоко под водой и его никто не услышит. Сьюзи было запрещено говорить с незнакомцами. Она знала, что может случиться, если заговорить. То же самое, что и с Эрнестиной Флоруччи, с которой Сьюзи училась во втором классе, а теперь ее больше нет. Хотя они жили в Вермонте, где – как поняла Сьюзи из разговоров взрослых – подобных вещей происходить не должно. Как будто, если вы живете в Вермонте, это защищает вас от зла.

Она потянула рычаг погружения и продолжила спуск, думая о чем-то виденном на прошлой неделе в теленовостях, что-то про Эрнестину, но папа вскочил и выключил телевизор, прежде чем Сьюзи успела что-то понять. Ведущий новостей в синем костюме говорил что-то об исповеди. Сьюзи знала, это когдаходишь в маленькую кабинку, там сидит священник в белом воротничке. Но тут телевизор вырубился, а родители заговорили шепотом. И они все вместе отправились за мороженым – Сьюзи получила шоколадное с кленовым сиропом и шоколадной посыпкой.

– Что ты тут делаешь? – спросил у Сьюзи мужчина. Голос у него был приятный. Теперь он стоял рядом с ней, положив руки на облупленную красную дверь. В зеленой куртке со значком на груди и рацией на боку. Этот мужчина был полицейским. У него был пистолет.

Сьюзи прищурилась, глядя на него. Свет полуденного солнца из-за деревьев создавал вокруг него нимб, такой, как у ангела. Точно таким же становился мир перед приступом: у всего появлялся нимб, все приобретало ореол святости.

Затем до нее донесся собачий лай – он звучал все ближе и ближе, мужские голоса, шаги, хруст веток, гомон надтреснутых голосов в рациях. Они шли по усыпанной сосновыми иголками дорожке, что вела к озеру. Неужели Сьюзи сейчас арестуют? Неужели родители отправили полицию проверить, не играет ли она, случайно, там, где ей нельзя?

– Как тебя зовут? – спросил мужчина. У него были короткие темные волосы и ямочка на подбородке. – Ты живешь где-то рядом?

Разговаривать с полицией было можно. В этом Сьюзи не сомневалась. Она заморгала.

– Меня зовут Джо, – сказал полицейский, протягивая ей руку. Сьюзи высунула в окошко свою. Его рука была теплой, мягкой и гладкой, как кожа бейсбольной перчатки. Сьюзи сдалась и назвала свое имя.

– Милое имя для хорошенькой девочки.

Она терпеть не могла такие разговоры, все эти ахи и охи: ой, какая хорошенькая девочка, какое милое имя, какие хорошенькие кудряшки, милые ленточки. «Вылитый ангел», умилялись взрослые. Ненавидела все эти подмигивания, кивки, ненавидела, когда ее гладили по головке, как будто проверяя упругость ее локонов.

Там, снаружи, сейчас собаки и мужчины в форме и широкополых шляпах, они пинают ногами листья, смотрят на землю, и собаки тащат людей за собой. Огромные немецкие овчарки, полицейские собаки. Собаки, которые кусаются и в два счета могут откусить вам руку. Сьюзи видела по телевизору передачу про одного мужчину – он был слепой и нуждался в специальной собаке-поводыре. Эта собака помогала ему переходить улицу, садиться в автобус, делать в магазине покупки. Какие же они умные, эти немецкие овчарки!

Полицейские собаки запрыгнули на груды гнилых досок – утыканных гвоздями, от которых можно запросто подхватить столбняк, – и теперь скулили, лаяли, рыли лапами землю, как будто там был закопан гамбургер или другие собачьи вкусности. Или же наркотики. Собаки умеют вынюхивать наркотики. Об этом им в школе рассказывал Друг-Полицейский. Он даже привел с собой своего верного пса по кличке Сэм, который умеет это делать. На Сэме была кожаная упряжь, как на той собаке-поводыре. Может, этот Друг-Полицейский был слепой и без Сэма не видел наркотиков или вообще опасности? У собак обоняние в сотни раз лучше, чем у человека. Они чуют вещи за многие мили. Собаки – верные, преданные друзья.

Зато собаки слюнявые. А подушечки их лап пахнут чипсами. Еще у них вонючее дыхание, как будто в горле что-то застряло и там испортилось.

Мужчины в форме принялись растаскивать доски. Один фотографирует, а другой снимает на видео. Может, они снимают кино вроде того, в котором снималась ее бабуля Лора Ли? Что, если все они кинозвезды?

– Где же ты живешь, Сьюзи? – спросил Джо. Сьюзи сказала. Еще она сказала ему, что дом ее бабушки по другую сторону вон тех деревьев, но на самом деле бабушка там не живет. Папина мама живет далеко, в отеле для людей, которые пьют лекарства от головы. В бабушкином доме отец сейчас забивает окна, потому что они будут продавать этот дом. Сьюзи сказала ему, что как только он закончит, они вместе поедут проведать бабулю Лору Ли, которая живет у озера в выцветшем розовом трейлере, а вокруг него целая сотня кормушек для птиц. Потому что бабуля Лора Ли любит птиц. Во дворе у бабули Лоры Ли есть белая субмарина, хотя на самом деле это просто газовый баллон, но Сьюзи с самого раннего детства была уверена, что это специальная личная субмарина, в которой можно исследовать дно озера. Бабуля Лора Ли немного чокнутая, так говорит папа, но мама объяснила, что все люди чокнутые, если их узнать поближе.

Даже ее собственные родители, догадывалась Сьюзи. Они играли в этом лесу, словно дети. Груда гнилых досок когда-то была сценой, на которой ее мама была крокодилком, а папа – Питером Пэном.

Полицейский по-прежнему говорил с Сьюзи. Спрашивал, как часто она бывает в лесу, сколько ей лет, в каком она классе, знает ли сейчас ее отец, где она. Затем его окликнул один из мужчин в зелено-коричневой форме.

– Сержант Кроули, мы что-то нашли!

Сержант по имени Джо оставил Сьюзи. Пройдя через круг мужчин в форме и громко лающих собак, он опустился на колени и заглянул в яму, которую до этого закрывали доски, пока мужчины в форме не оттащили их в сторону.

– Звоните судмедэкспертам, – сказал он. – Мне нужна здесь целая команда. Оцепите территорию. Немедленно.

Мышата пищали, прося еды, звали маму, но Сьюзи велела им молчать, пока рядом собаки. Перепрыгнув через заклиненную дверь, которая вот уже много лет не открывалась, она выбралась из «Импалы» и подкралась сзади к мужчинам. Здесь она опустилась на колени и, просунув голову между ног одного из них, увидела в яме ворох старой одежды, красной и порванной. Затем, приглядевшись, заметила, что у этого вороха тряпок есть глаза, зубы и остатки волос.

Но тут сержант Джо подхватил Сьюзи с земли и сказал, что маленьким

девочкам здесь не место. А затем попросил показать ему, где сейчас ее отец, и добавил, что ей нечего бояться. Он сейчас отведет ее домой.

5 июня 2006 года

В жизни Ронды Фарр было два Питера. Питер, которого она любила, но который был не ее парнем, и вот этот белый кролик, которого она, словно Алиса в Стране чудес, должна была преследовать в длинной норе. Правда, кролика Алисы не звали Питером. Единственный известный Ронде кролик по имени Питер был в книжке Беатрис Поттер – обыкновенный коричневый кролик с пушистым коричневым хвостом, который постоянно наведывался в сад к бедному мистеру Макгрегору.

С другой стороны, Кролик Питер Ронды был кроликом Эрнестины Флоруччи: весь белый, как она сказала полиции, ростом шесть футов.

– Кролик? – удивились полицейские и приготовились что-то записать в свои черные блокноты. – Ростом шесть футов? Вы уверены?

Хотя полицейские были настроены скептически, мать Эрнестины, Труди, верила рассказу Ронды. Верила, но отказывалась ее простить.

Жизни Эрнестины, Труди и Ронды – возможно, жизнь каждого в Пайкс-Кроссинг – навсегда изменились всего за три минуты. За это время можно сварить яйца всмятку.

Кролик Питер явился Ронде после Пасхи и увел крошку Эрнестину. Было пятое июня. Ронда заехала в мини-маркет к Пэт, чтобы залить полный бак, потому что в тот день предстояла поездка в Берлингтон, на собеседование. Ронда опаздывала, но ей пришлось сделать остановку, так как бензина в баке почти не осталось, одни лишь бензиновые пары.

А еще она подумала, что, возможно, увидит Питера. Она почти все выходные провела с пустым баком, дожидаясь сегодняшнего дня, чтобы заправиться. Потому что знала: сегодня Питер будет в гараже.

Проведать его перед собеседованием, пусть даже перекинуться всего парой слов – мол, привет, как дела? – одно это поднимет ей настроение. Его дом она обходила стороной. Потому что в этом случае ей пришлось бы вести беседы с Ток, придумывать повод, почему она остановилась здесь, и, что самое болезненное, из дома наверняка выбежит Сьюзи и примется скакать вокруг нее – такое ангелоподобное напоминание о ее собственной никчемной жизни.

Был идеальный день начала июня, не жаркий, но и не слишком прохладный. Ронда вела машину, опустив окна, вдыхая запахи свежескошенной травы и только что расцветшей в садах сирени. Кемпинг на берегу озера Никел-Лейк открылся в День поминовения^[1], и до Ронды

долетал дымок костров.

Перед заведением Пэм свисали с крючьев пестрые надувные игрушки: морские чудовища, спасательные круги, небольшой желтый плотик и ухмыляющийся крокодил с ручками и углублениями для стакана. Ниже были сложены связки дров по совершенно сумасшедшим ценам. Два автомата для изготовления льда слева от входной двери и реклама в окне заведения обещали холодное пиво, все необходимое для отдыха на природе и допоздна открытые двери. Наконец пришло лето. И вот она, Ронда, в отглаженной белоснежной блузке и костюме цвета хаки. Она с тоской посмотрела на крокодила.

Собеседование, на которое она, по всей видимости, опоздает, было связано с работой, к которой, если честно, у нее не лежала душа. Нет, работа была по специальности (две недели назад она получила степень бакалавра биологии) и неплохо смотрелась бы в ее резюме: ассистент-исследователь полосатых мидий в Университете штата Вермонт. Дело в том, что полосатые мидии были своего рода местной чумой – они заполнили собой все озеро Шамплейн, толстой коркой наростов покрывали водопроводные трубы и останки затопленных судов на его дне, вытесняя другие биологические виды.

Заправиться в Пайкс-Кроссинге можно было только в мини-маркете у Пэт. Отсюда недалеко до озера. Поэтому здесь всегда много народу из кемпинга и летних домиков. А еще считалось, что в заведении Пэт лучше всего покупать лотерейные билеты. Всего пару недель назад один такой счастливчик сорвал джекпот – двести пятьдесят тысяч долларов, а до этого еще один – пять тысяч.

Позднее Ронда узнала, что в тот день Труды Флоруччи остановилась здесь именно затем, чтобы купить лотерейные билеты. Она всегда носила счастливые номера в кармане своей выцветшей джинсовой куртки вместе с деньгами на четыре билета и пачкой ментоловых сигарет какой-то совершенно дешевой марки. Дорогие вроде «Кул» она курила, лишь когда был жив ее муж и она могла позволить себе такую роскошь.

Труды была готова грузить всем этим первого встречного копа, да еще в самый неподходящий момент, не стесняясь выкладывать мелкие, но малоприятные подробности, слыша которые Ронда неизменно морщилась. Это все равно как если бы Труды открыла рот и, оттянув щеку, продемонстрировала копу сочащуюся сукровицей язву.

На бензозаправке с полным обслуживанием работал муж Пэт, Джим. Это надо же такое придумать – с полным обслуживанием! – подумала

Ронда. Джим ни разу никому не помыл ветровое стекло! Когда же она однажды попросила его проверить масло, он лишь что-то буркнул и с такой яростью принялся грюкать чем-то под капотом, что у нее тотчас пропало желание еще раз просить его об этом.

В тот день Джим, тощий, как скелет, и длинный, как доска, вышел ей навстречу в голубом комбинезоне, с на редкость скучающим видом. Темные волосы зализаны назад, на щеках – щетина недельной давности.

– Тебе заправиться? – пробурчал он, глядя куда-то вдаль, поверх крыши машины. Затем прихлопнул мошку, жужжащую рядом с правым ухом.

Ронда кивнула ему из открытого окна своей синей «Хонды». Она даже улыбнулась, однако Джим, похоже, этого не заметил. Он, отвинтив крышку, выбрал бензин – обычный (даже не спросив) – и принялся наполнять бензобак.

– Питер на работе? – спросила Ронда как бы невзначай, вглядываясь в гараж.

– Взял выходной, – ответил Джим.

Ронда тотчас приуныла. «Дура-дура-дура», – сказала она себе.

– Сегодня я тут один-одинешенек, – добавил Джим с явной обидой в голосе и потер мочку уха. Похоже, мошка его все-таки ужалила. В этом году вообще наблюдалось настоящее нашествие мошкар.

Пэт тоже не было. Как Ронда узнала позже, та ушла в парикмахерскую. Именно поэтому, когда Труды подкатила на своей заржавленной «Корсике» и остановилась напротив автоматов со льдом, Джим бросил насос, а сам бегом вернулся в магазин, чтобы обслужить Труды. Обычно за кассой сидела Пэт. Она вообще заправляла тут всем: вела бухгалтерский учет, заказывала товар, требовала у старшеклассников удостоверение личности при покупке пива (последнее доставляло ей особое удовольствие). Что не доставляло ей удовольствия, так это когда новый водитель фургона, доставивший товар, или же коммивояжер со своими вопросами, просьбами, предложениями обращался напрямиком к Джиму, думая, что тот здесь главный. Некоторые даже называли его Пэт. Отчего она была вынуждена носить большой бейджик, на котором крупными буквами было написано «ПЭТ ГЕРБЕРТ, ВЛАДЕЛИЦА И МЕНЕДЖЕР БЕНЗОЗАПРАВКИ».

В тот день Пэт уехала в парикмахерскую делать завивку. Труды не стала выключать мотор, полагая, что долго здесь не задержится. Она и радио оставила включенным для своей маленькой дочери, Эрни Флоруччи. Та была пристегнута к заднему сиденью, выцветшему, в грязных пятнах и в дырках от потушенных об него сигарет. Труды только что забрала дочь из

школы. На девочке было платье без рукавов из красного вельвета. Ее каштановые волосы были заплетены в косички и стянуты на концах коричневыми резинками. Эрни училась во втором классе. Во втором, подумала позже Ронда, пытаясь вспомнить, какой она сама была в этом возрасте – уязвимой, маленькой и ничего не значащей.

Труди оставила радио включенным, причем довольно громко, потому что Ронда слышала его из своей машины. Это была музыка в стиле кантри. Ронда никогда эту музыку не слушала, хотя радиостанции, которые ее передавали, плодились с невероятной скоростью. Поэтому Ронда и не узнала песню. Песня же была про любовь и, пожалуй, про разбитое сердце. С другой стороны, разве они не все про это, подумает позже Ронда.

Эта музыка отвлекала Ронду, пока она нервно перебирала в уме, что скажет во время собеседования, какие вопросы ей могут задать. Последние два дня она провела, читая про полосатых мидий все, что попадется под руку, чтобы произвести впечатление умной и начитанной. Пусть биологи знают, что она не поленилась выполнить домашнюю работу. Она мысленно перебирала эти факты, размышляя о разрушительной силе инвазивных видов, тихой сапой вытеснявших эндемиков, о фотографиях более крупных по размеру местных моллюсков, которые буквально задыхались от нашествия полосатого агрессора, когда на стоянку перед магазином въехала третья машина и остановилась рядом с «Корсикой» Труди.

Это был золотистого цвета «Фольксваген Жук». Первая мысль Ронды была, черт, это ведь Лора Ли Кларк, мать Ток. Она понижала голову, сделав вид, будто рассматривает дисплей радиоприемника. У нее не было настроения болтать с Лорой Ли. Та наверняка заведет разговор про Питера и Ток («Какая счастливая пара», – обычно щебетала она) и про последнее изобретение крошки Сьюзи («Гений, а не ребенок, мой маленький гений», – вечно твердила Лора Ли). Потом Ронда, однако, подняла глаза. Дверь машины открылась, и из нее вышел водитель. Вот тогда-то она и увидела, что это вовсе не старая безумная Лора Ли Кларк, а огромный белый кролик!

– Вы хотите сказать, что это был кто-то в костюме кролика? – спросил ее позже полицейский. – Как, например, пасхальный кролик?

– Да, – отвечала она. – Конечно. Костюм белого кролика. Костюм. Мужчина в костюме белого кролика.

– Откуда вам известно, что это был мужчина? Да еще в костюме?

– Не знаю. Просто... просто мне показалось, что это мужчина. Он был высокого роста.

– Шести футов ростом, – повторил полицейский, читая собственные

записи.

На самом же деле там, на стоянке перед мини-маркетом Пэт, в понедельник, без четверти три пополудни, когда кролик вышел из машины, Ронде даже в голову не пришло, что внутри костюма может быть человек. Он проворно, но как-то нервно прыгал, словно кролик, то и дело дергая большой белой головой то в одну сторону, то в другую.

Он повернулся к Ронде и, как ей показалось, на миг уставился на нее слепыми пластмассовыми глазами. Ей показалось, будто она увидела, как дернулся его нос, когда он легонько кивнул ей. После чего большой, белой, пушистой лапой постучал по стеклу рядом с Эрни. Маленькая девочка улыбнулась и открыла дверь машины. Кролик наклонился. Эрни ласково погладила его по голове и, почесав его за ушами, отстегнула ремень безопасности.

Кролик протянул ей лапу. Эрни взяла ее в свою маленькую ладошку, вылезла из машины матери и перешла к золотистому «Фольксвагену», где без какой-либо борьбы или колебаний уселась на пассажирское сиденье рядом с водителем. Она все время улыбалась.

У золотистого «фольксвагена» на заднем бампере имелась вмятина. Это все, что Ронда могла сказать полицейским, когда описывала машину. Она сказала им, что сначала подумала, что это Лора Ли, но, как затем оказалось, она ошиблась. Ей даже в голову не пришло посмотреть на номер.

– Но это был местный номер? Штата Вермонт, а не, скажем, канадский. Например, Квебека? – спросил один из полицейских.

– Да, штата Вермонт, – ответила Ронда, отругав себя за то, что даже не посмотрела на номер машины, чтобы запомнить его. – По крайней мере, мне так кажется.

– Отлично... имелись ли у машины какие-то другие приметы? Что-то такое, что бросалось в глаза? Например, ржавчина? Или что-то на заднем сиденье?

– Я не заглядывала на заднее сиденье. А так нет, это был просто золотой «Жук». Ничего необычного, кроме водителя.

– Значит, кролик, – скептически произнес коп. Тот из двоих, что был ниже ростом. На вид лет девятнадцати, не старше, подумала Ронда, практически подросток. Под тенью широкополой шляпы прыщи на его висках были ярко-красными, больше напоминая нарывы.

– Да-да, кролик. – На этот раз голос Ронды слегка дрогнул – сказывались нервы, усталость и раздражение по поводу того, что ей вечно приходится повторять одно и то же. А еще она знала, что Труды права: то,

что Эрни пропала, – целиком и полностью ее, Ронды, вина. Она ничего не предприняла, даже не пошевелила пальцем, видя, как маленькую девочку в красном платице куда-то увозят. Она наблюдала за событиями, словно за инфузориями в микроскоп – пассивный наблюдатель, пусть даже замороженный зрелищем, что разворачивается у него на глазах.

Но ведь она не пассивный наблюдатель. Она труженик. Она умеет отделить главное от второстепенного. Она методична и смотрит на вещи острым взглядом ученого. Она в любой ситуации знает, каким будет следующий логический шаг. Но по какой-то причине в тот день она сидела и смотрела, словно парализованная. Загипнотизированная белым кроликом.

Второй полицейский разговаривал в другом конце магазина с Трудю. Джим вытащил из-за прилавка складной стул с рваным сиденьем и поставил его возле полки с конфетами, рядом с шоколадными батончиками и драже. На пару с полицейским они подвели к стулу бьющуюся в истерике Трудю и теперь, как могли, пытались ее успокоить.

Всего несколько мгновений назад, когда до нее дошло, что Ронда стала свидетельницей похищения ее дочери и при этом даже пальцем не пошевелила, Трудю попыталась выцарапать ей глаза своими только что наманикюренными ногтями. С ногтями Трудю шутки плохи. Длинные, почти в два дюйма, заостренные на концах, покрытые свежим слоем красновато-оранжевого лака, который своим цветом напоминал Ронде кровоточащий брусок мороженого «Кримсикл». Вторым копом, тот, что повыше, и плохо взявший на себя главную роль в расследовании, оттащил Трудю и повел ее через весь магазин к складному стулу, который Джим достал из-за прилавка. Ронда осталась понуро стоять, прислонившись к холодильнику с пивом.

– Ты ничего не сделала! – крикнула Трудю. – Ты сидела на своей вонючей жирной заднице и смотрела, как мою дочь куда-то увозят!

Ронда не считала свою задницу жирной, но, по сравнению с Трудю, с ее шестым размером одежды, она была девушкой крупной. Коренастая, высокая, Ронда носила одежду четырнадцатого размера, а основной свой вес – на боках. Лицо ее было круглым. Она постоянно пыталась найти фасон стрижки, который бы сделал это менее заметным.

Усадив Трудю на стул, высокий коп сразу же возобновил допрос:

– Скажите, может, вы знаете кого-то, кто мог увезти вашу дочь? Например, кто-то из родственников или ваш бывший бойфренд?

– Да я, на фиг, вдова! Нет у меня никаких бойфрендов! У меня есть Эрни и моя сестра, вот и все! – разрыдалась она. Тушь для ресниц черными ручейками потекла по ее бледному лицу, прорезая в тональном креме узкие

канавки.

– Прошу вас, мэм, успокойтесь. Я понимаю, вам тяжело. Но может, Эрни рассказывала вам о ком-то? Может, это кто-то из родителей ее подруг? Или незнакомец, который видел, как она играет?

– Это был кролик! – выкрикнула Труды. – Гребаный Кролик Питер! О господи!

Она снова разрыдалась и дрожащей рукой принялась искать в кармане джинсовой куртки новую пачку сигарет и зажигалку. На пол выпорхнули лотерейные билеты. Высокий коп нагнулся, чтобы их поднять. И, пока Труды закуривала сигарету, внимательно их рассматривал, словно это были улики.

– Она целый месяц говорила, что к ней приходит Кролик Питер. Что он в своей подводной лодке брал ее на Кроличий остров. Она даже рисовала картинки с ним. О господи! Я думала, что это все ее фантазии!

Джим подошел к Труды и, положив ей на плечо руку, легонько сжал его своими промасленными пальцами.

– Я только что позвонил в салон красоты. Пэт уже едет сюда. Не переживай, Труды. Эрни найдется. Помнишь ту девочку в Вирджинии? Она нашлась, живая и здоровая. Ведь так?

Ронда вспомнила Эллу Старки, восьмилетнюю девочку, похищенную в прошлом месяце в сельской глубинке в Вирджинии. Спустя десять дней ее обнаружили в яме. Она выжила лишь благодаря тому, что собирала в ржавую консервную банку дождевую воду и ела дождевых червей. Ронду передернуло. Труды смерила ее полным ненависти взглядом.

– Эта жирная девка знает больше, чем говорит! – выкрикнула она. – Иначе почему она просто сидела и глазела? Не иначе как она знала того мужика. Вдруг они с ним работают на пару? Она стояла на стреме! Разве похитители так не делают?

– Мы все доскональнейшим образом расследуем, – заверил ее коп.

Прыщавый коротышка-коп вывел Ронду на улицу. Теперь они разговаривали на забрызганном пятнами масла асфальте.

Ронде было видно, как Труды смотрит на нее сквозь оконное стекло, украшенное рекламой пива и сигарет.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО СРЕДАМ. СКИДКА 5 ЦЕНТОВ С КАЖДОГО ГАЛЛОНА БЕНЗИНА В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ДНЯ!!! ДЕЖУРНЫЙ МЕХАНИК! – обещала другая реклама. Но где же Питер?

Труды продолжала испепелять Ронду взглядом, как будто ожидала, что сейчас из-под полы ее блейзера мелькнет белый пушистый хвостик.

Прибыв в мини-маркет, сержант-детектив Джо Кроули вызвал на место происшествия целую команду полицейских и приказал им прочесать окружающую местность. Чуть позже прибыл белый фургон со следователями. Они сделали снимки. Они исследовали парковку на предмет отпечатков шин и других улик. Они посыпали порошком пассажирское сиденье в машине Труды в поисках отпечатков пальцев, хотя Ронда однозначно дала понять, что преступник работал в перчатках. Разве не полагается кролику иметь мохнатые лапы?

Кроули оповестил полицию штата о золотистом «Фольксвагене», увезшем Эрни Флоруччи, и объявил тревогу. Он отправил высокого копа вместе с Труды к ней домой, поручив ему найти рисунки девочки, на которых изображен кролик, и недавнее фото Эрнестины. Коп помог Труды встать со старого стула и вежливо вручил ей поднятые с пола лотерейные билеты.

– Такие вещи нельзя забывать, – сказал он ей, подмигнув. – У меня такое предчувствие, что они счастливые.

Труды кисло улыбнулась в ответ и сунула билеты обратно в карман джинсовой куртки. Опираясь на копа, который поддерживал ее за талию, она направилась к машине.

Сержант Кроули производил впечатление профессионала, что вселило в Ронду надежду. Уж если кто и способен найти малышку и кролика, то это Кроули. На вид ему было за сорок (как и ее отцу). Волосы с проседью коротко стрижены ежиком. Темные брюки, белая рубашка, темно-зеленый галстук с золотым зажимом. По мнению Ронды, когда-то он был в прекрасной физической форме и, словно бывший атлет после травмы колена, позволил себе слегка набрать вес.

– Мисс Фарр, есть ли еще что-то, что вы могли бы сказать мне про этого кролика? Что угодно.

– Нет, – сказала Ронда и покачала головой. Добавить ей было нечего. По крайней мере, про этого кролика. Но когда-то давно был другой белый кролик, правда, со временем он тоже исчез.

11 апреля 1993 года

В лесу лежал снег. Она бежала в своих нарядных желтых пасхальных туфельках. Ноги то и дело скользили, а лодыжки онемели от холода. Рядом с ней была Лиззи. Они держались за руки. Падая, они всякий раз заливались смехом. На Лиззи тоже были желтые туфельки со светлыми атласными бантиками. Когда она увидела туфли Ронды, то уговорила мать взять ее с собой в торговый центр и купить точно такие же. С девчонками всегда так. Если есть у одной, подавай то же самое и другой.

Лиззи и Ронда говорили всем в школе, что они близняшки, но только живут как кузины, хотя на самом деле они вообще не были родственницами. И все же другие дети верили, что они близнецы. В эту ложь было нетрудно поверить, так сильно они были похожи: две крупные девочки с темными, прямыми, нечесаными волосами, грязью под ногтями и неправильным прикусом, потому что в раннем детстве обе слишком долго сосали большой палец. А еще это были тихие девочки с большими карими глазами. Глазами коал, глазами лемурув, глазами, которые как будто занимали большую часть их некрасивых лиц.

Они были лучшими подругами еще до того, как научились говорить. Играли в одной песочнице, матери выгуливали их на берегу озера в одинаковых розовых колясках. Когда же обе заговорили, то казалось, так утверждали их матери, что они изобрели свой собственный тайный язык – секретный код, который понимали только они сами, полный слов вроде *далур*, *уб*, *та*, *ско*. Родители опасались, что дочери будут и дальше общаться друг с дружкой на этом диком языке, что им не нужен будет окружающий мир с такими словами, как *кот*, *плавать* или *спасибо*.

Иногда Ронда думала об этом, когда глядела на Лиззи – как когда-то давно они не могли жить друг без друга.

Да, они родились с разницей всего в два дня. Это правда. Поэтому они и придумали ложь, будто они дочери одной матери. Мол, когда Лиззи появилась на свет, Ронда осталась в материнской утробе, но их мать узнала об этом лишь спустя пару дней, когда пошла в уборную, а из нее выскочила Ронда.

– Прямо в унитаз! – радостно вопили они одинаковыми по высоте и тембру голосами. – Ронда бухнулась прямо в унитаз!

Не такое уж плохое начало, просто смешное.

Питер бежал впереди. Он был ближе всех к кролику. Поверх светлых локонов у него была надета красная отцовская шапка, шерстяная, охотничья, зато он был без куртки. Ему было тринадцать лет. Ронда знала: в тринадцать лет мальчишки не носят курток, если только на дворе нет настоящего мороза. Кроме того, Питер объявил, что охотится с ними за пасхальными яйцами в последний раз. Мол, пасхальные корзинки – это для малышни.

Ронда и Лиззи забежали за поворот тропы. Лиззи налетела на корень дерева, споткнулась и, падая, потянула за собой Ронду. Та упала на нее сверху. Обе зашлись смехом. Нарядные пасхальные платья были загублены навсегда.

– Фу! – поморщилась Ронда, поднимаясь. – Что ты сегодня ела?

– Сардины, – с улыбкой ответила Лиззи.

– На завтрак? Какой ужас.

– Отец говорит, что в них много кальция. Ну, это для костей, чтобы они были крепче. Сардины регулярно едят «Рокеттс»^[2].

– Зато теперь у тебя изо рта воняет кошачьим кормом. – Ронда сошла с тропы, направляясь к Питеру и кролику. Лиззи – за ней по пятам.

Ронда подумала, какая дурацкая эта новая диета «Рокеттс», да и само их название тоже. Но самое дурацкое – это то, что Лиззи их никогда не видела, разве что по телевизору. Как можно по пятиминутной передаче на двадцатидюймовом экране судить, что делать с собственной жизнью? Но Лиззи была настроена непоколебимо: она обязательно будет танцевать в «Рокеттс». Она вечно напоминала Ронде, что для этого нужно быть как минимум пять футов шесть дюймов ростом.

– Я слишком низкая, Ронда.

– Но тебе всего десять лет! В десять лет все примерно такого роста!

– Мои родители оба невысокие. Мне достались коротышечьи гены. Это проклятие.

Лиззи не только училась высоко вскидывать ноги, но и ела дурацкую еду, якобы способствующую росту. И еще никогда не пила газировку, от которой, по ее словам, гниют кости и останавливается рост.

– К тому же, – говорила она, – в газировке много сахара. Ты когда-нибудь видела в «Рокеттс» толстую танцовщицу?

Питер и кролик добежали до сцены. Кролик запрыгнул на водительское сиденье старого брошенного автомобиля и сделал вид, будто крутит руль.

– Давайте сюда! – крикнул Питер. Обе девочки бегом бросились к

нему.

Там, в снежном гнезде на заднем сиденье машины, было три пластмассовых яйца, знак того, что охота начинается по-настоящему.

– Вот это да! – воскликнула Лиззи, хлопая в ладоши, как будто не ожидала увидеть там пасхальные яйца. Можно подумать, она искала что-то другое.

Ронда нагнулась и достала из машины свое яйцо. Внутри оранжевой скорлупы, как в печенье с предсказанием, лежала записка: «Беги на вершину холма. Посмотри рядом с камнем».

Она подняла глаза на кролика. Подбоченясь, тот стоял теперь на капоте, нетерпеливый и страшный, с огромными лапами и ушами, пластиковые глаза сплошь в царапинах – ведь костюм берут напрокат каждую Пасху, белый мех, грязный и замусоленный, воняет химчисткой.

Оставив друзей, Ронда бросилась к вершине холма. Так продолжалось примерно час. Они зигзагами носились по лесу и, следуя подсказкам, находили яйца. Она несколько раз столкнулась с Лиззи и Питером. Сравнив свои тайники и записки, они тотчас разбегались каждый в свою сторону.

Из рта Ронды вырывался пар. Она задыхалась от быстрого бега. Кролик петлял между деревьями, манил, дразнил. Указывал то в одном направлении, то в другом. Сгибался пополам и хватался за живот, заходясь в немом хохоте, когда она поскользнулась и падала или же, поверив ему, бежала в поисках следующего яйца в ложном направлении. Вот такой пройдоха и обманщик этот кролик.

Когда, наконец, она устала от игры, да и порядком озябла, кролик появился вновь. Взяв ее руку в белую пушистую лапу, он повел Ронду на небольшую поляну.

Здесь, на большом плоском камне, поблескивая зеленой пластмассовой травой, стояла ее оранжевая корзинка, доверху набитая шоколадными зайцами, яйцами и желейным драже. Кролик кивнул и на минуту, прежде чем Ронда возьмет корзину, пригласил на праздничный танец – веселую кроличью польку. Одна его мохнатая лапа лежала у Ронды на талии, другая сжимала ее озябшие пальцы. Никаких дрыганий ногами в стиле «Рокеттс», которые так обожала Лиззи, скорее, неуклюжее топтание по скользкой раскисшей земле.

Они протоптали в снегу небольшой круг. Затем кролик отпустил Ронду и, помахав лапой, повернулся и поскакал вниз по холму.

Ронда схватила корзинку и бегом бросилась через лес к дому, с его знакомыми теплыми запахами кофе, корицы, булочек и жареного бекона. Стол был накрыт для пасхального ланча. Кстати, Питер уже вернулся.

Содержимое его корзинки было высыпано на диван. Ронда тотчас заметила, что он получил комиксы и перочинный нож.

Ей же достались цветной пластилин и блеск для губ. Питер доставал из пакетика черные желейные драже и, подбросив их в воздух, ловил ртом. Он как-то раз видел, как один тип в фильме-вестерне делал то же самое с арахисовыми орехами, и с тех пор оттачивал мастерство.

Сколько Ронда себя помнила, на пасхальном ланче всегда были Питер и Лиззи. Ее отец и Дэниэл Шейл, отец Питера и Лиззи, росли вместе и всегда были лучшими друзьями. Почти как братья, как однажды сказал отец. К тому же Шейлы жили рядом – на четверть мили дальше по Лейк-стрит или даже ближе, если срезать путь по лесу.

– А где Лиззи? – спросила Агги, мать Лиззи и Питера. Сегодня на ней было ярко-зеленое платье до колен, туфли на высоких каблуках, на губах – помада, на щеках – румяна. Короткие волосы выкрашены в малиновый цвет и торчат во все стороны, как будто в нее попала молния. Агги держала бокал с коктейлем, хотя было всего десять часов утра. Ее рука слегка подрагивала, как будто удержать в ней бокал было тяжело, и это отнимало все ее силы.

– Все еще в лесу с кроликом, – сказала Ронда.

– Они оба что-нибудь себе отморозят, – сказала Агги.

– Мам, там не так уж и холодно, – возразил Питер, открывая свой новый ножик и пробуя пальцем лезвие.

Агги пристально посмотрела на сына, допила остатки коктейля и, словно игральными костями, потрясла в стакане кубиками льда. Ронда ощущала запах ее духов – одновременно сладковатый и гнилостный, как у росянки, подумала она.

– Кофе готов, – сказал отец Ронды, Клем, подавая Агги чашку. Его темные волосы были коротко стрижены. Сегодня он был в белой рубашке с галстуком, отчего его лицо и руки, несмотря на апрель, казались еще более загорелыми. Просто у Клема была такая кожа, и он круглый год щеголял бронзовым загаром.

Агги, прищурившись, посмотрела на него, поставила стакан и взяла дымящуюся чашку. Отец Ронды пил свой кофе, не сводя глаз с Агги. Так обычно смотрят на какую-нибудь непредсказуемую собаку, которая при малейшем движении может наброситься на вас и укусить. Затем Клем поставил свою чашку и, достав из кармана рубашки пачку «Кэмела» без фильтра, закурил. Он ловко сделал это тремя оставшимися пальцами правой руки, как будто другие два отсутствовали у него всю жизнь. Когда Ронда была маленькой, она любила сидеть у него на коленях и слушать

рассказ о том, как он их потерял.

– Все случилось в мгновение ока, – объяснял Клем. Сидя у него на коленях, Ронда трогала своими крошечными пальчиками куцые пеньки, которые когда-то были его пальцами. – Мы с Дэниэлом были на лесопилке, выполняли большой заказ на балки для Дейва Ланкастера.

Ронда обычно кивала. Она знала, кто такой Дейв. Дейв был хозяином лесопилки. Однажды он сцепился в схватке с черным медведем и теперь иногда показывал любопытствующим свои шрамы, которые были у него на мягком месте.

– Я как раз распускал пилой ствол тсуги, – продолжал Клем. – Дэниэл стоял за мной.

– И с ним случился припадок, – говорила Ронда, так как знала эту историю наизусть.

– Все верно, моя милая. Он неожиданно упал на меня. Моя рука попала прямоком под пилу.

– Было очень больно? – спрашивала Ронда.

– Нет, – отвечал Клем. – Все произошло слишком быстро и неожиданно, а после этого у меня был шок.

– Шок, – повторяла юная Ронда, думая про электричество. Она знала, что нельзя играть рядом с розетками или гулять во время грозы, потому что можно получить шок.

– Это был несчастный случай, – пояснил отец.

– Но что стало с твоими пальцами? – спрашивала Ронда, ерзая на коленях у отца.

– Понятия не имею, – отвечал Клем.

Ронда представляла себе, как все еще теплые пальцы лежат на усыпанном опилками полу лесопилки.

– Наверное, они скучали по твоей руке, – вздыхала она. И при этих ее словах на губах отца играла печальная улыбка. Как-то раз он даже признался дочке, что иногда по утрам просыпается, чувствуя, как шевелит этими своими отсутствующими пальцами.

Мать Ронды, жюстин, вошла в столовую из кухни, шаркая по полу разношенными розовыми домашними тапками. На ней был ее обычный наряд – спортивный костюм, с той единственной разницей, что, по случаю Пасхи, этот был бледно-сиреневый. Она внесла поднос с горой посыпанных корицей булочек и поставила его в центр стола.

– Жюстин, – заплетающимся языком сказала Агги, – ты превзошла себя. Все просто чудесно!

Жюстин кивнула и вернулась в кухню приготовить вафли, а заодно

спрятаться в уголке с чашкой черного кофе и любовным романом. Ронда сначала подумала, не пойти ли ей в кухню, чтобы помочь матери или, по крайней мере, составить ей компанию, однако застряла рядом со стеклянной дверью, что вела из столовой во внутренний дворик, выглядывая среди подступавших прямо к дому деревьев Лиззи и кролика.

– Вдруг они заблудились, – задумчиво сказала она, обращаясь непонятно к кому. Обернувшись, она увидела, как Агги наклонилась и, вытащив из губ отца сигарету, сунула ее себе в рот и сделала глубокую, убийственную для легких, затяжку.

Ронда вновь отвернулась к окну. Подышав на холодные стекла, чтобы на них осталась пленочка влаги, Ронда принялась водить по ней пальцем. Она нарисовала пасхальные яйца и, не слишком красиво, кролика с неровными ушами.

– Вон они, – сказал Питер. Он подошел к ней сзади и положил подбородок ей на плечо. Его дыхание, пахнущее черными желейными конфетами, обдавало ей щеку, отчего становилось тепло.

Из-за деревьев появился кролик. Лиззи восседала у него на плечах, словно этакая пасхальная королева в желтом платье и туфельках. Она смеялась, размахивая розовой корзинкой, полной конфет. Кролик трусил по лужайке, большими белыми лапами прижимая к своей груди ее ноги.

Войдя в дом, кролик поставил Лиззи на пол, затем подошел к Агги, что-то шепнул ей на ухо и схватил за попу. Она спиной прильнула к нему и, смеясь, потерлась о него попой. Затем повернулась к нему лицом и осторожно потянула его кривые белые уши.

– Снимай эту дурацкую штуковину, Дэниэл, – сказала Агги. Кролик послушно снял голову и взял ее под мышку.

Его светлые лохматые волосы торчали во все стороны. У него были густые усы, как у моржа, эти усы он носил, сколько Ронда его знала. В таких обычно застревают еда. И еще от них было щекотно, если он наклонялся, чтобы поцеловать тебя в щеку или подуть на пупок.

Незаметно подкравшись, Питер выхватил у отца кроличью голову и надел ее на себя. Издав возмущенный вой, Дэниэл принялся гоняться за ним вокруг обеденного стола. Лиззи визжала от восторга. Взяв Ронду за руку, она потащила ее полюбоваться погоней. Жюстин вышла из кухни с любовным романом в розовой обложке. Видно, ей тоже было любопытно взглянуть, что здесь происходит.

Агги засунула руку в карман Клема, выхватила пачку «Кэмела» без фильтра, вытряхнула из нее одну сигарету и прикурила спичкой из коробка, который Клем обычно заворачивал в целлофан. Сложив на груди руки,

Агги сквозь облако табачного дыма принялась наблюдать за погоней. Впрочем, взгляд ее был устремлен вовсе не на мужа и сына, а на стеклянную дверь за ними, которая оставалась открытой. Агги выглядывала в задний дворик, как будто ожидала, что оттуда появится какой-то незваный гость. Или же, решила Ронда, подумывала о том, не сбежать ли через нее.

Питер все так же носился вокруг стола; огромная кроличья голова при этом подсакивала и дергалась, отчего он казался этакой куклой в человеческий рост с кивающей головой. Наконец, поймав сына, Дэниэл перевернул его вверх ногами и тряхнул. Питер запищал:

– Пап! Прекрати. Сдаюсь!

Огромная кроличья голова соскользнула с него и, мягко приземлившись на толстый бежевый ковер, уставилась сетчатыми глазами на стеклянную дверь, как будто тоже задумала побег.

* * *

Кролик – это кролик. У него чуткие уши. Он подергивает носом. Он чешет белой пушистой лапой там, где у него что-то чешется. Он наклоняет голову и прислушивается. Он не говорит. Он никогда не говорит, только делает знаки, кивает или качает головой. Просто удивительно, что он может поведать без всяких слов.

Кролик не может поверить, что это просто. Что девочка может доверять ему и любить его. Они пытаются играть в сумасшедшие восьмерки, потому что это ее любимая игра, вот только он не может держать в лапах карты. Она смеется. Есть в ее смехе что-то особенное. Что-то такое, что заставляет кролика почувствовать себя живым, чего с ним не было уже очень и очень давно.

Это печальная девочка. У нее недавно умер папа. Ее мать охвачена собственным горем и не способна утешить ребенка. Но кролик знает, как заставить ее улыбнуться. Кролик прискакал к ней, как герой из сказки, чтобы навсегда прогнать печаль.

Маленькая девочка назвала его Питером. Он не говорит ей, что это странно. Когда кролик – это кролик, у него нет другой, человеческой жизни. Он отрекается от собственной личности и становится чем-то... чистым. Почти совершенным.

И для девочки у кролика тоже имеется имя. Тайное имя. Птичка, мысленно называет он ее.

Его дорогая птичка снова вернулась.

5 июня 2006 года

Вернувшись в машину (все еще припаркованную перед бензозаправкой), Ронда прижала к уху мобильник. Она была взвинчена и вместе с тем осмотрительна. Как будто ей хотелось что-то сделать, но она не знала, что именно. Например, ей хотелось завести мотор и начать колесить по всему штату в поисках маленькой девочки и кролика. Увы, Ронда знала: толку от этого будет немного. Все копы Вермонта будут начеку. Любой гражданин, который слушает радио или смотрит телевизор. И все же сидеть без дела она не могла.

Питер ответил ей на третьем гудке.

– Как прошло собеседование? – спросил он.

– Случилась одна вещь, Питер, – ответила она и рассказала ему о похищении. Мол, она до сих пор сидит в машине на бензозаправке и не знает, что ей теперь делать. Сказав это, она услышала, как Питер прикрыл трубку и что-то пробормотал.

– Ток дома? – с упавшим сердцем спросила Ронда.

– Да. Я только что все ей сообщил. Мы знаем Эрни. Она – подруга нашей Сьюзи.

Ток подняла трубку параллельного аппарата – возможно, в кухне, подумала Ронда. Питера она представила в гостиной. Вот он сидит на коричневом диване, положив ноги на кофейный столик. Интересно, что у Питера на ногах, кроссовки или рабочие ботинки?

– Господи, Ронни, – сказала Ток. – Белый кролик похитил Эрни?

– Понимаю, это кажется полным безумием, но...

– Мир полон безумия, – перебила ее Ток. – Боже, совсем как ту маленькую девочку в Вирджинии! Сколько же ненормальных разгуливают среди нас. Знаешь что, приезжай к нам. Мы зажарим стейки, а ты тем временем понежишься в горячей ванне.

– Да, приезжай к нам, Ронни, – сказал Питер. – Пообедаешь с нами.

Ронда услышала какое-то движение и скрип диванных пружин. Судя по всему, Питер усаживался поудобнее, может, даже выпрямил спину, готовясь дотянуться до телефонного аппарата и положить трубку, как только Ронда согласится. Когда Ток была рядом, Питер всегда старался закруглиться побыстрее.

– Хорошо, я приеду. Буду примерно через полчаса. – Не то чтобы Ронда горела желанием принять их предложение, но ей было страшно

провести вечер одной, ругая себя за то, что позволила кролику у себя на глазах похитить маленькую девочку.

Нажав кнопку отбоя, Ронда положила телефон в сумочку, лежавшую рядом с ней на сиденье, и посмотрела сквозь ветровое стекло на машину Труды. Машина стояла с открытыми дверцами в окружении полицейских.

Ах да, жуки, вспомнила Ронда. По телевизору говорили, что малышка Элла Старки ела жуков. Интересно, чем кролик будет кормить Эрни? Что ей придется делать, чтобы выжить?

По пути Ронда заехала домой – переодеться и захватить купальник и полотенце. Она жила на верхнем этаже старого викторианского особняка неподалеку от центра города. Дом был поделен на три квартиры. На первом этаже жили домовладелец с супругой, второй занимала их незамужняя дочь и ее двое детей. Ронда обитала в мансарде. Коньки крыши придавали стенам ее квартирки жуткий наклон. Чтобы подняться к себе, Ронде нужно было преодолеть винтовую лестницу за домом.

Стоя наверху лестницы, Ронда отомкнула дверь и направилась напрямик в ванную. Здесь она переделалась, радуясь тому, что, наконец, может сбросить с себя неудобный официальный костюм. Из слухового окна рядом с ее кроватью открывался великолепный вид на южную часть озера Никел-Лейк. Отдернув шторы, Ронда постояла несколько секунд, глядя на отдыхающих на городском пляже. Интересно, они уже знают о похищении? Ей почему-то хотелось распахнуть окно и крикнуть наподобие глашатая, предупредить матерей, чтобы оберегали своих детей от кроликов.

Наконец она отвернулась от беззаботных пловцов и загорающих с их яркими полотенцами, зонтиками и портативными холодильниками и проверила сообщения на автоответчике. Было только одно, от участника исследовательской группы озера Шамплейн. Он спрашивал, не перепутали ли они время собеседования, и если она все еще заинтересована в этой работе, то они готовы перенести собеседование на другое время.

Выходя из дома, Ронда остановилась в прихожей и посмотрела на себя в зеркало. За ее спиной были два рисунка, составлявшие предмет ее гордости, – диссекции кальмара и кролика. Ронда обожала заниматься биологией и в особенности препарировать. Ей нравилось делать поясняющие рисунки – карандашные наброски органов и подписи к ним, чтобы затем раскрасить их цветными карандашами: сердце – красным, селезенку – фиолетовым, печень – зеленым. Она препарировала глаз овцы, эмбрион свиньи, голубя, кошку, кальмара, бесчисленных лягушек и кролика. Ронде так нравились собственные рисунки, что она поместила их

в рамки и повесила на стенах своей квартирке – там, где другая женщина поместила бы семейные фото, карты или постеры с младенцами в костюмах подсолнухов.

Глаз поймал отраженного в зеркале кролика – кожа оттянута, мышцы и грудина разрезаны, чтобы обнажить внутренние органы. Ронда заморгала, схватила со стола под зеркалом ключи и направилась к двери.

Ток всегда раздевалась и ходила голышом, прежде чем залезть в горячую ванну. Ронда этого терпеть не могла. Ей было неприятно, что Ток – такая подтянутая и мускулистая и совершенно не стыдится своего тела. Она без задней мысли сбрасывала с себя одежду, как другой снимает солнечные очки. Питер был в синих плавках. Ронда надела черный купальник, но даже в нем она чувствовала себя голой и потому натянула поверх него футболку.

Горячая ванна была домашнего производства, как и все в их небольшом автономном каркасном доме, стоявшем посреди двенадцати акров земли. Границей участка служил ручей в самом конце грунтовой дороги длиной в три мили. Город не занимался ее ремонтом, так что Питеру и Ток не оставалось ничего другого, как каждую весну самим выравнивать ее. Ронда, поскольку у нее не было внедорожника, знала, что зимой или во время осенней или весенней распутицы к ним лучше не соваться.

Ток и Питер совместными усилиями построили этот дом три года назад. Здесь все было продумано до мельчайших деталей, отчего сам дом был скорее произведением искусства, чем обычным жильем. Отапливались они дровами, электричество получали от солнечных батарей или, в случае острой необходимости, бензинового генератора.

По выходным Ронда и ее отец приезжали, чтобы помочь со строительством. Вклад Ронды (помимо игр с Сьюзи и присмотра, чтобы с той ничего не случилось) состоял в замере и маркировке досок. Ронда как огня боялась любых рабочих инструментов, тех образов, что они вызывали в ее голове. Например, как она наклоняется, чтобы потрогать вращающееся лезвие настольной пилы. Или как, сорвавшись, циркулярная пила разрезает ей бедро. Как же легко можно истечь кровью до смерти! Как легко получить увечье на всю жизнь, как это когда-то случилось с ее отцом.

– Для этого достаточно одной секунды, – бывало, говорил Клем, рассказывая свою историю.

Ронда знала историю его несчастного случая наизусть. За эти годы она слышала не только его версию, но и версию Агги, Дэниэла и Дейва

Ланкастера. Дейв тогда был хозяином той лесопилки, а также приходился Агги дядей. Клем и Дэниэл, еще учась в школе, подрабатывали у него. Они умели буквально все – начиная с резки бревен до поставки заказчикам готовых столярных изделий. Окончив школу, оба пришли работать на лесопилку на полный рабочий день. В то самое лето Агги Ланкастер, тоже окончившая школу, приехала из Мэриленда, чтобы поработать у дяди. Именно в конце того лета Клем лишился двух пальцев.

Когда Дейв – обычно после нескольких банок пива на семейном барбекю – рассказывал эту историю, он неизменно клялся, что никакой это не несчастный случай.

– Дэниэл напал на Клема, – утверждал он. – Он нарочно толкнул его.

Дэниэл же утверждал, что не помнит, как это произошло: в одну секунду он был рядом с Клемом, помогая ему направить тсугу в пилу, а в следующую очнулся на бетонном полу, весь забрызганный кровью своего друга.

Всякий раз, услышав версию Дейва, Клем качал головой.

– Это был припадок, – говорил он. – Дэниэл потерял сознание и, падая, задел меня.

С остальной частью истории все были согласны. Разбрызгивая кровь, Клем отдернул руку, но первое, что он сделал, – это опустился на колени, чтобы проверить, как там Дэниэл. Дейв тотчас выключил пилу и крикнул Агги, которая работала в офисе. Когда та прибежала, то увидела, что Дэниэл с пеной на губах бьется в припадке, а над ним нагнулся Клем. Еще она увидела, что рубашка Дэниэла вся в крови, однако не поняла, откуда взялась эта кровь.

– Следи за его головой! – крикнул Клем. Он был свидетелем припадков друга добрую сотню раз и потому знал, что надо делать все для того, чтобы тот ни обо что не поранился. Голова же Дэниэла находилась слишком близко от металлических опор верстака. Агги наклонилась и нежно положила руки на дергающуюся голову Дэниэла, следя за тем, чтобы он ни обо что не ударился. До этого Агги ни разу не видала припадков и такого количества крови. Только когда она положила руки на потные волосы Дэниэла, ее взгляд упал на руку Клема.

– Господи! Твоя рука!

Клем посмотрел вниз, на свою руку, на брызжущую фонтаном кровь и нахмурил брови, как будто плохо понимая, что видит. Затем, по-прежнему в замешательстве, тихо отошел назад. В лице его не было ни кровинки. Замотав ему руку фланелевой рубашкой, Дейв помог Клему сесть в грузовик и на всей скорости погнал в город, в больницу.

Ронда отвела глаза от наготы Ток (никаких растяжек, это надо же!) и поглубже вздохнула, пытаясь сосредоточиться на окружавшей ее воде, которая была горяча, как кипяток. Еще учась в школе, Питер провел одно лето, работая на винограднике в штате Нью-Йорк. Это оттуда он привез большую деревянную бочку, в которой они втроем сейчас нежились. Воду грела электрическая спираль внутри печки. Все трое упирались друг в друга коленями, сидя на узком уступчике, который Питер смастерил внутри огромной бочки. Ток только что уложила Сьюзи в постель.

Хотя Ронда и недолюбливала Ток, и находила в ней кучу недостатков, она была вынуждена признать, что Ток – идеальная мать. Веселая, терпеливая, строгая, изобретательная, она всегда знала, что хорошо, а что плохо для ее дочери.

Ток переехала к Питеру сразу, как только окончила школу, и вскоре объявила, что беременна. Все сочли это великой глупостью – мол, они слишком молоды, чтобы заводить семью. А еще с ее-то головой профукать колледж! Но Ток колледж был не нужен. Она хотела Питера и ребенка и мечтала построить в лесу собственный дом. И, похоже, она ни разу не пожалела о своем выборе.

Ток протянула руку и схватила со стола рядом с бочкой пиво. По возрасту она была между Рондой и Питером – на год старше Ронды и на два младше Питера. И в лучшей форме, чем они оба. Волосы Ток стригла коротко, отчего те напоминали плотно сидящую на голове каштановую шапочку. По мнению Ронды, Ток, с ее правильными чертами лица, это шло.

Питер убирал длинные, до плеч, светлые кудри в конский хвост. В свои двадцать шесть он производил впечатление человека, быстро скатывающегося в средний возраст. На лбу появились залысины, на талии – заметные валики жира. Питер с каждым днем становился все больше и больше похож на Дэниэла. Не хватало разве что усов.

Ни Питер, ни Ток не любили, когда в разговорах всплывало имя Дэниэла, и, как правило, Ронда воздерживалась это делать. Но в тот вечер, убаюканная горячей водой, стейком и пивом, чувствуя, как ее колени соприкасаются с коленями Питера, Ронда не удержалась.

– Увидев сегодня этого кролика, я тотчас вспомнила ту Пасху – ну, ты помнишь? Когда Дэниэл оделся в костюм кролика и мы все бегали за ним по лесу в поисках яиц.

Ток недовольно прищурилась. Питер уставился в горлышко пивной бутылки.

– Пойду принесу травки, – объявила Ток, выскакивая из бочки. От ее

стройных боков поднимался пар. Схватив халат, она направилась сквозь раздвижные двери в дом.

Ронда глубоко вздохнула, довольная тем, что теперь она наедине с Питером, хотя и слегка запаниковала. Она откинулась назад и, запрокинув голову на край винной бочки, посмотрела на звезды.

– Неужели ты не помнишь? Ты еще украл голову от костюма, и он гонялся за тобой по всей столовой.

– Нет, – хмуро буркнул Питер и потянулся к лежавшей на столе пачке сигарет.

– Мы бегали за кроликом по лесу и искали яйца с подсказками. – Ронда посмотрела на Питера в надежде увидеть на его лице хотя бы слабый признак того, что он помнит.

Но не увидела. Тогда она прислонилась к стенке бочки и закрыла глаза, вызывая из глубин памяти новые образы той Пасхи.

– Лиззи нашла свою корзину последней, – сказала Ронда. – И вернулась домой, сидя на плечах у кролика, размахивая корзиной и играя с его ушами. – Ронда открыла глаза и посмотрела на Питера. – Как можно такое не помнить?

Но он лишь покачал головой и сказал:

– Это было слишком давно...

Они с минуту молчали. Питер смотрел в пустое горлышко бутылки, вертя ее, словно калейдоскоп, и курил сигарету. Ронда разглядывала его лицо, пытаясь представить, как он выглядел в ту Пасху много лет назад, пытаясь отыскать следы того мальчика, вместе с которым она тогда гонялась по лесу за шустрым кроликом.

Она подумала про сестру Питера, Лиззи, которую, как и Дэниэла, никто больше не вспоминал. Ронде вспомнилось, как Лиззи и Дэниэл вышли из леса во двор – самыми последними в ту Пасху. Оглядываясь назад, Ронда подумала, что это был знак или даже знамение того, что однажды они оба исчезнут, как будто отправились в лес на охоту за яйцами и никогда больше не вернулись.

– Извини, что я заговорила об этом, – сказала Ронда. – Просто сегодня мне все это вспомнилось. Не каждый день видишь огромного белого кролика.

– Или похищение, – добавил Питер, наклоняясь, чтобы потушить окурок. Похоже, он был рад сменить тему, но все еще не решался посмотреть ей в глаза.

Ронда ссутулилась и глубже скользнула в воду. Теперь над исходящей паром поверхностью был только ее подбородок.

– Мне ужасно стыдно, что я сижу здесь и пью пиво, а в это время где-то там плачет маленькая девочка, а все потому, что я позволила этому кролику похитить ее.

– А что ты могла сделать, Ронда? – спросил Питер.

– Не знаю. Могла бы нажать на клаксон. Выйти из машины и закричать. Позвонить в полицию. Иначе, согласись, зачем мне мобильник? Запомнить номер машины. Да что угодно! Я же просто сидела на заднице. У меня было такое чувство... не знаю, я как будто была пьяная или под наркотиками. Или загипнотизирована. Как будто этот кролик наложил на меня чары. И еще мне было страшно, Питер. Лишь когда они уехали, я поняла, что все это время просидела, боясь сделать даже вдох. Сердце стучало, как бешеное.

– Конечно, тебе было страшно, – сказал Питер.

– А теперь я сижу здесь и мокну в этой чертовой бочке, хотя, по идее, должна делать что-то совершенно другое.

– И что именно ты хочешь сделать? – спросил он.

– Найти Эрни.

Вернулась Ток с косячком во рту.

– В одиннадцать часов нужно посмотреть новости, – сказала она. – Наверняка у них уже есть какая-то информация. Может, ее уже нашли. Вдруг это был розыгрыш?

– Интересно, кому понадобился такой розыгрыш? – спросила Ронда.

– Не знаю, – ответила Ток. – Вдруг кто-то решил последовать примеру той девочки, что сидела в яме в Вирджинии, помните, о ней передавали в новостях несколько недель. Или же это какой-нибудь безбашенный подросток. Как только он понял, в какое дерьмо вляпался, наверняка высадил Эрни где-нибудь на дороге.

Девочку из Вирджинии, Эллу Старки, нашли фермер и его овчарка-колли. С тех пор фермер и его собака появлялись в каждом выпуске утренних новостей. На прошлой неделе они вместе с Эллой позировали на обложке журнала «Пипл». Маленькая девочка улыбалась – розовощекая, с аккуратно заплетенными косичками.

Ронда машинально задалась вопросом, каких жуков девочка ела, сидя в яме? Совсем крошечных или крупных вроде майских? Наверное, тех, что побольше.

– Кстати, а где ты сегодня был? – спросила Ронда у Питера. – Разве ты не работаешь по понедельникам?

– Взял отгул, чтобы погулять по лесу, – ответил Питер.

– Втроем? – спросила Ронда.

Ток передала косячок Питеру и сказала:

– Нет, он улизнул без нас. Мы с Сьюзи сделали сэндвичи и поехали за ним следом, надеясь найти его на Пушечном перевале, но его там не оказалось. Поэтому мы устроили свой собственный девичий пикник.

– Я выбрал другой маршрут, – пояснил Питер. – Отправился через пруд Сойера.

– Представляю, как тебя там искушали мошки, – сказала Ронда.

– Нет, не искушали, – ответил Питер, глядя на свои руки. Ронда не заметила на них ни одного укуса.

– Значит, дочка Труды – подруга вашей Сьюзи? – сменила тему Ронда.

– Да, – откликнулась Ток. – Они с ней в одном классе. В марте Сьюзи ходила к Эрни на день рождения. Они с матерью живут в небольшом трейлере на Меклсон-Хилл-роуд. Отстойное место. Но Эрни – замечательный ребенок. Она несколько раз была у нас в гостях. Верно я говорю?

Питер кивнул.

– На ее месте вполне могла быть Сьюзи.

Ток вздрогнула и отвернулась.

– Эту девочку уже давно могли разрезать на мелкие кусочки, а я даже пальцем не пошевелила, чтобы этого не допустить, – вздохнула Ронда. – По крайней мере, можно было запомнить номер машины.

– Не надо себя корить, Ронда, – сказал Питер и, взяв под водой ее руку, сочувственно пожал. – Не бери в голову.

«Как не брала в голову, когда Эрни похитили? – подумала Ронда. Она посмотрела в водянистые, голубые глаза Питера и пожала в ответ его руку. – Как ты не брал в голову, когда пропали Дэниэл и Лиззи?»

12 мая 1993 года

Лиззи и Ронда вприпрыжку бежали по лесу, торопясь к сцене. Всего месяц назад они по этой тропе преследовали кролика. Но теперь снега не было, и клены, росшие вперемешку с елями, канадской тсугой и белыми соснами, начали распускаться. Накануне прошел дождь, но сегодня ярко светило солнце, и лес пах зеленью и прелью.

Лиззи пела песню «Мое страдающее сердце»^[3], нарочно перевирая слова, и Ронда покатывалась со смеху:

– И если прикажешь моему сердцу, моему ранимому, страдающему сердцу, я блевану на этого чувака.

Лиззи плавно повернулась и, положив руки на бедра, высоко дрыгнула правой ногой. Это скорее напоминало прием карате, нежели танец «Рокеттс».

Они только что вышли из дома Лиззи, где та сбросила с себя школьную форму. Теперь на ней было гимнастическое трико, легинсы и теплые гетры бирюзового цвета. А еще Лиззи показала Ронде металлическую перекладину, которую ее отец прикрепил над дверью чулана.

– Это еще для чего? – удивилась Ронда.

Лиззи подпрыгнула, схватилась за перекладину и повисла.

– Для растяжки, – пояснила она. – Если каждый день висеть так по пятнадцать минут, можно вырасти выше. Результат гарантирован.

Ронда подумала про себя, что если что-то и растянется, так это руки Лиззи, отчего она станет скорее похожа на обезьяну, чем на танцовщицу из «Рокеттс». Впрочем, Ронде хватило ума промолчать.

– Ты только взгляни, – сказала Лиззи, закинула за перекладину сначала одну ногу, затем другую и, отпустив руки, повисла в дверном проеме головой вниз. Болтаясь на перекладине, она закрыла глаза, представляя, как становится все выше и выше, а лицо ее тем временем краснело все сильнее и сильнее.

– Ты это, полегче, – раздался голос за спиной Ронды. Обернувшись, она увидела в дверном проеме Дэниэла. – Не хватало еще, чтобы ты себе что-нибудь порвала.

– Так делают «Рокеттс», – ответила Лиззи, подтягиваясь наверх, затем спрыгнула и поправила гетры. – Пойдем, Ронни. Питер уже ждет.

Когда они пришли, Питер уже сидел в центре сцены, по-турецки скрестив ноги и пыхтя своей самодельной трубочкой. В воздухе витал запах табака с легкой отдушкой вишни, табак Питер слямзил из магазина. Полуденное солнце светило поверх верхушек сосен, подсвечивая поляну и сцену на ней. Питер тоже как будто весь светился. На нем были выцветшие коричневые вельветовые брюки и зеленая замшевая рубашка. А на голове – венок, сплетенный из виноградной лозы и разнообразных листьев. По мнению Ронды, Питер был похож на сказочного принца – такого можно встретить, заблудившись в лесу. А потом моргнешь – и его уже нет. Ронда моргнула, чтобы проверить. Но Питер по-прежнему сидел посреди сцены, все такой же сияющий.

Затаив в предвкушении дыхание, Лиззи и Ронда взбежали на сцену. Вдруг сегодня Питер расскажет им про свою пьесу. Он вот уже несколько недель ни с кем не разговаривал, запершись у себя в комнате. Вторую половину дня он проводил в библиотеке, а в теплые дни выходил после школы на сцену и что-то писал в блокноте. Никто не имел права мешать ему, пока он сочинял пьесу. Только когда он закончит писать диалоги и ремарки к ним, он всем все расскажет.

Посмотрев на девочек с лукавой улыбкой, Питер поднялся на ноги и протянул Ронде руку.

– Пойдем со мной, Венди, – сказал он.

И Ронда, не раздумывая, взяла его руку. У нее даже не возникло вопроса, кто такая Венди и куда он хотел с ней пойти. Вместе, рука об руку, они спрыгнули со сцены и, словно безумные птицы, обежали вокруг поляны, дурашливо гикая и заливаясь смехом.

– Ведь это здорово – уметь летать!

Лиззи сидела на краю сцены, хлопая в ладоши и смеясь вместе с ними, пока, наконец, уставшие Питер и Ронда не вернулись на сцену и не рухнули у ее ног. Оба лежали на спине, и голова Ронды покоилась на груди Питера, слегка подпрыгивая с каждым его вдохом. Лиззи положила голову на живот Ронды, а ноги перекинула через Питера. Вместе их тела образовали неправильный треугольник.

– Ну как, угадали? – спросил Питер.

В голове у Ронды вертелись самые разные ответы. Пьеса про птиц? Про греческих богов? Или, может, про фей?

– Питер Пэн! – наконец произнес Питер. – Мы будем ставить «Питера Пэна»! Это будет наш лучший спектакль. Я буду играть Питера. Ты, Ронни, будешь играть Венди. А ты, Лиззи, – знаменитого капитана Крюка!

До этого они уже ставили спектакли по пьесам, которые писал Питер, а иногда придумывали их прямо на ходу. Короткие предсказуемые пьески про рыцарей, разящих мечом драконов; про ковбоев, убивающих индейцев; про полицейских, стреляющих в преступников. В прошлом году Питер даже позволил уговорить себя сыграть в пьесе про цыганский табор. Питер играл цыганского барона, Ронда – его жену, а Лиззи – ее коварную сестру, которая тоже была в него влюблена. Лиззи отравила Ронду, и та должна была умереть на сцене драматичной, трехминутной смертью. Цыганский барон Питер приказал повесить Лиззи, после чего сам пронзил себе сердце кинжалом, проклиная коварство женщин и бродячую цыганскую жизнь.

Эта драма следовала формуле большинства их пьес. Все важные персонажи в конце умирали, даже главный герой. Однако на этот раз все должны были остаться в живых.

– Все, кроме капитана Крюка, – пояснил Питер. – Его съест крокодил.

Питер, как автор сценария, режиссер и звезда сцены (не говоря уже о том, что был самым старшим в их компании), диктовал свои правила. И по мере того, как все трое становились старше, пьесы тоже все больше усложнялись, а вместе с ними и правила. Однако одно правило оставалось неизменным – их спектакли нельзя обсуждать с посторонними людьми. До премьеры, вход на которую был строго по билетам, никто не должен был даже слышать про новый спектакль или видеть хотя бы его часть. Репетиции – это что-то вроде тренировок ниндзя, говорил Питер. Нужно очистить голову от посторонних мыслей и втайне от всех развивать свое искусство, стремясь при этом к совершенству.

Некоторые дети мечтали о домике на дереве или о тайном форте. Эти трое мечтали о собственной сцене, и их желание исполнилось. Три года назад на лесной поляне между домом Ронды и домом Питера и Лиззи они построили сцену – рядом с ржавым остовом старого «Шевроле Импалы», который стоял там, брошенный Клемом, с того самого года, когда родилась Ронда. Клем и Дэниэл помогли соорудить сцену – пилили доски, поднимали тяжести. Детям было позволено самим забивать гвозди.

Будучи окончательно построенной, сцена напоминала странный спасательный плот, застрявший в центре лесной поляны, в окружении высоких сосен. Сцену сколотили из досок от старой силосной башни, которую незадолго до этого снесли в нескольких милях отсюда. Задняя часть сцены была закрыта стеной, на которую вешали простыни с нарисованными на них декорациями (за них, как местная художница, отвечала Ронда). Занавеса не было. Декорации менялись прямо на глазах у зрителей. Слева от сцены притулилась старая «Импала» Клема с

опущенным верхом. Ее часто использовали как бутафорию. Она была полицейской машиной, цыганской кибиткой. Теперь, пояснил Питер, она станет пиратским кораблем, с мачтой, парусом и черным флагом с изображением черепа и скрещенных костей.

Ронда открыла блокнот, который захватила с собой, и принялась делать наброски корабля. Питер тем временем подкидывал ей идеи. Лучше всего в этой жизни Ронда умела рисовать. Если честно, рисовала она куда лучше, чем играла на сцене, и превосходила в искусстве рисования всех в своем классе, если не во всей школе. Питер писал и ставил пьесы, Лиззи отвечала за костюмы и хореографию, но декорации были делом Ронды.

Пока они были на стадии планирования спектакля. Последующие недели они проведут, рисуя декорации, мастера костюмы, придумывая бутафорию. Когда занятия в школе закончатся и в летние домики приедут отдыхающие с детьми, Питер проведет прослушивания, и они будут каждый день репетировать.

– Вот здесь будет лежать в засаде крокодил, – объявил Питер, поднимая крышку люка в задней части сцены. Люк вел в яму, которую они выкопали под сценой. Шириной в четыре фута, столько же в длину и в глубину. Люк был нужен для того, чтобы в нем исчезали или из него появлялись злые волшебники, или же чтобы мертвые могли восставать из могил.

– Но кто будет крокодилом? – спросила Лиззи, нервничая по поводу того, кто же станет ее убивать.

Питер пожал плечами.

– Пока не знаю. Но нутром чувствую, что кто-то будет!

6 июня 2006 года

Яма, в которой сидела Элла Старки, была глубиной в девять футов, а ее пол, если верить статье в журнале «Пипл», был размером с деревянный поддон. Похититель, которого Элла назвала Фокусником, сверху прикрывал яму досками и листьями. Он приходил к пленнице каждый день. Статья умалчивала, что он делал во время этих визитов. Говорилось лишь, что для того, чтобы спуститься в яму, он пользовался лестницей, сделанной из связанных между собой веток. Каждый день он приносил девочке ириску в трескучей целлофановой обертке, золотистую в солнечном свете. Обертку девочка сохраняла и сосала даже тогда, когда самой ириски уже не было.

Мини-маркет Пэт превратился в штаб по поиску Эрни. Пэт и Джим разобрали полки заднего ряда и вместе со стоявшим на них товаром – печеньем, консервами и прочим – временно отправили в кладовую. На их месте теперь стоял длинный ряд складных столов, на которых высились горы листовок, конвертов и блокнотов. Из-за морозильного ларя змеились шнуры удлинителей и телефонных проводов, питая ноутбук и два радиотелефона. Тех, кто слишком долго стоял рядом с рабочей зоной, Пэт обычно привлекала к полезной деятельности: «У вас же найдется пять минут, чтобы положить письма в конверты?» или «Вы не посидите на телефоне минут десять, пока Элисон немного отдохнет?»

Помочь Пэт приехал ее племянник Уоррен, окончивший в Филадельфии первый курс колледжа. Он всю ночь просидел за баранкой, торопясь к ней. Его работа заключалась в том, чтобы выслушивать звонивших по телефону, заносить полученную от них информацию в блокнот, а потом вводить ее в базу данных компьютера. Карен Буавер, работавшая в корпорации IBM, создала специальный сайт «Найти Эрни». На нем размещалась самая последняя информация, а также имелась специальная форма для тех, кто что-то знал или видел и хотел об этом сообщить. Питер тоже был там и работал вместе со всеми, пока Кроули не отвел его в кабинет Пэт для допроса.

Ронда сидела рядом с Уорреном и его ноутбуком и отвечала на звонки. На Уоррене была бейсболка с логотипом Пенсильванского университета и конопляное ожерелье с коричневыми и черными бусинами. Глаза его были красны от бессонной, проведенной за рулем ночи. А еще он питал странную, почти детскую слабость к горячему шоколаду с мини-

пастилками. (С того момента, как Ронда присоединилась к нему, Уоррен пил уже пятую чашку.)

Пока что большинство звонивших не сообщили ничего нового или же вообще оказывались чокнутыми: например, одна женщина сообщила, что видела Эрни во сне живой, сидящей в колодце. Мужчина из Челси утверждал, будто кролики живут среди нас, маскируясь под людей. Потеряв терпение, Ронда побарабанила пальцами по столу, встала и принялась ходить взад-вперед. Наверняка она может делать что-нибудь более полезное.

Она моментально приехала к Пэт, как только Питер позвонил утром и сказал про сбор добровольцев. Почему-то Ронда была уверена, что сегодня они обязательно найдут Эрни.

Пэт, похоже, была рада ее видеть, потому что заключила Ронду в крепкие объятия и сказала:

– Какой ужас, что ты видела все это своими глазами! Представляю, каково тебе сейчас! Но не переживай, мы ее найдем! Помни мое слово! Говорю тебе, она отыщется уже сегодня утром!

Пэт повела небольшую поисковую группу улицами Пайкс-Кроссинга, а затем – в лес, граничивший с заповедником штата. Они отсутствовали все утро, потом вернулись на обед и снова ушли прочесывать лес. Пэт не уставала их подбадривать, утверждая, что они найдут Эрни уже сегодня.

Поначалу Ронда верила Пэт и даже позволила себе немного пофантазировать: как она поднимает трубку и слышит важное сообщение, как потом собирает воедино все улики, которые приведут полицию к Эрни. И вот теперь на часах уже четвертый час – с момента похищения Эрни прошли ровно сутки. Пока же Ронда занималась в основном тем, что следила, чтобы кофейник был полон.

– Черт, – пробормотала она и взялась изображать бурную деятельность – раскладывать бумагу и ручки. Бесполезно. Личико Эрни Флоруччи смотрело на нее с разбросанных по столу листовок. «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА» крупным шрифтом было набрано сверху на каждой листке. Ниже – фотография Эрнестины, сделанная всего несколько недель назад. Вот она, в летнем сарафанчике в цветочек, сидит перед домом посреди жухлой желтой травы. На заднем плане виднеется пластиковый детский бассейн. Темно-каштановые волосы заплетены в косички. Крошечный носик весь в веснушках. Между двумя передними зубами – крошечная щербинка.

Слегка прищурившись, как будто солнце било ей в глаза, Эрни улыбалась в объектив. А может, просто пыталась рассмотреть что-то вдали.

– Прости, – прошептала Ронда малышке Эрни, складывая листовки

аккуратной пачкой, затем откинулась на спинку стула и принялась ждать очередного телефонного звонка.

– Ну, что скажешь? – спросил Уоррен, отрываясь от экрана компьютера. У него были карие, шоколадного оттенка глаза. Слегка печальные и совершенно искренние, как глаза бассета. Ронда представила девушек в Пенсильвании, выстраивающихся в очередь за его вниманием.

– Ничего, – сказала Ронда, глядя куда-то в сторону.

Не вставая со стула, она повернулась, чтобы посмотреть, пришел ли Питер. Нет. Все еще в кабинете вместе с Кроули.

Другие волонтеры перешептывались о том, что на сегодняшний день Питер – главный подозреваемый. Согласно слухам, полиция наложила арест на «Фольксваген» Лоры Ли, в котором на переднем сиденье была обнаружена красная резинка с косички Эрни. Ронда сама слышала, когда пошла в кладовую, чтобы принести еще ручек, как Кроули спрашивал у Питера, есть ли у него ключи от машины тещи.

– Были, – сказал тогда Питер. – Но неделю назад я потерял связку ключей.

Ронда легко представила себе эту связку: с полдюжину ключей, прицепленных к открывашке, плюс талисман – белая кроличья лапка. Опасаясь, что ее застукают за подслушиванием, она схватила коробку с ручками и вернулась к телефону, где вновь забарабанила пальцами по столу в ожидании звонков. Что за бред! Кроули только теряет время, допрашивая Питера. Да что там, они все тратят драгоценное время!

Рядом с кассой, обняв за плечо молчаливую и заплаканную Труды Флоруччи, Пэт собрала небольшую пресс-конференцию.

– Такие моменты, как этот, – говорила она, – сплачивают людей. Не в привычках жителей нашего городка оставаться сторонними наблюдателями, когда случается беда. Нет, мы дружно выходим на поиски маленькой девочки. Помяните мое слово – мы найдем Эрнестину Флоруччи! Мы не успокоимся, пока не увидим ее в объятиях матери, целой и невредимой!

Ронда перехватила взгляд Уоррена.

– Господи, как же мне хочется, чтобы она оказалась права!

– Она права, – ответил Уоррен и закусил нижнюю губу. – Тетя Пэт редко ошибается. И если она что-то решила, ее уже не остановить. Она как ураган.

Ронда обвела взглядом помещение штаба. Здесь и впрямь царила бурная деятельность, которую Пэт развернула менее чем за сутки.

– В этом ты прав, – кивнула Ронда.

На данный момент она и Уоррен были единственными волонтерами. Питер застрял на допросе у Кроули. Остальные отправились на поиски.

– Так ты ей веришь? – спросила Ронда.

Уоррен поставил свой бумажный стаканчик, наклонился почти к самому ее уху и прошептал:

– Хочешь знать, во что я верю?

Он что, заигрывает с ней? Или это она начала первой?

Внезапно она устыдилась самой себя. Как вообще она могла думать о некоем смазливом парне, когда Эрни Флоруччи была похищена у нее на глазах, и теперь белый кролик держит малышку где-то под замком, если не хуже?

– Независимо от того, что случилось, мы не должны терять надежду, – сказал Уоррен, как будто читая мысли Ронды. – Мысли обладают силой, Ронда. Я в это верю. – Он откинулся на спинку стула, на минуту крепко зажмурился, затем снова открыл глаза и посмотрел на Ронду.

Она покачала головой.

– Силой обладают поступки, действия, – возразила Ронда. – Эрни сама по себе домой не вернется. Кто-то должен ее найти.

Пресс-конференция уже заканчивалась, когда в штаб вошла женщина в больничной униформе и белых больничных туфлях. Следом за ней шла девочка лет двенадцати. За плечами у нее был тяжелый с виду рюкзак, а сама она была красной и запыхавшейся, как будто всю дорогу бежала.

Женщина обняла Трудю и что-то прошептала ей на ухо. Девочка же направилась к столам, открыла рюкзак и вытащила из него два больших пластиковых контейнера.

– Тут у меня для вас печенье и пирожные, – с улыбкой сказала она. Слова ее были обращены ко всем, но смотрела она на Уоррена. С внешностью всклокоченного плюшевого мишки тот наверняка был мечтой любой девушки. – Я испекла их сама. Меня зовут Кэти, – добавила она, протягивая Уоррену руку. – Я – кузина Эрни.

Кэти была в джинсах, матерчатых кроссовках и черной футболке с большеглазым персонажем анимэ. Затем Кэти протянула руку Ронде, та ее пожалала, но Кэти продолжала пожирать глазами Уоррена. Ее длинные, прямые светлые волосы были заплетены в косу. На зубах – брекеты, но Кэти, похоже, их совсем не стеснялась. Когда она улыбалась, а улыбалась она широко, металл поблескивал на ее зубах, словно драгоценный камень.

Уоррен снял крышку с коробки с пирожными брауни и сунул туда руку.

– У меня уже текут слюнки. Ты наша спасительница.

Кэти схватила пустой стул и поставила его между Рондой и Уорреном. Повернув его спинкой вперед, она уселась на него верхом и крепко обняла деревянную спинку.

– Есть что-то новое? – спросила Кэти. Вопрос был явно адресован Уоррену.

– Пока нет. Кроули вот уже минут сорок пять как разговаривает с механиком, который здесь работает, Питером, – доложил тот.

– Моя мать сказала, что они нашли машину, которой воспользовался тот тип, но не уверены, что ее хозяйка как-то к этому причастна. Это машина одной чокнутой бабули, которая даже не заметила ее отсутствия. Живет рядом с озером.

– Ты имеешь в виду Лору Ли Кларк, – сказала Ронда. Ей было слегка неудобно обсуждать подробности происшедшего с этой девчонкой. С другой стороны, даже неплохо познакомиться с кем-то из близких Эрни – хотя бы для того, чтобы узнать, что им сказала полиция.

– Это теща Питера, – добавил Уоррен. Похоже, он держал ухо востро, внимая всем слухам и сплетням.

– Неофициальная, – поправила его Ронда. – В том смысле, что Питер и Ток так и не поженились.

– Но ведь у них есть ребенок? – уточнила Кэти. – Она еще подружка Эрни. Моя мама говорит, что Эрни приходила к ним домой играть. Этот Питер отлично ее знает.

– Это еще не значит, что он ее похитил. Я знаю Питера. Он бы никогда не сделал ничего подобного. Никогда. Готова спорить на что угодно.

Кэти и Уоррен переглянулись, правда, без особого энтузиазма.

– Вы что-нибудь знаете про рисунки? – спросила Кэти.

Ронда кивнула. Уоррен покачал головой.

– Что за рисунки? – спросил он.

– Эрни рисовала себя и этого кролика, как они вместе отправляются в разные путешествия. Как он берет ее на Кроличий остров. Готова спорить, что сейчас она именно там!

Уоррен нахмурился. Пожевал губу.

– Кроличий остров, – пробормотал он.

– Кэти, нам пора! – крикнула женщина в медицинском костюме. Ронда решила, что это ее мать. Труды все еще цеплялась за ее руку, как будто боялась упасть. Поймав на себе взгляд Ронды, Труды посмотрела на нее с такой ненавистью, что желудок у той тотчас провалился куда-то в самый низ живота.

– Еще увидимся, – сказала Кэти, вставая.

– Как хорошо ты знаешь Питера? – спросил Уоррен, как только они снова остались одни.

Хотя прошел уже почти час, Питер и Кроули по-прежнему сидели в кабинете Пэт. Ронда глубоко вздохнула и задумалась над ответом.

– Мы выросли вместе, так как были соседями. Он мне как старший брат.

– Знаю. Я поначалу решил, что вы с ним пара. Пока Питер не заговорил про жену и дочку, – сказал Уоррен.

– Они не женаты, – повторила Ронда, как будто это что-то меняло. – Но и мы не пара, – продолжала она, на миг представив альтернативную вселенную, в которой они с Питером были супружеской парой и жили долго и счастливо. – Мы просто хорошие друзья.

Ронда изобразила свою самую убедительную улыбку под названием «мне и так неплохо».

Уоррен кивнул и ущипнул свою бородку.

– Так как ты считаешь, он может быть к этому как-то причастен, или же Кроули напрасно тратит на него время?

– Без сомнений, – ответила Ронда. – Он просто тратит драгоценное время.

– Но если это и вправду была машина его тещи?

«Черт, разве я только что не сказала, что они не женаты?»

– Это пока точно не известно. Я даже подумываю, а не съездить ли мне к Лоре Ли? Интересно послушать, что она скажет.

– А мне можно за компанию?

– Что? Зачем тебе это?

– Из любопытства. К тому же чем еще мне заняться? Дядя Джим и тетя Пэт застряли здесь, а в городе знакомых у меня нет. Давай, покажи мне потрясающие виды Пайкс-Кроссинга! – Он одарил Ронду такой подкупающей улыбкой, сопротивляться которой она попросту не смогла.

– Не уверена, что в их число входит трейлер Лоры Ли. Да и сама бабуля с большим приветом, – предупредила Уоррена Ронда.

– Обожаю таких. Ну, давай, даже великие детективы позволяют себе «левые» прогулки.

– Ну, я не знаю... – уклончиво ответила Ронда и, подумав про Питера, посмотрела в сторону коридора, что вел в кабинет Пэт. Разве ей нужно его согласие или одобрение? Смех, да и только.

– Ну ладно, – согласилась Ронда. – Уговорил.

Трейлер лоры ли кларк стоял на фундаменте из шлакоблоков примерно в ста футах от берега озера. Сам трейлер был металлическим и когда-то розовым, как фламинго, но с тех пор краска выцвела и облупилась. Дворик трейлера представлял собой джунгли из садовых украшений: каруселей, птичьих кормушек, поилок, ванночек и прочих штукovin. Ронда провела Уоррена по лабиринту гномов, цветных зеркальных шаров на подставках, вырезанных из фанеры толстух, нагнувшихся, чтобы были видны их панталоны. Ронда пыталась сохранять видимость спокойствия, хотя внутри у нее все кипело. Пока они ехали сюда, она узнала, что Пэт, которая с самого утра была с ней любезна до противности, считала ее главной подозреваемой.

– Что твоя тетка сказала тебе, когда мы выходили? – спросила Ронда Уоррена. Было что-то подозрительное в том, что перед тем, как им уйти из мини-маркета, Пэт отвела племянника в сторону и что-то шепнула ему на ухо.

Услышав вопрос, Уоррен залился краской.

– Ну, давай, выкладывай, – подначила его Ронда. – Я думала, что передо мной неисправимый мистер Оптимист-окружи-себя-белым-светом-и-никогда-не-лги.

Уоррен усмехнулся и закусил губу.

– Ну, это вряд ли.

– Так все-таки, что она сказала? У вас обоих был вид заговорщиков.

– Она велела следить за тобой в оба, – признался Уоррен.

– Это почему же? Она думает, что в следующий раз кролик придет за мной? – До этого момента такое даже не приходило Ронде в голову. Ей вспомнилось, как кролик посмотрел в ее сторону.

Она была свидетелем.

– Не совсем, – уклончиво ответил Уоррен.

– Тогда в чем дело?

Уоррен вновь принялся кусать губы.

– Она считает... – Он на миг умолк, но потом заговорил снова, – что ты тоже можешь быть к этому причастна.

– Что? По ее мнению, я участвовала в похищении?! – почти выкрикнула Ронда.

– Успокойся, – сказал Уоррен. – Просто Пэт рассматривает все версии.

– И поэтому ты напрасился поехать вместе со мной? Чтобы шпионить?

Ронда была в ярости. Если честно, она думала, что Уоррен предложил поехать вместе совсем по иным причинам.

– Нет, – улыбнулся он. – Я напрасился потому, что, по-моему, ты очень

даже симпатичная. – Он подмигнул. – Послушай, я вижу, что ты тут ни при чем. Я поговорю с Пэт.

Ронда крепко сжала руль и уставилась на дорогу, ведя машину к озеру. Они проехали мимо фермы Дюшарма – из дырки в придорожной изгороди высовывала широкую морду корова джерсийской породы, как будто хотела проверить, не сочнее ли на другой стороне трава.

– Кстати, что ты изучаешь в колледже? Информатику или что-то еще? – после нескольких минут молчания спросила Ронда.

Уоррен усмехнулся.

– Кино.

– Правда? Ты снимаешь фильмы?

– Снял всего один. Документальную ленту о месте, где я когда-то работал. «Город историй». Это такой тематический парк со зданиями и персонажами из классических историй. Ну, например, про женщину, которая жила в ботинке, про Джека и бобовый стебель. Типа того.

– Только не говори мне, что там есть большие белые кролики, – сказала Ронда.

– Нет, ни одного. И мой рассказ скорее о детях, которые там работают, чем о самих персонажах. Шалтай-Болтай толкал наркоту. Золушка спала с кем попало.

– А, понятно. Темная изнанка детских забав.

– Именно, – согласился Уоррен. – Скажу честно, когда я услышал, что девочку похитил кролик, я подумал, что это по моей части. В том смысле, что, когда Эрни найдут целой и невредимой, было бы неплохо снять про это фильм. Взять интервью у людей, и все такое прочее. Получилось бы классное кинцо, как ты считаешь? Вдруг это даже круче, чем та история с девочкой из Вирджинии?

Пригнув головы, чтобы не задеть свисающие с козырька кормушки, они шагнули на крошечное, покрытое искусственным газоном крыльцо. Уоррен позвенел китайскими колокольчиками, а Ронда постучала по входной двери.

– Если вы – чертовы газетчики, то я вам даже слова не скажу! – раздался голос из глубины трейлера.

– Лора Ли! Это Ронда Фарр!

– Ронни! Черт побери! Входи!

Лора Ли встретила их в кухне, отделанной в белых и бирюзовых тонах. Похоже, примерно с середины шестидесятых кухня ни разу не перекрашивалась и не убиралась.

Голову Лоры Ли венчали гигантские рыжие кудри. Чтобы накрутить такие, требовался не один час. А еще они были такие высокие и жесткие, что Ронда невольно задалась вопросом, как бедняжка Лора сохраняет равновесие под их тяжестью. Веки обитательницы трейлера были голубыми и серебристыми (можно сказать, почти в тон цветовой гамме кухни), на щеках – круглые пятна румян. Губы ярко-розовые.

На Лоре Ли были ярко-желтые брюки на штрипках и футболка с попугаем из блесток. В одной руке она держала стакан для коктейлей со смесью белого вина и апельсинового сока, в другой – сигарету.

– Я думала, вы из газеты. – Лора Ли слегка покачнулась им навстречу, затем так резко выпрямилась, что даже споткнулась. – Репортеры уже побывали здесь. Названивали мне целый день. В конце концов, я не выдержала и просто сняла с телефона трубку. Надеюсь, ты представишь мне своего очаровательного спутника? – Лора Ли потрепала Уоррена по щеке. – Какой симпатяга!

– Лора Ли! Это Уоррен. Он сегодня весь день работал со мной в волонтерском центре.

– В волонтерском центре? И для кого, если не секрет, вы собираете деньги? Для больных СПИДом? Для этих, как их там, бездомных? Ха! Или, может, для сирот? В любом случае я готова внести свою скромную лепту. Почему бы нет?

Она повернулась и, найдя на кухонном столе сумочку, принялась расстегивать на ней замок.

– Нет, это совсем другое, – сказала Ронда. – Пэт устроила в мини-маркете штаб по поиску Эрнестины Флоруччи. Мы отвечаем на телефонные звонки, делаем плакаты. Ну, в этом роде...

Лора Ли хмуро посмотрела на нее.

– Понятно, милочка. По-нят-но. Так вот почему ты здесь? Решила проверить, не прячу ли я эту маленькую голубку у себя под кроватью? Можешь не волноваться. Полиция уже проверила.

– Нет-нет, Лора Ли. Дело вовсе не в этом. Просто я надеялась, что вы расскажете нам про свою машину.

– Про мою машину? Буквально все хотят услышать про мою машину, черт ее побери. Полиция даже наложила на нее арест. Говорят, будто она была использована при похищении. И еще они якобы нашли какие-то улики. Ха! Я понятия ни о чем не имею! Я выезжаю на ней раз-два в неделю, не больше. Я вообще не садилась за руль с прошлого четверга. Чертова тачка все это время простояла на подъездной дорожке. Полицейские все утро промурыжили меня в отделении. Им, видите ли,

хотелось узнать всю мою подноготную. Как тебе такой способ написания биографии?

– То есть вы не заметили отсутствия машины? – уточнила Ронда.

– Милочка, я была здесь и смотрела свое любимое кино. Все вентиляторы гудели вовсю. Я пропустила несколько стаканчиков сангрии – согласись, что я их заслужила. Да я бы не заметила, явись ко мне из ада сам дьявол, чтобы украсть мою машину. В окошки гостиной подъездной дорожки не видно, к тому же жалюзи были опущены, чтобы было не так жарко. Я ничего не слышала. Примерно в десять минут четвертого зазвонил телефон. Звонили из банка, предлагали мне страховку по сниженной ставке. Видите ли, я – образцовый клиент, у меня есть их кредитка и прочая хрень. Ха! Полицейские проследили этот звонок – он подтвердил, что я была дома. Как будто я собиралась переодеться этим чертовым пасхальным кроликом, чтобы похитить маленькую девочку. Абсурд! Можно подумать, им неизвестно, кто я такая.

Ронда удостоила Лору Ли кислой улыбкой и посмотрела на Уоррена. Интересно, как тот воспринимает все это? Похоже, что с удовольствием. Уоррен улыбался от уха до уха и, прежде чем Ронда сумела направить разговор в нужное ей русло, вмешался и все испортил.

– Вы ведь актриса, мисс Кларк? – спросил он.

– Ну да, актриса. Вы видели мои киноработы?

– Уоррен изучает киноискусство, – пояснила Ронда. – Снимает документальные ленты.

Услышав это, Лора Ли буквально засияла внутренним светом.

– Да, ваше лицо мне знакомо, – сказал Уоррен. – В каких фильмах вы снимались?

– В стольких, что уже не упомнить. В сотнях. Готова поспорить, если включить телевизор, там будут показывать фильм с моим участием.

Прежде чем они успели отговорить ее от этой идеи, Лора Ли направилась в кухню за пультом.

– Садитесь. – Лора Ли указала на выцветший диванчик, накрытый вязанным покрывалом. – Не обращайтесь внимания на африканку, – добавила она. Уоррен вопросительно посмотрел на Ронду. – Так я называю покрывало. Я набросила его, чтобы спрятать дырку в диване. Чертовы сигареты!

– Оно очень даже красивое, – сказала Ронда, трогая яркое, безвкусное покрывало, купленное на какой-нибудь гаражной распродаже, и с трудом удерживаясь от смеха. – Вы сами его связали?

– Черт возьми, нет, конечно. Купила на барахолке, – ответила Лора Ли,

после чего переключила все свое внимание на телевизор. – Ну вот, что я говорила. «Землетрясение». В этом фильме я истошно кричу. Надеюсь, вы не пропустили этот эпизод. Работать с Чаком Хестоном было сущей мечтой. Плевать, что в жизни это размахивающий пистолетом псих, которому дай только поиграть в войнушку. – Она подняла руку, как будто упреждая любые возражения со стороны Ронды и Уоррена. – А вот Ава Гарднер была та еще стерва.

– Представляю, какая у вас была карьера! – сказал Уоррен. Ронда просунула руку под покрывало и ущипнула его.

– В кино нет такой вещи, как карьера. Ронда, милочка, скажу честно, я всегда слегка переживала по поводу того, что ты не связала свою жизнь с театральными подмостками.

– Я? – удивилась Ронда.

– Я это к тому, что детьми вы ставили спектакли в лесу, но только у тебя имелся талант. Я такое вижу с первого взгляда. У тебя был дар. – Лора Ли повернулась к Уоррену. – Эх, видел бы ты ее. Она была просто великолепна. Ее последняя роль – Венди из «Питера Пэна». Помню, она растрогала меня до слез. Сколько тебе тогда было, дорогая моя? Лет десять-одиннадцать?

Ронда кивнула.

– Никогда не понимала, зачем вы сломали ту сцену? Она тогда рухнула вам едва ли не на головы. А ведь вас могло и убить. И ради чего?

Ронда пожала плечами.

– Это было так давно. Я даже не помню. – Она подняла руку и, смахнув со лба челку, потрогала тонкий шрам над левой бровью.

– Нет, ты только представь себе! – сказала Лора Ли Уоррену. – Когда рухнула задняя стенка, они с Питером порезались в одном и том же месте. Обоим потом накладывали швы. У них одинаковые шрамы. Покажи ему, дорогуша, пусть твой молодой человек увидит шрам.

Ронда, наоборот, пригладила челку и покачала головой.

– Попроси Питера, чтобы он показал тебе свой, – продолжала Лора Ли. – Это надо же, даже в голове не укладывается! Два совершенно одинаковых шрама!

Уоррен выжидающе посмотрел на Ронду. Та уставилась в телевизор. На экране покрывалась трещинами огромная дамба. Ронда была не большой любительницей фильмов-катастроф 1970-х годов. Да и вообще любых фильмов, снятых в то время. Все они были какими-то запутанными, с обилием персонажей. Ей подумалось, что было бы неплохо обсудить эту тему с Уорреном.

– Лора Ли, – произнесла Ронда, – вы можете сказать мне, у кого еще имелись ключи от вашей машины?

Лора Ли театрально вздохнула.

– Снова эта машина, пропади она пропадом. Конечно, дорогая. Только у двоих. У Питера и у Ток.

Если честно, Ронда надеялась услышать другой ответ.

– И больше ни у кого? – уточнила она.

Лора Ли на минуту задумалась.

– Эта машина у меня с 1979 года. Ты можешь в это поверить? И я купила ее подержанной! Такие вещи вечны. Конечно, зимой я ставлю ее в гараж и вообще не слишком много на ней езжу. Ведь куда мне ездить в моем-то возрасте? Ха! Нет, дорогая. Ключей от нее больше ни у кого нет. Разве что...

– Разве что?

– Ничего. Это было сто лет назад. Теперь это уже не имеет значения. – Лора Ли потянулась за стаканом сангрии и какое-то время смотрела в него, тревожно насупив брови, как будто среди кубиков льда там был крошечный утопающий.

– Что такое? – спросила Ронда.

– Дэниэл. В свое время я давала ему пользоваться моей машиной. У него имелся свой ключ.

* * *

Она называет его машину субмариной, и это ему нравится. Он делает вид, будто устанавливает перископ и смотрит вперед. И даже дает заглянуть в него.

– Акул нет, – говорит она ему.

Он кивает – мол, им ничего не грозит. Пока она рядом с ним, ей ничего не грозит. Он берет ее с собой в секретное место. О нем не знает никто. Оно прохладное и тенистое. Их здесь никто не найдет.

Она называет это место Кроличий остров.

Он гоняется за ней, играет с нею в пятнашки. Она, заливаясь смехом, бежит между деревьями и камнями. Он вспоминает первую Птичку, как они с ней весь день напролет играли в прятки. Она была мастерица прятаться. Могла найти крошечное местечко и, поджав ноги и руки, забиться в него, словно рак-отшельник в норку. И сидела там, притаившись, в ожидании, когда же он найдет ее.

Кролик гоняется за новой девочкой и тоже смеется. Смеется тихо, потому что его давно потерянная Птичка, наконец, нашлась. На этот раз он не позволит, чтобы с ней что-то случилось.

23 мая 1993 года

– Вынимай! – приказал он ей.

Ронда рассмеялась.

– В самом деле из-за нее ты смешно говоришь. И она оттопыривает твою губу.

Она языком вытолкнула пластинку-фиксатор вперед и пальцами извлекла изо рта, держа, как нечто сверхтонкое и экзотическое: розовый жук с тонкими серебряными ножками.

– Так-то лучше, – сказал ей Питер.

Они были спрятаны под землей, заживо погребены вместе, словно некий тайный клад. Люк, прорезанный в полу сцены, был закрыт прямо над их головами, и они сидели в неглубокой яме лицом к лицу, вдыхая влажный запах земли и корней.

Ронда пристально рассматривала Питера в тусклом свете, проникавшем сквозь трещины в люке над их головами. Они сидели, скрестив ноги, лицом друг к другу. На нем был костюм Питера Пэна. Он пах листьями. На ней была белая ночная сорочка, как у Венди, а волосы сзади завязаны лентой.

– Значит, хочешь узнать правду? – спросил он.

– Хочу, – ответила она.

– Ты уверена, что готова?

Она рассмеялась.

– Тогда перестань смеяться. Просто расслабься. Я расскажу тебе, как это происходит: сначала парень с девушкой целуются. Потом парень проверяет, возбуждалась девушка или нет. Ну, трогает ее сиськи, и все такое.

Ронда положила руку себе на грудь, прикрывая очевидное отсутствие сисек.

– Затем он трогает ее между ног, чтобы посмотреть, готова ли она, – объяснил Питер.

– Готова?

– Ну, ты понимаешь... готова его впустить.

Она кивнула, хотя понятия не имела, что он хотел этим сказать.

– В смысле, его пенис, – пояснил Питер.

– Ясно, – сказала Ронда. Во рту внезапно пересохло. Она с трудом сглотнула.

– Он засовывает его в нее, и они двигаются вместе, чтобы он входил и

выходил.

– Для чего? – спросила Ронда.

– Потому что так приятно, глупая!

– Ясно, – снова сказала Ронда.

Она не могла дожидаться, чтобы рассказать обо всем этом Лиззи. Но затем, как будто читая ее мысли, Питер разрушил ее план.

– Ронда, – сказал он, прежде чем открыть люк и отправиться домой на ужин, – только не говори Лиззи, что я рассказал тебе об этом.

– Почему? – удивилась Ронда. Раньше Питер никогда не просил ее скрывать что-то от Лиззи.

– Потому что у нее тогда крыша поедет. Это должен быть наш секрет. Договорились?

Ронда кивнула и с улыбкой вставила пластинку в рот. У нее с Питером был секрет. Секрет, от которого она ощущала в теле странную щекотку, как будто ее пронизывал ток, а сама она была ходячим громоотводом.

7 июня 2006 года

– Так ты расскажешь мне про этого Дэниэла или как? – спросил Уоррен. Он расспрашивал ее о Дэниэле вчера, когда они ушли от Лоры Ли, но Ронда придумала отговорку, сказав, что ей нужно подумать. Наступило следующее утро, и они засели в магазине Пэт за телефоны. Уоррен потягивал большую порцию горячего шоколада, а перед Рондой стояла чашка кофе из зерен французской обжарки. Уоррен побрил щеки вокруг своей бородки, а волосы были все еще влажными после душа.

– Рассказывать особенно нечего. Он – отец Питера.

– Значит, такой, как он, мог похитить маленькую девочку? – В ожидании ответа Уоррен склонил голову набок.

– Нет. Это невозможно.

– Почему?

– Он исчез двенадцать лет назад.

– Исчез?

– Угу. Накануне он был вместе с нами, а на следующее утро исчез. Мы все думали, что со временем он снова объявится. Что он просто ушел в запой или уехал из города, чтобы не платить карточный долг или что-то в этом роде, но о нем никто больше ничего не слышал.

– Ужас.

– Его дочь Лиззи была моей лучшей подругой. Сестра Питера. Три года спустя, когда мы учились в предпоследнем классе, она тоже исчезла. Однажды утром Лиззи ушла в школу, и больше ее не видели.

– погоди секунду, – сказал Уоррен. – Сестра Питера исчезла?

Ронда кивнула.

– За ней вернулся отец.

– Если это был Дэниэл, то почему он не забрал и Питера? – спросил Уоррен.

– Этого никто не знает, – ответила Ронда. Она подняла чашку кофе и сделала последний теплый глоток. – Все задавались этим вопросом, но никто ничего не знает. Полиция какое-то время искала, но так и не смогла найти ни его, ни ее. Лиззи была из тех, чьи лица видишь на картонных коробках из-под молока или в «Уолл-Марте»; из тех, кого похищают разошедшиеся родители. После этого ее мать почти потеряла рассудок.

Ронда подумала о неуклонной деградации Агги: о ее алкоголизме, о ее странностях. О том, как она начала забавляться со своими волосами,

вырывая прядь за прядью, делая это часами, пока не стала выглядеть как чесоточная собака. Как она заделалась параноиком, как обвиняла Клема и Жюстин в том, что они знают, где Дэниэл, и не говорят ей об этом. Однажды, хватив лишку, она нарочно врезалась на машине в их дом и откусила мочку уха у полицейского, которого отправили расследовать сообщение о женщине, пойманной в одном лишь нижнем белье при попытке украсть авокадо в «Прайс Чоппере»^[4].

В конечном итоге Агги оказалась в психиатрической клинике штата, где пробыла шесть месяцев, а затем переехала к сестре в Мэриленд. Когда у сестры, наконец, сдали нервы, Агги перевели в пансионат для душевнобольных.

– И ты уверена, что Лиззи похитил отец? – Уоррен наклонился к Ронде. Его дыхание пахло сладостями и шоколадом, и она позволила себе ровно на секунду задуматься о том, каким может быть его поцелуй.

Ронда кивнула.

– Абсолютно. Через две недели после того, как она исчезла, мы получили открытку. Потом было еще несколько, и во всех говорилось, что у нее все прекрасно. Еще она сообщала об их с Дэниэлом приключениях. Последняя была из Сан-Франциско. Я тогда училась в одиннадцатом классе. В той открытке она написала, что берет уроки вокала, что было действительно странно.

Ронда закрыла глаза и попыталась вспомнить голос Лиззи, но не смогла. Зато она вспомнила, что ее подруга нарочно вставляла в песню не те слова, чтобы всех рассмешить.

– Странно?

– После того как исчез их отец, Лиззи умолкла. Ни с кем не разговаривала. За три года ни единого слова. И тут вдруг пишет, что берет уроки вокала!

Ронда грустно рассмеялась и попыталась оторвать губы от пустого бумажного стаканчика, который держала в руке.

Уоррен кивнул.

– И правда жесть.

– Это точно, – согласилась Ронда. – Мы были близки, но потом Дэниэл пропал, и все как будто рухнуло. Ничего уже не было прежним.

– Представляю, как тебе было тяжело. Лучшая подруга просто так взяла и куда-то исчезла.

Вот оно. То, чего она ждала от Питера на протяжении многих лет. Простое понимание того, как ей было тяжело, да и всем им. Как тяжело, неправильно и ужасно все это было. Вместо этого она услышала эти слова

от Уоррена, практически незнакомого ей человека. Произнеся эти два предложения, он проявил в тысячу раз большую чуткость, чем когда-либо Питер. Но ведь это нечестно. Однако разве не такова жизнь? Ронда посмотрела на фотографию Эрни на листовке с надписью «Найти человека» и продолжила рвать зубами свой бумажный стаканчик.

– Да, было сложно. Но хуже всего то, что никто так и не узнал, что случилось с Лиззи. Мы больше ничего о ней не слышали. Они с Дэниэлом просто слиняли отсюда и начали где-то новую жизнь, и никто из нас так никогда и не узнал почему.

Уоррен кивнул.

– Две пропавшие девочки, – сказал он.

– Что? – Стаканчик Ронды превратился в бумажные клочья. Она собрала их в небольшую горку.

– Лиззи и Эрни, – сказал он.

Ронда со свистом выпустила воздух сквозь зубы.

– Эти двое никак не связаны друг с другом, Уоррен.

Собрав рваные кусочки бумажного стаканчика Ронды, Уоррен принялся внимательно изучать их, словно это были некие улики.

– Я лишь хочу сказать, что, по-моему, у всего, что происходит, непременно есть причина. Просто мы не всегда знаем, в чем эта причина состоит. – Он покусал губу и продолжил: – Не думаю, что ты по ошибке или невезению была здесь, на стоянке возле мини-маркета, во время похищения Эрни. Кто-то как будто хотел, чтобы ты обязательно это увидела и стала соучастницей.

– Никогда не поверю, – ответила Ронда, отодвигая стул назад, подальше от него. – Жизнь – это главным образом всевозможные обломы и хаос непредсказуемости. Такой когда-то была создана Вселенная. Именно поэтому все мы и существуем.

– Тебе нечего здесь делать! – зашипела Труды на Ронду.

Было время обеда. Кэти и ее мать появились с портативным холодильником, полным сэндвичей для Пэт и ее команды. Следом за ними вошла Труды Флоруччи.

– Тетя Труды, она здесь потому, что хочет помочь, – сказала Кэти, пытаясь защитить Ронду.

– Пусть выметается отсюда! – заявила Труды, повернувшись к Пэт, которая собралась было вмешаться.

– Труды, но она... – начала Пэт.

– Я сделала сэндвичи. Это единственное, что я могла сделать, чтобы

помочь в поисках Эрни. Это отняло у меня последние капли энергии. И я буду проклята, если эта тварь будет сидеть на своей толстой заднице и уплетать мои сэндвичи, думая, что она какая-то гребаная героиня, тогда как это она виновата в том, что Эрни похитили!

Пэт кивнула Ронде. Та встала, чувствуя, как дрожат ноги. Пэт обняла ее и проводила в глубину магазина.

– Зайди в мой кабинет и подожди, пока она уйдет, – шепнула Пэт. – Ты нужна нам здесь.

Ронда послушалась и села за массивный стол Пэт. Маленький телевизор в углу был настроен на программу Си-эн-эн. На стене рядом с ним висела доска объявлений с графиком работы. Стол был завален журналами, газетами, распечатками и листовками с надписью «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА», с которых смотрела улыбающаяся Эрни. Посреди этого хаоса высился массивный гранитный прямоугольник, похожий на могильную плиту, на котором было выгравировано «ПЭТ ГЕРБЕРТ, ВЛАДЕЛИЦА И МЕНЕДЖЕР БЕНЗОЗАПРАВКИ».

Рядом стояла вставленная в рамку фотография трех девочек. Одна из них – Пэт в возрасте десяти-одиннадцати лет. С трудом верилось, что Пэт когда-то была юной, но в то же время она была вполне узнаваема. Самая старшая из подружек, Пэт была серьезна, признанный лидер их девчачьей компании. Средняя девочка радостно улыбалась, обнажив выступающие передние зубы. Самая маленькая, стоявшая с краю, с лентами в косичках, выглядела чуть озорной. Казалось, стоит фотографу отвернуться, и она вытащит из волос все эти ленточки.

Перед фотографией лежал номер журнала «Пипл» с Эллой Старки, фермером и его собакой колли на обложке. Ронда открыла его и просмотрела статью, которую читала уже несколько раз.

Похититель встретил Эллу, возвращавшуюся домой из школы. Он спросил, не хочет ли она увидеть фокус. Девочка пожалала плечами. Тогда похититель вытащил из уха монетку и отдал ее Элле. Пока она разглядывала блестящую монетку в двадцать пять центов, он схватил ее за руку и затащил в машину.

– Путь свободен!

Ронда вздрогнула. Это был Уоррен. Он стоял, просунув голову в дверной проем. Его улыбка была слегка виноватой, как будто поведение Труди было отчасти на его совести.

– Кэти все еще здесь, но ее мама и тетя ушли. Зайди, возьми сэндвич.

Когда Ронда вернулась к столу волонтеров, Кэти подтолкнула ей сэндвич с тунцом на ржаном хлебе. Ронда отказалась, хотя умирала с

голоду.

– Тетя Труды сама не своя, – сообщила ей Кэти. – Ей просто нужно, чтобы кто-то был виноват, понимаете? Я уверена, когда у нее с головой все снова будет в порядке, она поймет, что в случившемся с Эрни вашей вины нет. Честное слово, уж поверьте мне. Что вы могли сделать? Тот тип просто схватил ее и укатил прочь.

Ронда кивнула. Верно. Укатил прочь. Ускакал в сторону заката, лапой схватив девочку за руку.

* * *

– Вот что мне удалось выяснить: кролик навещал Эрни не менее трех недель подряд. В последний раз, как мы узнали, это было в прошлый четверг. Эрни сказала маме, что пропустила автобус и кролик привез ее домой. Эрни рисовала картинки с ним. На них он прячется в кустах возле игровой площадки в школе и разговаривает с ней через окно спальни. Но большинство рисунков были такие, – сказала Кэти, незаметно вытащив страницу из школьной папки-скоросшивателя с надписью «Девчонки – вы крутые!» на обложке. Это был яркий карандашный рисунок с кривой надписью «Кроличий остров».

– Разве мы не должны передать его полиции? – шепотом спросил Уоррен.

Кэти пожала плечами.

– Эрни нарисовала не один такой. У сержанта Кроули все они есть. Я подумала, что должна сбересть хотя бы один, на всякий случай, если остальные не вернут, понимаете? Теперь это вещественные доказательства. И мне показалось неправильным отдать их все до последнего. Как будто это дурная примета или что-то в этом роде. Как будто я отдала всю Эрни, до самой последней крошечки.

Как, однако, мило, подумала Ронда, похоже на фотку из брошюры об отдыхе на тропическом острове. Ронда принялась разглядывать пальмы, разноцветных кроликов, лежащих на солнце на аккуратных рядах скал, бледные облака в форме прыгающих кроликов. Со всех сторон Кроличий остров окружала темная, кишашая акулами вода. А еще он был обнесен невысоким черным забором, и, чтобы проникнуть внутрь, нужно было пройти через ворота, охраняемые с обеих сторон гигантскими кроликами. В воде, рядом с воротами, покачивалась на волнах маленькая коричневая субмарина.

– Это явно тот «Фольксваген», – сказал Уоррен, указывая на субмарину. – Посмотрите на форму. Она просто добавила к нему перископ и гребной винт.

– Но как мог кролик снова и снова пользоваться машиной Лоры Ли? – спросила Ронда. – Я еще понимаю, если похититель сделал это однажды, и она не заметила, но он, похоже, пользовался машиной несколько раз. Это уже слишком рискованно.

– Ничего рискованного, если Лора Ли его знала, – возразила Кэти. – Если это кто-то, кому она доверяла. Тот, у кого была своя связка ключей.

Ронда покачала головой и снова посмотрела на рисунок.

Она увидела в центре острова Эрни и Кролика Питера. Эрни улыбалась, держа кролика за лапу. Кроличий остров. Ронда представила Эрни – сейчас она там, она счастлива, она греется на солнышке. Что, если Кроличий остров – это то место, куда попадают все пропавшие дети? Что, если Лиззи и Дэниэл тоже там, подумала Ронда.

Что, если, думала она, держа рисунок пропавшей девочки, Кроличий остров населяют те, кто исчез бесследно? Ронда покачала головой. «Будь логична, – сказала она себе. – Посмотри на факты».

– Так что, если подлодка – это все-таки автомобиль, то Кроличий остров, вероятно, тоже реальное место, – сказала она.

– Может, это зоопарк? – предположил Уоррен.

– Нет, больше похоже на обычный парк, – возразила Кэти.

Ронда кивнула.

– Скорее всего это где-то близко. Когда кролик брал ее покататься на машине, они не могли отсутствовать долго. Он всегда привозил ее домой вовремя, иначе Труди могла бы заметить ее отсутствие.

– Учитывая воду, – сказал Уоррен, – это какое-то место у озера.

– Вполне может быть, – согласилась Ронда. – На озере нет островов, но есть много маленьких пляжей и скалистых утесов.

– Есть еще кое-что, что известно только полицейским, – сказала Кэти, отрывая взгляд от рисунка. – По какой-то причине кролик называл ее странным именем.

– Странным именем? – удивилась Ронда.

– Он называл ее Птичкой, – сказала Кэти. – Я слышала, как моя тетя рассказывала маме. Кроули нашел открытку от Кролика Питера, спрятанную под матрасом Эрни. Она была адресована Птичке.

– Господи Иисусе! – сказала Ронда.

– Странно, – сказал Уоррен и прикусил нижнюю губу.

– Но вы не слышали от меня имя Птичка, – предупредила Кэти,

засовывая рисунок обратно в папку и кладя папку в рюкзак. – Если кто-нибудь увидит, что у меня есть этот рисунок, это сразу дойдет до Кроули. Если моя тетя узнает, что я разговаривала с вами, с ней случится истерика. Может быть, я увижусь с вами попозже, ребята. Если я не смогу вернуться сегодня днем, то постараюсь сделать это завтра.

– Не волнуйся, – с улыбкой сказал Уоррен. – И спасибо за сэндвичи!

– Нет проблем, – ответила Кэти и, когда улыбнулась ему в ответ, слегка покраснела.

– Так что ты думаешь? – спросил Уоррен, наблюдая за тем, как Кэти садится на велосипед.

– Я думаю, что ты кому-то сильно нравишься, – ответила Ронда.

Уоррен залился краской.

– Я имею в виду рисунок и это странное имя – Птичка, – сказал он.

– Пока еще не знаю, – сказала Ронда, вставая. – Хочешь конфету?

Уоррен покачал головой и принялся машинально чертить на лежавшем перед ним листе бумаги. Птичка, написал он.

Ронда подошла к стойке с конфетами, выбрала батончик «Сникерс» и отнесла его сидевшей на кассе Пэт. Та оторвала взгляд от газеты с последней статьей про Эрни (в которой имелось и фото самой Пэт) и широко улыбнулась Ронде.

– Это за счет заведения, Ронда. Это самое малое, что я могу сделать, чтобы отблагодарить тебя за твою помощь. То, что сказала Труды, несправедливо, и мне стыдно за ее слова.

Ронда пожала плечами.

– Не вешать нос! – приказала Пэт. – Мы не должны терять надежду. Нам нужно держаться вместе и вернуть эту маленькую девочку домой.

Она крепко похлопала Ронду по плечу. Неужели Уоррен что-то сказал в ее защиту и Пэт вычеркнула ее из черного списка?

Пэт вышла из-за стойки и шагнула к Уоррену.

– К вашему сведению, у нас теперь новый волонтер, Сесил Лоури. Придет в два часа. Раньше он был начальником пожарной охраны, но уже несколько лет на пенсии. У него сохранились хорошие связи, и он знает тут всех. Сесил привнесет настоящий порядок в наши беспорядочные дела. Характер у него что надо, думаю, он вам понравится.

Затем Пэт наклонилась и что-то тихо сказала племяннику. Уоррен посмотрел на Ронду, затем отвел взгляд в сторону. И что-то прошептал в ответ, судя по всему, чем-то слегка расстроенный.

– О господи, – пробормотала Ронда себе под нос. Наверное, уже хватит оставаться в списке подозреваемых.

Мимо туалета, офиса и кладовой она прошла по коридору в гараж, где Джим менял масло, слушая по радио матч с участием «Ред сокс». Питера не было.

В углу стоял металлический стол с огромной конторской книгой, занимавшей почти всю поверхность столешницы. Ронда не увидела никакого неудобства в том, чтобы подойти ближе и заглянуть в книгу.

Она была открыта на сегодняшней дате, 7 июня. Менять масло должен был Питер. На сегодняшний день были запланированы два техосмотра и ближе к вечеру ремонт тормозов. Ронда знала, что Джим не имел соответствующей квалификации. Пролистав назад замасленные страницы, она пробежала глазами график работ за последние три недели. Машина Лоры Ли была здесь три раза. 15 мая Питер установил ей новые бензопровод и топливный фильтр.

25 мая «Фольксваген» снова был здесь для замены задних тормозов. Затем, 1 июня, в прошлый четверг, Питер заменил несколько зажимов и шлангов. Был также список дел, до которых он не добрался: замена ремня вентилятора (он должен был заказать деталь) и ремонт защелки на боковой двери со стороны пассажирского сиденья. (Из примечания в книге явствовало, что, по словам Лоры Ли, дверь не распахивается, только если ее заблокировать.) Питер планировал доделать работу в следующую пятницу. Сомнительно, что Лора Ли придет сейчас, когда машину конфисковали.

Но это было в прошлый четверг, когда, по словам Кэти, кролик отвез Эрни домой на своей «подводной лодке».

Черт.

Ронда закрыла журнал.

– Собираешься сделать заявку? – спросил Джим, подойдя к ней сзади.

– Что? О нет. Извините, просто смотрю. Меня интересовало, когда Питер будет работать.

Джим угрюмо кивнул.

– По идее, сейчас ему положено быть здесь. Не знаю даже, что с ним творится в последнее время. Появляется на работе, когда ему вздумается. Парня просто не узнать. Его как подменили.

– Наверное, у него столько всего сейчас в голове, – сказала она.

– Это не оправдание, – ответил Джим.

– Наверное, нет, – согласилась Ронда. – Мне лучше вернуться к телефонам.

Шагая к стоявшим в углу столам, Ронда решила не говорить Уоррену о том, что видела машину Лоры Ли в журнале заявок. Нравится Ронде это или нет, но все улики были против Питера, и доказать его невиновность

будет сложно. Ей нужно больше ключей к разгадке. На ходу Ронда заглянула в кабинет Пэт. Пусто. Ронда вошла и бросила взгляд на доску объявлений на стене рядом с письменным столом: график выходов на работу. Перелистав страницы назад, к предыдущей неделе, она пробежала глазами график четверга. В тот день Пэт работала вместе с неким Карлом. И Питером. Конечно, если бы Питер надолго отлучался куда-то на машине Лоры Ли, кто-то наверняка бы это заметил.

Пэт лучше не спрашивать. Та просто увидела бы в этом подтверждение того, что Питер причастен к похищению девочки (и Ронда, возможно, тоже), поэтому нужно найти этого самого Карла. Тем более что его имя снова попало в графике этой недели. Отлично.

Ронда поспешила из кабинета в коридор. А вот и он: подозреваемый этого часа.

– Эй, Ронни! – окликнул ее Питер.

Он стоял рядом с Уорреном и, убрал со лба волосы, хвастался шрамом. Уоррен, видимо, не забыл инструкции Лоры Ли и решил его спросить. Рядом с Питером была Сьюзи в рубашке из джинсовой «варенки» и шортах. Быстро обведя взглядом магазин – слава богу, Ток нигде не видно, – Ронда едва ли не мигом подскочила к ним.

– Тетя Ронда! – сказала Сьюзи. – Папа говорит, что скоро я смогу снова поведать Сэди.

– Конечно, – сказала Ронда. – Приходи, когда тебе захочется.

– Можно я принесу ей яблок?

– Конечно, милая. Ей понравится.

– Так у тебя есть лошадь или кто-то еще? – спросил Уоррен.

Ронда и Сьюзи хихикнули.

– Свинка, – сказала ему Сьюзи.

Уоррен потерял дар речи.

– Морская, – пояснила Ронда.

– Послушай, Ронни, можешь минутку присмотреть за Сьюзи? – спросил Питер. – Мне нужно пойти поговорить с Пэт и Джимом. Мы с Ток напортачили с нашими графиками, и Сьюзи будет со мной весь день. Сегодня утром пришлось отвезти ее к врачу.

– У меня был очередной приступ, – сообщила Сьюзи.

– Они снова поменяли лекарство. Гребаные врачи. Они вообще хоть в чем-то разбираются? Это уже третий припадок за неделю.

Питер пошел через магазин в гараж. Сьюзи села за стол, перевернула листовку с фотографией Эрни чистой стороной вверх и принялась что-то черкать на ней.

– И чем хороша эта морская свинка? – спросил Уоррен, адресуя вопрос скорее Сьюзи, чем Ронде.

– Она альбинос, – сказала Сьюзи. – Она вся белая, только глаза красные. Совсем как призрак.

Тщательно подсчитывая ноги, Сьюзи принялась рисовать осьминога.

– Правда? – удивился Уоррен. – Круто! Когда я могу познакомиться с ней? – Теперь он покосился на Ронду.

– В любое время, – машинально ответила Ронда, даже не успев подумать, что говорит.

– Сегодня? Как только мы освободимся? – предложил Уоррен.

– Почему бы и нет? – ответила Ронда.

– Ей нравятся яблоки, – подсказала ему Сьюзи.

– Хорошо, тогда пойду поищу для нее яблоко. Не хочу произвести плохое впечатление, придя в гости с пустыми руками.

С этими словами Уоррен встал и направился в поисках яблок к магазинным полкам.

– Он смешной, – заметила Сьюзи.

– Это точно, – согласилась Ронда. Неужели она вот так взяла и пригласила Уоррена к себе домой? О чем она только думала? И почему ему захотелось прийти? Что, если он просто любит животных?

– Папа говорит, что ты помогаешь найти Эрни, – сказала Сьюзи, отрывая глаза от рисунка. Теперь у осьминога было восемь ног, и компанию ему составила улыбающаяся морская звезда.

– Мы стараемся, – ответила Ронда. Реальность же заключалась в том, что в поисках они даже не сдвинулись с места. Никто их них. Спустя сорок восемь часов девочка так и не была найдена. Они как будто растворились в воздухе, Эрни и Кролик на «подводной лодке».

Такое легко могло случиться и с внучкой Лоры Ли, подумала Ронда и погладила Сьюзи по волосам. Это могла оказаться любая девочка ее возраста.

– Послушай, Сьюзи! Ты знала, что Эрни навещает кролик? – спросила Ронда.

– Ага. Он приходил в школу.

– Ты его видела?

– Нет. Только Эрни. Она говорила, что ей повезло. Питер выбрал ее, потому что она особенная. Я видела только другого Питера.

Неужели Сьюзи рисовала сейчас скачущего под водой кролика?

– Что это еще за другой Питер? – Сердце Ронды забилось в два раза чаще обычного.

Нет, это был не кролик. Сьюзи рисовала морского ангела.

– Мягкий. Как игрушка. Эрни сказала, что настоящий Питер дал ей мягкого Питера, чтобы ей не было скучно. И чтобы ей не было одиноко, когда он не может быть с ней.

– Значит, он подарил ей мягкую игрушку-кролика?

– Ага. Белого и пушистого, только он быстро испачкался.

– Пойдем, Сьюзи, пора снова вскочить в седло! – позвал Питер и как-то скованно зашагал к ним.

– Смотрю, ты быстро, – сказала Ронда.

– Чтобы тебя уволили, много времени не нужно, – небрежно ответил Питер, но Ронда уловила в его голосе легкую дрожь.

– Что? – не поверила Ронда своим ушам.

– Меня уволили. Сказали, что от меня им нет никакой пользы.

– Они не могут так поступить!

– Еще как могут. – Питер пожал плечами. – Это небольшой городок. Люди ведь общаются. Разговаривают друг с другом. – Он глубоко вдохнул, затем медленно, спокойно выдохнул. Только тот, кто знал его так же хорошо, как Ронда, мог прочесть по его лицу: внутри он кипит от гнева.

– О чем разговаривают? – спросила Сьюзи.

– О всякой ерунде, вот о чем, – отмахнулся Питер. – Бери свой последний шедевр и пойдем. Нужно кое-что купить и приготовить обед, пока твоя мама не вернулась домой.

– Не знал, что морские свинки бывают такими болтливыми, – сказал Уоррен. Стоя на коленях на полу в гостиной Ронды, он поглаживал Сэди. Та довольно урчала и попискивала.

– Кажется, ты ей нравишься.

– Ей просто нравятся ломтики моего яблока.

Он сунул руку в клетку и скормил еще кусочек.

– От ее розовых глазенок становится слегка стремно.

– Некоторые народы считают, что альбиносы обладают магическими способностями, – сказала Ронда.

Уоррен удивленно поднял брови.

– Только ничего не говори. Я понял, ты нарочно выбрала Сэди, чтобы она помогала тебе колдовать.

– Нет. – Ронда наклонилась и погладила Сэди по головке. – Здесь нет никаких магических сил. Просто полное отсутствие меланина. Я спасла ее в школе – ее хотели отправить в лабораторию. Для опытов.

Бросив свинке еще один ломтик яблока, Уоррен встал и вытер руки о

шорты. Ронда поймала себя на том, что загляделась на тонкие волоски на его ногах, и на мгновение задумалась, каковы они на ощупь.

«Прекрати», – одернула она себя.

В колледже Ронда встречалась с парнями. Не часто, но достаточно, чтобы знать, что это всегда заканчивается разочарованием. Она ходила с ними в кино, в ресторан, иногда даже позволяла себе другие вещи, но это никогда не было всерьез. Каким бы симпатичным ни был парень, как бы хорошо он к ней ни относился или сколько бы у них ни было общего, он все равно не был Питером.

– Хочешь выпить что-нибудь? – спросила Ронда, отворачиваясь от Уоррена и его ног. – У меня есть диетическая кока-кола и пиво. Или же я могу заварить чай.

– Если можно, пиво.

Он последовал за ней по коридору в кухню. И конечно, просто не мог не остановиться и не посмотреть на рисунки с рассеченным кроликом и кальмаром.

– Твоя работа? – спросил Уоррен. Его палец завис над распотрошенным кроликом, очерчивая в воздухе контуры легких и сердца.

Ронда кивнула.

– Классные рисунки. Оно, конечно, пахнет извращением, вешать на стену такие вещи, но сами рисунки превосходны. Просто прекрасны. Ты настоящий художник.

Ронда покачала головой.

– Я рисую то, что вижу. Художник интерпретирует и моделирует – у меня же такого воображения или способности нет.

– Да, я тоже просто снимаю на камеру то, что вижу, но другие называют это искусством. Все дело во взгляде на вещи, Ронда.

Ронда пожала плечами и повела Уоррена на кухню, где они уселись за стол с парой банок пива и слегка зачерствевшими крендельками-претцелями, которые Ронда выудила откуда-то из глубин кухонного шкафчика.

– Я все думала про эту историю с Питером, – сказала Ронда. – По-моему, со стороны Пэт и Джима было некрасиво увольнять его. Возможно, даже незаконно.

Уоррен кивнул.

– Возможно, что незаконно.

– Поэтому я подумала, может, ты поговоришь с ними? Убеди их, что увольнять его – неправильно и нехорошо. Это лишь все усугубит. Люди воспринимают Пэт как ключевого игрока в поисках Эрни – в газетах о ней

писали даже больше, чем о Трудии. Пэт в одночасье стала местной звездой. Если она уволит Питера, это еще больше упрочит подозрения в его адрес.

– Не знаю, Ронда. С Джимом довольно легко договориться. Но Пэт... если она что-то решила, разубедить ее трудно. Это все равно что пытаться размешивать засохший бетон.

– Но ты попробуешь?

– Хорошо. Я попробую. Если ты сделаешь кое-что для меня.

– Что именно?

– Подумай, вдруг Питер не такой, как ты о нем думаешь? Я не говорю, что это он похитил Эрни, я просто прошу тебя взглянуть на улики и понять, что он может каким-то образом быть к этому причастен. Возможно, он не такой, каким кажется со стороны.

– Да я знаю Питера с тех пор, как появилась на свет!

– Я понимаю. Понимаю, что ты с ним давно знакома. Но у всех есть секреты.

Ронда открыла было рот, чтобы заявить, что прекрасно знает все секреты Питера, а он – все ее тайны, но помешал телефонный звонок. Извинившись, она схватила со стола в прихожей телефонную трубку.

– Ронни? Это Ток. Послушай, Сьюзи только что сказала мне, что сегодня днем она говорила с тобой об Эрни.

– Да, мы немного поговорили. – Ронда принялась расхаживать туда-сюда по коридору, рассматривая собственные рисунки на стенах.

– Она сказала, что ты спрашивала у нее про Эрни и кролика.

В голосе Ток слышались нотки, которые заставили Ронду боязливо поежиться.

– Я просто спросила, не видела ли она кролика, – объяснила Ронда. Она посмотрела на свой рисунок – слои меха, кожи и тканей, распаханутые, чтобы открыть взгляду яркие, похожие на драгоценные камни, внутренние органы.

Ток выдохнула, прошипев в телефонную трубку, как какая-нибудь далекая змея.

– Прошлой ночью у нее был один из самых тяжелых приступов. Питер сказал тебе об этом? Боже, не могу поверить, что он додумался привести ее к Пэт... там же все эти листовки с Эрни... для нее это слишком. Она еще ребенок, Ронда. Расстроенная едва ли не до слез, маленькая девочка с серьезным заболеванием, которое на данный момент не слишком хорошо лечится.

Голос Ток звучал сдавленно. Она либо вот-вот сорвется на крик, либо расплачется.

– Извини, Ток. Честное слово, я бы никогда не сделала ничего, что обидело бы или расстроило Сьюзи. Я просто разговаривала. Прости. В будущем я буду более осмотрительна.

Ронда прижалась спиной к стене и медленно заскользила вниз, пока не села на пол.

– Спасибо. Это все, о чем я прошу.

– Конечно, – сказала Ронда. – Спасибо, что позвонила, Ток. Спасибо, что сказала мне.

Она собралась встать.

– погоди, есть еще кое-что. Ты вчера приезжала к трейлеру моей матери?

Ронда вздохнула и снова опустилась на пол. Вот же дерьмо.

– Да. Просто хотела поговорить с ней, узнать, как она.

– И привезла с собой какого-то парня... какого-то режиссера или что-то в этом роде?

– Я просто привезла друга. Моего друга Уоррена. Никакой он не...

– В последние пару дней на мою семью обрушилась масса самых разных неприятностей. Не знаю даже, что вы с ним надеялись узнать, расспрашивая больную женщину и маленькую девочку. К тому же ты ведь не полицейский, Ронда. Это не твоя работа – копаться в жизни других людей. Ты просто свидетельница. Свидетельница, которая ничего не сделала, а это, давай посмотрим правде в глаза, чертовски подозрительно, верно?

Прежде чем Ронда успела ответить, Ток бросила трубку. Ее голос пронзительным криком пронесся по линии связи, эхом отозвавшись в раскалывавшейся от боли голове Ронды.

31 мая 1993 года

За две недели до своего дня рождения Клем начал спать в своем кабинете. Там был маленький диванчик, и он ложился на него, закинув длинные ноги на один подлокотник и положив голову под неестественным углом на другой. Проснувшись утром, он выбирался из своего нового логова, сгребая вопросительным знаком, ковылял в кухню и делал себе кофе. Когда Клем пил вторую чашку, спина его уже была прямой.

– Почему ты спишь в кабинете? – спросила Ронда, когда стало ясно, что теперь так будет постоянно.

– Я храпел и не давал твоей маме спать, – объяснил он.

– Ты храпишь, папа?

Он пожал плечами, крутя в руках кружку с кофе.

Ронда видела, как после одной из ночей на диванчике он готовится к работе (в те дни Клем был главным на лесопилке – Дейв Ланкастер ушел на пенсию), и размышляла над тем, что происходит на самом деле. Ронда слышала через стены обрывки ссор. Приглушенные разговоры. Она никогда не могла понять причину, знала лишь то, что мать очень сердита на отца. А ее Ронда знала достаточно, чтобы понять: отцовский храп здесь ни при чем.

На день рождения она решила подарить отцу что-то особенное. Она подарит ему рисунок. По-настоящему хороший рисунок. Она не пожалеет времени и нарисует что-нибудь такое, что отцу действительно понравится. Но что именно? Ронда мысленно прошла по списку того, что он любил: черный кофе, сигареты «Кэмел» без фильтра, немецкое пиво и история Гражданской войны.

Война показалась Ронде наилучшим кандидатом в темы хорошего рисунка.

Почти все свое свободное время отец читал об этом периоде, изучал планы сражений и разглядывал военные карты. Раз в месяц Клем проводил выходные вместе с другими любителями Гражданской войны и участвовал в реконструкциях отдельных ее эпизодов. У него был костюм из колючей шерстяной ткани, отец маршировал с мушкетом на парадах, ночевал вместе с остальными в палатках и участвовал в «боях» по всему восточному побережью. Ронда не разделяла увлечения отца; ей была непонятна его одержимость войной, к которой он не имел никакого отношения. Ей даже бывало немного неловко за него, когда он вытаскивал из кладовки свою

армейскую форму и, надев ее, отправлялся на войну – в пикапе «Додж», с сигаретами «Кэмел» и стаканчиком кофе, который ставил рядом с собой.

Например, подумала Ронда, можно нарисовать одного из генералов той эпохи. Ей просто нужно найти для этого хорошее фото, и тогда она смогла бы нарисовать все, что угодно. Она решила по возвращении из школы – прежде чем отец вернется с работы – заглянуть в его кабинет и выбрать фотографию.

Генералы грант и ли пристально смотрели на Ронду с фотографий, а с ними еще целая вереница молодых мужчин в военной форме. Но Ронде никто не приглянулся. Тогда она решила попробовать нарисовать старую карту, изображающую битву, но это показалось глупой затеей – карта ведь сама по себе уже рисунок. Наконец, Ронда нашла то, что искала. Нужная тема как будто сама посмотрела на нее со страниц одной из отцовских книг: «Ханли».

«Ханли» была подводной лодкой конфедератов; она приводилась в действие вручную экипажем из восьми человек. Хотя это была не первая подводная лодка, Ронда из отцовских книг про Гражданскую войну знала, что «Ханли» первая потопила корабль противника. Она затонула недалеко от Чарльстона в 1864 году, после того как сделала пробоину в корпусе корабля северян. В ближайшем лагере конфедератов увидели синие сигнальные огни «Ханли». Экипаж субмарины сообщал, что боевое задание успешно выполнено и лодка возвращается на берег. Но затем что-то пошло не так. Подводная лодка и ее экипаж погрузились на глубину, откуда больше не вернулись. Случившееся с «Ханли» и ее командой было, по словам Клема, одной из величайших загадок в истории Соединенных Штатов.

Следующий час Ронда провела, изучая старые рисунки «Ханли» в отцовских книгах о Гражданской войне, читая все, что только могла найти. Она решила сделать серию рисунков знаменитой субмарины – такое наглядное воплощение того, что она о ней узнала. На верхнем рисунке будет вид «Ханли» снаружи, посередине – разрез ее внутренностей. Здесь будут изображения моряков, вращавших рычаги коленвала, и капитана, сидевшего в носовой части субмарины.

Нижний рисунок – тот же внутренний вид, только без людей. Вместо этого она тщательно впишет названия и пояснения по всем механическим частям субмарины, а это балластные цистерны, рулевые тяги, гребной винт, руль, ртутный глубиномер и даже свеча, которая освещала рычаги управления и предупреждала экипаж, когда заканчивался воздух.

Ронда уже нашла рисунки подводной лодки, которые помогут ей в работе, и листала книгу в поисках крупного плана военной формы конфедератов, когда выпало лежавшее между страницами фото. Ронда наклонилась и подняла его с пола, ожидая, что это будет очередной глупый снимок отца и его приятелей на одной из реконструкций эпизодов Гражданской войны.

Но нет. Это была свадебная фотография. Жених в смокинге, молодой и загорелый. Ее отец. Рядом с ним невеста. Улыбается из каскада белых кружев, словно дубинку, сжимая в руке тяжелый букет. Вот только на Ронду смотрела не мать: это была Агги.

* * *

Ему хочется, чтобы это никогда не кончалось. Он воображает, что уедет с ней, будет жить так всегда, будет счастлив. О, будь у него настоящий Кроличий остров, место, куда они могли бы уехать и быть там одни. Где она была бы его Птичкой, а он – всегда был бы ее Питером Кроликом.

Но кролик понимает реальность ситуации. Он знает, что его дни в качестве кролика сочтены. Однако он не хочет, чтобы она забыла его. Что угодно, только не это.

Он не хочет, чтобы ей было одиноко. Он дарит ей подарок: мягкого и пушистого игрушечного кролика. Он надевает игрушке на шею бирку. ПТИЧКЕ С ЛЮБОВЬЮ ОТ ПИТЕРА, написано на ней. Он рискует, делая ей подарок, но она осторожная девочка. Она понимает, что все, что происходит между ними, – это их секрет. Маленькая девочка прижимает мягкого белого кролика к груди, затем поворачивается и обнимает Питера. Сумеет ли она заглянуть под маску, за сеточку, которой прикрыты глаза, то она бы увидела, что он плачет.

12, 13, 14 июня 2006 года

Через неделю после похищения Эрни так и не была найдена. Весь Пайкс-Кроссинг гудел, как растревоженный улей. Гостиница «Лейк вью», и мотель «Сверни и отдохни», и два дома, где сдавались комнаты с завтраками, были под завязку забиты журналистами из других штатов и добровольцами. Маленькое кафе неподалеку от мини-маркета Пэт, несмотря на отсутствие кофе латте, едва успевало загребать выручку. Городские улицы, соседние поля и леса были обысканы собаками, вертолетами, бойскаутами, волонтерами Национальной гвардии и рядовыми гражданами.

Полиция штата привезла водолазов и катера, которые прочесали озеро. В методистской церкви проводились бдения при свечах. И хотя люди были обеспокоены тем, что следов Эрни так и не нашли, все помнили Эллу Старки: та провела в яме десять дней – с консервной банкой, червями и жуками. Так что всякое возможно.

Пэт дала еще одну пресс-конференцию – рядом с ней стояла Труды Флоруччи, – на которой сообщила, что заручилась услугами женщины-экстрасенса, умевшей находить пропавших детей и домашних животных при помощи раздвоенной ивовой ветки. Пэт представила журналистам Ширли Боуз. Та по возрасту годилась Пэт в матери и, к удивлению Ронды, имела внешность типичной фермерши. Ни тебе тюрбана, ни длинного балахонистого платья, с которого свисали бы колокольчики. Единственным украшением Ширли было простое обручальное кольцо. Седые волосы завиты и аккуратно уложены. Одета просто и неброско, как и подобает женщине ее лет. Ширли шаркала подошвами и застенчиво улыбалась объективам видеокамер.

– Вы, возможно, помните, – продолжал Пэт, – что в прошлом году в Суонтоне, в заброшенном сухом колодце, Ширли нашла малыша.

Ронда вспомнила. Маленький мальчик упал в глубокую яму и пробыл там всю ночь. Почти двадцать четыре часа. Практически целые сутки. Не то что Элла Старки, которая в своей яме потеряла счет времени. Она считала дни шуршащими целлофановыми обертками от ирисок. Она спела все песни, которые только знала. Когда кончились песни, она начала разговаривать с богом.

– И он говорил со мной, – сообщила она позже журналистам.

– Что же он сказал? – спросили журналисты.

Элли застенчиво улыбнулась.

– Он рассказывал шутки про слона.

– Шутки про слона?

– Да. Например, как определить, что в вашем холодильнике побывал слон? Ищите следы на сливочном масле.

Ронда снова сосредоточилась на пресс-конференции Пэт.

– Эрни слишком долго не удается найти, мы оказались в тупике. Мы должны искать новые следы где угодно, где только можно их найти, – проникновенным голосом сказала Пэт. Типичный босс. Ронда нашла в энтузиазме Пэт странное утешение.

Лишь в моменты, когда та была вне объектива камеры, Ронда замечала, что Пэт нервно расхаживает туда-сюда или бормочет что-то себе под нос. Неужели даже Пэт утрачивает контроль над ситуацией и готовится признать поражение? Ронда поморщилась при мысли о том, что в глазах Пэт она по-прежнему подозреваемая. А еще ненавистна была мысль о том, что, возможно, это – истинная причина того, почему Уоррен проводит с ней все свое время. Неужели он тоже подозревает Ронду? Думает, они с Питером сговорились похитить маленькую девочку?

– И еще кое-что, – заявила Пэт журналистам. – Бонни Старки, мать маленькой Эллы, сегодня утром позвонила Труди.

По комнате пробежал гул возбужденных голосов.

– Что сказала миссис Старки? – спросил один из репортеров.

– Сказала, что молится об Эрни, – ответила Пэт, – что Труди не должна терять надежду. Мы не имеем права напрасно тратить время. Пусть Ширли поможет нам!

Затворы фотоаппаратов тотчас защелкали. Ширли шагнула вперед и еле слышно попросила дать ей что-нибудь из того, что принадлежало Эрни. Труди потянулась к мятому бумажному пакету у ног и вытащила мягкую игрушку, медвежонка с вышитым на груди сердечком. Сжимая розового плюшевого медведя, ясновидящая села в кресло, которое притащили из-за кассы. Тотчас защелкали камеры фоторепортеров, телевизионщики сняли кадры для вечерних новостей. Наконец, Ширли встала, вернула медведя Труди, вытащила карту штата, разложила ее на прилавке и стала раскачивать над ней прозрачным кристаллом кварца на тонкой серебряной цепочке. Увы, маятник тотчас застыл в неподвижности, не крутясь и не раскачиваясь.

Не сумев найти искомую точку на карте Вермонта, Ширли развернула карту Соединенных Штатов. Вновь ничего.

Что, если Эрни в космосе, подумала Ронда. Как та корова, что

перепрыгнула через луну. Что, если именно туда кролик увез ее на своей подводной лодке? Что, если Кроличий остров – это что-то вроде царствия небесного? Ронда оторвала взгляд от маятника и карты и попыталась взглянуть сквозь потолок и крышу вверх, в небеса.

Поймав на себе взгляд Уоррена, Ронда повернулась к нему. Вид у него был печальный и подавленный. Она протянула к нему руку, но тотчас отдернула ее в нерешительности. А разве не ее нерешительность стала причиной того ужаса, что происходит сейчас? Бездействие Ронды – вот истинная причина того, почему с ними нет Эрни, и даже женщина-экстрасенс не в состоянии ее обнаружить. Поколебавшись, Ронда все-таки взяла Уоррена за руку. Он в ответ крепко сжал ее пальцы.

– Я скажу одну вещь, – пробормотал Сесил Лоури, когда пресс-конференция уже заканчивалась. Сесил, бывший начальник пожарной части, вздорный старик, который первого встречного донимал просьбами угадать, сколько ему лет, а когда люди из вежливости давали ему лет на десять меньше, Сесил кричал: «Восемьдесят четыре! Нет, вы можете в это поверить? Ха!» Они могли. – Теперь наш Пайкс-Кроссинг у всех на устах! Не говорите никому, что я так сказал, но в некотором роде это похищение – лучшее, что когда-либо случилось в Пайкс-Кроссинге. И не пытайтесь меня убедить, что местные бизнесмены не рады привалившим им денежкам!

Голова Ронды была забита кроликами. Она рисовала их на клочках бумаги, когда разговаривала по телефону или думала о том, почему в этом деле так мало улик. Она рисовала цепочки кроликов, державших друг друга за лапы, и, пока рисовала, ждала от них подсказки. Вдруг они знают что-то такое, что известно всем кроликам: путь к Кроличьему острову.

Она смотрела на свои каракули, как будто ожидая, что кролики сейчас спрыгнут со страницы и, пританцовывая в кроличьем танце, приведут ее к Эрни Флоруччи. А если повезет, то к Лиззи и Дэниэлу тоже.

Среди кроликов Ронда нацарапала примечания к нескольким зацепкам, которые у них были: Кроличий остров, машина Лоры Ли, имя Птичка. Все это не имело никакого смысла. Но эти почеркушки успокоили Ронду.

Тупиковые версии появлялись каждый день: в мотеле в Линдонвилле был замечен золотистый «Фольксваген», чей-то дядя-холостяк держал в шкафу костюм кролика, кто-то якобы видел, как Эрни покупала газировку в автомате на парковке в Массачусетсе. Всякий раз, когда поиски шли по новому пути, мини-маркет Пэт охватывали волнение и новый прилив надежды.

Полиция проверяла каждую версию, но все они вели в тупик. Когда же известие о новой неудаче достигало мини-маркета, все тотчас стихали и обменивались разочарованными взглядами. Оставалось лишь ждать, когда телефон зазвонит снова и новая подсказка даст жизнь новому циклу надежд и разочарований.

У Ширли Боуз была подруга Марша, экстрасенс. Марша была ровесницей Труди и недавно переехала в Вермонт из Нью-Йорка. Когда ее позвали помочь, она приехала с плюшевым медведем в руках. Она закрыла глаза и сказала:

– Я вникаю в картину.

У этой женщины были замысловатая прическа, красивая одежда и дорогие духи.

– О, она жива, – наконец заявила Марша. Ронде ее акцент жительницы Бронкса показался почти фальшивым. – Она в лесу. Я вижу высокие деревья. Огромные камни. Пещеру. Он забрал ее в пещеру. Там она спит по ночам.

Лозоходец Ширли повторила попытку. На этот раз ее маятник качнулся над лесопарком недалеко от того места, где похитили Эрни. Та часть леса, куда Питер, по его словам, ходил в тот день в поход.

Пэт позвонила Кроули. Хотя детектив не верил в экстрасенсов и гадалок, он согласился организовать поисковый отряд из числа полицейских, гражданских лиц и рейнджеров заповедника, чтобы на следующий день прочесать лес. За отрядом следовал десяток тележурналистов, а все местные газеты отправили репортеров. Пэт обзвонила всех, кого знала в городе, то есть фактически всех жителей Пайкс-Кроссинга, с просьбой помочь прочесывать лес.

Рейнджеры и гиды в один голос утверждали, что в лесопарке пещер нет. На что экстрасенс Марша сказала:

– Это может быть и не пещера. Просто груда камней, которые защищают от солнца или дождя. Маленькая девочка могла назвать их пещерой.

Ширли Боуз бродила по колючему кустарнику и пешеходным тропам с прутиком в форме буквы Y, который вел ее за собой то туда, то сюда. Когда она предположительно была на правильном пути, прутик наклонялся и слегка вибрировал. Ронде казалось, что прутик водит по кругу бедную старушку в туфлях «прощай, молодость». За ней прямо по пятам следовала Пэт, и хвостом за ними тащилась Труди Флоруччи. Вокруг них то и дело щелкали и вспыхивали блицами многочисленные фотоаппараты.

Труди выглядела неважно. Уже пошли слухи, мол, она сама виновата в том, что Эрни пропала. Какая мать оставит свою шестилетнюю дочь одну в машине? Ронда знала, что мать Кэти давала Труди какие-то таблетки. Что-то от нервов, шепотом доложила Кэти.

Но похоже, Труди глотала их без передышки, и к тому времени, когда обыскали лесопарк, она шаталась и пускала слюни. Когда же Ширли повела их небольшой отряд на скалистый холм, Труди оступилась и подвернула лодыжку. Она без конца рыдала, и ее уложили на сплетенные из веток носилки. Пэт позвонила Уоррену, чтобы тот пришел и отвел Труди обратно в базовый лагерь. Последний был разбит рядом со станцией рейнджеров и состоял из нескольких столов, заваленных термосами с кофе, сэндвичами и картами. Здесь же расположились съемочные группы. В одиночку Уоррен не смог справиться с этим заданием и призвал на помощь Ронду.

Единственный протест Труди заключался в том, что она со злобным прищуром посмотрела на Ронду и сказала:

– Ты!

– Я здесь, чтобы помочь, – торопливо сказала Ронда.

– Ты хочешь помочь? – Труди рассмеялась. – Ты даже не знаешь, с чего начать.

– Пожалуйста, мисс Флоруччи, я...

– Миссис Флоруччи, – еле ворочая языком, поправила ее Труди. – Мой муж... мой муж, Сэл, не далее как в прошлом году потерял правую руку. Он убил себя полгода назад. Он резал гранит, и ему раздавило руку куском камня. Несколько недель после того случая Сэл просыпался по ночам и уверял меня, что чувствует свою руку: она сначала как будто затекает, а потом начинает отходить и покалывать. Я включала свет, а он тарасился на культу, как будто отказывался поверить своим глазам.

Ронда кивнула, не зная, что сказать. Труди оперлась на нее, ковыляя на одной ноге. Уоррен поддерживал Труди справа.

– Мне иногда снится, что ничего не произошло и Эрни спит рядом со мной. Я просыпаюсь и лежу неподвижно, и мне кажется, будто Эрни рядом, лежит, свернувшись калачиком, у меня под боком. Я чувствую ее запах, почти ощущаю вкус ее кожи. – Труди посмотрела на Ронду, ее глаза вновь вспыхнули яростью. – И тогда я включаю свет.

Не успели они доковылять до базового лагеря, как на них тотчас навели объективы телевизионных камер.

– Вам больно, Труди? – спросил один из репортеров.

– Они что-нибудь нашли? – уточнил другой.

Труди опустила голову. Уоррен встал прямо перед ней, закрывая ее собой от телевизионщиков.

– Ради бога, оставьте ее в покое! – огрызнулся он.

– Тебе может сниться что угодно, – прошептала Труди, обдав ухо Ронды жарким дыханием. – Но в какой-то момент кто-то обязательно включит этот проклятый свет.

Склоны холмов прочесывали весь день, но никаких следов Эрни не нашли. Затем, на следующее утро, пожарный-волонтер обнаружил в камнях кучку костей. Была вызвана группа судебно-медицинских экспертов, которая быстро определила, что это фрагменты костей животных: скорее всего оленей. Затем пожарный обнаружил логово койота. Репортеры теленовостей снимали шатающуюся Труди и цепко державшую ее за руку Пэт, как будто она удерживала Труди, не давая ей взлететь. В конце дня волонтеры разошлись по домам, убежденные в том, что Эрни Флоруччи в лесопарке штата нет.

Ронда и Уоррен вернулись к Пэт, чтобы проверить, не появилась ли какая-нибудь новая информация. На телефонах дежурил ворчливый старый Сесил. Из-за больного бедра он не смог присоединиться к поисковой группе в заповеднике.

– Ни черта. Никаких телефонных звонков. Ни одного. Самое волнующее событие за весь день – это когда малышка Кэти принесла мне эти чертовы пирожные брауни. – Он в сердцах указал на поднос с лакомствами. – Я слопал примерно половину, чего мне категорически нельзя, с моим-то уровнем сахара. Док прописал мне таблетки, быть может, я просто вечером приму одну лишнюю. – Сесил вздохнул, пару мгновений размышляя о своем несчастье. – Ах да, она оставила для вас вот это. – Он достал пухлый желтый конверт, на котором розовым маркером было накорябано «Уоррену и Ронде».

– Знаю, вы ничего не нашли там, в лесу. Я в полдень смотрел новости. Не знаю даже, за кого я больше переживал, за Пэтти или за Труди. Она принимает все слишком близко к сердцу.

Уоррен кивнул.

– Она делает все возможное.

– Знаешь, я служил в пожарной команде, когда погибла Ребекка, – сказал Сесил, потирая щетину на подбородке. – Я прибыл на место происшествия одним из первых. Это я оттащил Пэтти и увел ее оттуда. Ей незачем было видеть, что ее сестра превратилась в кровавое месиво,

похожее на собачий корм.

– Ребекка? – спросила Ронда. Она не слышала этой истории.

– Младшая сестра моей мамы и Пэт, – объяснил Уоррен. Ронда вспомнила фотографию в кабинете Пэт: маленькую девочку, стоящую с края, с лентами в волосах.

– Попала под лесовоз в 1973 году. Я не психиатр, но знаете, что я думаю? – спросил Сесил. – Я думаю, что Пэтти всегда винила себя в ее гибели. В том смысле, что в тот день она была с Ребеккой дома. И должна была следить за ней. Но маленькие девочки верткие, как змеи. Все случилось не по ее вине, да Пэт никто никогда и не обвинял. И вот теперь, спустя годы, у нее появился шанс спасти другую маленькую девочку. И Пэтти за него ухватилась. Взясась за поиски, как будто это дело всей ее жизни. Верно я говорю?

Уоррен кивнул.

Ронда задумалась: две пропавшие девочки.

Сесил встал, собираясь уходить.

– Когда я нашел Пэтти, она сжимала в руках кроссовок Ребекки. Белый кроссовок, забрызганный кровью. Не хотела выпускать из рук. – Сесил надел старую бейсбольную кепку с надписью «Добровольная пожарная охрана». – Какая жалость, – пробормотал он. Ронда и Уоррен поблагодарили Сесила и проводили его взглядом.

– Странно, что я никогда не слышала эту историю про Ребекку, – сказала Ронда.

– Это было давно, – сказал Уоррен. – О таких вещах обычно не говорят, как о раке или о чем-то таком. Я сам едва знаю эту историю, хотя это моя семья.

Ронда кивнула, думая о секретах в собственной семье.

– Итак, что ты думаешь? – спросил Уоррен. – Останемся торчать здесь или лучше сходим куда-нибудь выпить пивка? – Он открыл оставленный Кэти конверт и вытряхнул из него содержимое. – Лично я голосую за пиво. Сегодня был долгий день, и не похоже, чтобы в наше отсутствие разрывались телефоны.

Ронда взглянула на выпавший из конверта листок. Это была цветная фотокопия рисунка Эрни «Кроличий остров». К листку была приклеена записка: «Опасалась, что оригинал могут конфисковать, поэтому сделала копию. Думаю, вы захотите оставить ее себе. Я по-прежнему считаю, что это какой-то парк с садом камней или что-то в этом роде. К.»

Уоррен перевернул рисунок к себе, чтобы лучше разглядеть его. Теперь Ронде он был виден вверх ногами. Лишь глядя на него в новом

ракурсе, она поняла, что это такое.

– Пиво подождет, – сказала Ронда. – Давай кое-куда съездим.

12 июня 1993 года

Питеру распечатали сценарий, и все были готовы взяться за дело. Он решил, что они начнут с самого начала: с прихода Питера Пэна в детскую комнату, с того момента, когда он увел детей. Маленький Джейми О'Шей играл Майкла, а его брат Малькольм – Джона. Братья О'Шей – тихие рыжеволосые мальчишки с дальнего конца улицы. Им приходилось постоянно напоминать, что нужно громче произносить реплики.

– Что? – кричал Питер, когда кто-то из них открывал рот. – Говори громко, Джон! Говори громко, Майкл! Или я скормлю вас крокодилу!

Увы, проблема заключалась в том, что у них не было крокодила. Пока не было. Пропавших мальчиков, индейцев и пиратов играла малышня, приехавшая с родителями в летние домики на озере. Из года в год они приезжали сюда и шли через лес, чтобы робко спросить Питера, можно ли им поучаствовать в спектакле. Любой, кто являлся на прослушивание, получал роль, даже если для этого приходилось выдумывать новых персонажей.

Эти «летние» дети часто пропускали репетиции, так как родители брали их с собой купаться, кататься на лодках и ловить рыбу. Ни один из них не желал играть роль крокодила. Все девочки хотели быть исключительно Тигровой Лилией или феей Динь-Динь, но некоторых пришлось сделать пиратами, пропавшими мальчиками и индейцами. Роль феи Динь-Динь играла самая маленькая девочка по имени Натали, в розовом купальнике с проволочными крыльями, обтянутыми марлей.

Питер сидел на подоконнике детской комнаты, ожидая своего выхода, когда Джейми О'Шей внезапно вскрикнул.

– Ну, что на этот раз? – строго спросил Питер.

– Меня ужалила пчела! – завопил Джейми. – Ой! И еще раз!

Затем к нему присоединился Малькольм:

– Ой! – крикнул он и схватил себя за попу.

Питер спрыгнул с подоконника и огляделся:

– Не вижу никаких пчел.

Ронда встала с кровати, на которой лежала, и, оглядевшись по сторонам, согласилась. Пчел не было. Ни moskitov, ни moшек.

– Здесь нет ни одной жужжащей твари, дружище! – крикнула Лиззи, наблюдая за происходящим с палубы своего пиратского корабля, которая на самом деле была капотом старой машины Клема. На заднем сиденье,

лакомясь из пакетика арахисом в шоколаде, расположилась пара юных пиратов. Неподалеку разгуливали еще с полдюжины других детей, одетых индейцами и исчезнувшими мальчиками. Эти ждали скучая, когда Питер и дети из семьи Дарлинг улетят в страну Нетландию, и тогда они тоже выйдут на сцену. На место скуки моментально пришла паника.

Джейми с силой шлепнул себя по шее и с криком «Пчелы!» стал носиться вокруг сцены.

– Здесь, должно быть, их гнездо! – крикнул Малькольм остальным детям. – Убегайте!

И прежде чем Питер сумел их остановить, весь его актерский состав, за исключением Ронды и Лиззи, разбежался по лесу, истошно вопя о пчелах-убийцах.

Внезапно откуда-то с верхушек деревьев раздался смех. Подняв глаза, они увидели Грету Кларк. Та с пневматическим пистолетом в руке сидела на верхушке белой сосны, обхватив ствол ногами.

– Грета! – крикнул Питер. – Ты могла кому-нибудь глаз выбить этой штуковиной!

– Жжжжж! Куси их! – завопила она.

Грета жила в трейлере рядом с озером вместе со своей помешанной мамашей, Лорой Ли Кларк, которая утверждала, что снялась едва ли не во всех фильмах, вышедших в 1970-х годах. Кто был отцом Греты – никто не знал, но, по словам Лоры Ли, им был Уоррен Битти. А там кто знает?

Грете Кларк было двенадцать, и она всегда носила самодельный лук со стрелами и пневматический пистолет, из которого стреляла по белкам. А еще она надевала красную фетровую ковбойскую шляпу, годную по размеру лишь маленькому ребенку. Шляпа сидела на самой макушке и держалась лишь за счет ремешка под подбородком.

Грета обожала делать пакости. Ей ничего не стоило вызвать кого-нибудь покататься наперегонки на велосипеде, но на полпути у ее соперника вдруг вылетало переднее колесо или из-за крошечного камушка, застрявшего в ниппеле, сдувалась шина. Во время кулачных поединков (а их за эти годы было немало) она бросала в лицо противнику песок или, если противник был мальчишкой, хватала его за гениталии и сжимала до тех пор, пока тот со стоном не падал на землю и не начинал исступленно сучить ногами, словно свалившийся на спину жук.

В школе поговаривали, что Грета лесбиянка.

– Твоя пьеса – полный отстой! – крикнула она сверху.

– По-моему, ей нужно надрать задницу! – заявила Лиззи. Она сидела на крыше машины, размахивая крючком от вешалки, а в другой руке

держала деревянный меч. На Лиззи были черные атласные штаны, заправленные в старые мотоциклетные сапоги отца. Сапоги были слишком велики для ее ног, поэтому она надевала их на несколько пар носков. На ней также была белая рубашка с кружевами на груди и широким воротником и старая куртка из красного бархата, на которую она нашла золотую тесьму. Голову венчала настоящая черная пиратская шляпа из магазина маскарадных костюмов в Берлингтоне.

Питер покачал головой.

– Нам все равно нужно идти на день рождения Клема. Завтра мы соберем всех и проведем настоящую репетицию. – Он спрыгнул со сцены и зашагал по тропинке к дому Ронды.

– Ты это дело так и оставишь? – спросила Лиззи, когда они вместе с Рондой догнали его.

– Ты имеешь в виду Грету? – спросил Питер.

– Ну да! Она просто испохабила нашу первую репетицию, – сказала Лиззи.

– Что я должен был сделать, забраться на дерево и стащить ее вниз?

– Что-то в этом роде, – сказала Лиззи. – Я еще познакомлю ее с моим крючком! – И она грозно помахала крючком от вешалки.

– Нет, – сказал Питер. – Самое лучшее – это игнорировать ее. Она просто хочет внимания.

Лиззи наклонилась к Ронде и сказала:

– Может быть, она нас преследует, потому что в тебя втюрилась?

– Нет, – ответила Ронда. – Это она из-за тебя. Должно быть, услышала, как ты поешь «Мое страдающее сердце», и втюрилась в тебя по уши!

Обе прыснули со смеху.

– Но ты же знаешь, я пела ее только для тебя, Венди, – дурашливо сказала Лиззи.

– О, капитан Крюк, – проворковала в ответ Ронда, – ты такой романтичный!

Схватив Лиззи за руку и вешалку, Ронда протанцевала несколько шагов, пока крючок не вывалился из ее руки, что побудило Лиззи спеть грубым пиратским голосом несколько строк из старого хита Пэтси Кляйн «Я рассыпаюсь на кусочки». Под конец песни она дрыгнула ногой, и огромный мотоциклетный сапог взлетел в воздух и ударился о ствол полосатого клена. Обе девочки вновь зашлись безудержным смехом.

– Вы когда-нибудь повзрослеете? – спросил Питер, оглядываясь через плечо на фигуру, сидевшую высоко на дереве.

Гриль был завален гамбургерами и хот-догами, а стол для пикника уставлен мисками с салатами. Посередине красовался слоеный торт, на котором аккуратным почерком Жюстин кремом была выведена надпись «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КЛЕМ!» Было две чаши пунша, одна – для детей, а вторая – для взрослых, в нее, по требованию Агги, утверждавшей, что иначе пунш слишком слабый, влили чашку темного рома.

Некоторые из работавших на лесопилке мужчин были со своими женами. Они разговаривали в основном о ценах на целлюлозную древесину, о матчах «Ред сокс» и обо всем том, о чем обычно говорят мужчины. Ронда слушала вполуха, наблюдая, как Питер тайком налил три чашки ромового пунша.

– Я не хочу, – сказала Лиззи, когда брат протянул ей бумажный стаканчик.

– Ладно, давай! Какой же тогда из тебя пират?

Лиззи взяла стакан. Ронда последовала ее примеру. Обе сделали по маленькому, пробному глотку. Питер глотнул от души.

– Ух ты! – сказал он. – Забористый! Пробирает до самого нутра, это хорошо. От такого враз волосы на груди вырастут, помяните мое слово!

Оставив девочек, Питер подошел к Дэниэлу, который разговаривал с мужчинами с лесопилки. Дэниэл положил руку ему на голову. Питер рассмеялся какой-то тупой шутке про президента, которую Ронда почти не разобрала.

– Как ты думаешь, Венди влюблена в Питера Пэна? – спросила Лиззи.

– Что?

– Это ведь очевидно, верно? Она любит его, а он ее не любит.

Ронда сделала большой глоток пунша.

– По-моему, он ее любит. Он просто сам этого не знает.

Лиззи покачала головой.

– Глупости! Вряд ли у них что-то получится. Ну, пожениться, и все такое прочее. Это невозможно. Ничего не выйдет.

Ронда снова глотнула пунша и, сунув руку в карман белой ночной рубашки, рубашки Венди, потрогала фотографию отца и Агги, которую каждый день приносила на репетиции. Она хотела показать ее Питеру и спросить его, что это значит. Возможно ли такое, что ее отец и его мать когда-то были женаты? Но Ронда никак не могла заставить себя это сделать.

Стоило рому проникнуть в нее, как она поняла, что искать ответы нужно не у Питера. Надо спросить отца. Она просто покажет ему фото и попросит объяснений. Кстати, почему не сделать это прямо сегодня?

Ронда двумя большими глотками допила свой пунш, оставила Лиззи и

побежала в дом. Пару минут назад Ронда видела, как Клем вошел в дверь, поэтому направилась напрямиком в свою комнату и вытащила из тайника в чемодане под кроватью рисунок подложки «Ханли».

Мать отвезла Ронду в магазин-салон в Сент-Джонсбери и заплатила за то, чтобы рисунок профессионально поместили на паспарту и вставили в рамку. Ронда обернула его синей бумагой с серебряными звездами. Взяв рисунок под мышку, Ронда отправилась на поиски отца. Его не оказалось ни в кухне, ни в гостиной. Ронда повернула налево и по коридору прошла к кабинету. Дверь была приоткрыта. Ронда толкнула ее до конца и, держа перед собой подарок, крикнула:

– С днем рождения!

Там был ее отец. Он целовал Агги, и их руки двигались и сплетались, словно они были одним гигантским шевелящимся осьминогом.

Ронда не знала, куда ее несут ноги. Она бегала по лесу босая, в белой ночной рубашке Венди. Ронда уронила рисунок на пол кабинета. Громко, словно выстрел, треснуло стекло. Она развернулась и выбежала вон. Она промчалась мимо гостей, мимо Питера, и Лиззи, и своей матери, которая принесла очередное блюдо моллюсков под соусом. Ронда как будто была под водой. Звуки не проникали к ней. Окружающее пространство было размытым и непривычным. Даже ноги не слушали того, что им говорила голова. Ронда споткнулась, затем снова бросилась в лес.

Она бежала дальше, пока тропа не привела ее к кладбищу Мартин. Здесь Ронда замедлила шаг. Острые камни порезали ей ноги. Легкие горели, и она надсадно хрипела. Пройдя мимо чугунной ограды, Ронда вскоре нашла лаз. В этом году она еще не была здесь.

Она прошла к дальней части кладбища, к своему любимому надгробию: простая квадратная плита, на ней – короткая надпись: ХЭТТИ. УМЕРЛА 12 ДЕКАБРЯ 1896 ГОДА В ВОЗРАСТЕ 7 ЛЕТ. Ронда рухнула перед могильной плитой, над местом, где, по ее мнению, могли покоиться останки Хэтти, и расплакалась. Ронда лежала лицом вниз, и слезы стекали в траву.

Отец по-прежнему любит Агги. Он был тайно женат на ней. Что, если мать и отец вообще не женаты? Ведь никаких их свадебных фотографий нет. Никаких доказательств. Но если ее родители – не муж и жена, то кто же они? И кто в таком случае она, Ронда?

Внезапно ей на плечо легла чья-то рука. Неужели отец пошел следом за дочкой, чтобы все объяснить, чтобы придумать какую-то ложь, которая призвана поднять Ронде настроение, хотя она только что видела правду

своими глазами?

– Уходи! – сказала Ронда, не поднимая глаз.

– Что случилось? – Это был не голос отца. Это был Питер.

Ронда не поднимала лица от земли, не зная, что ему сказать.

– Ты умчалась оттуда так, будто за тобой кто-то гнался с ножом, – сказал он.

Ронда села, все еще не смея посмотреть Питеру в глаза. Если она посмотрит, он тотчас прочтет по ее лицу все. Каким-то образом узнает, что она видела.

– Ронни, скажи мне, что стряслось? – попросил он.

Но что она могла сказать? «Твоя мать обжималась с моим отцом»? Сама мысль об этом заставляла ее чувствовать себя так, как будто это была ее вина.

Ронда откашлялась.

– Интересно, как она умерла?

– Кто? Ты о ком?

– Хэтти, – сказала Ронда и провела пальцем по надписи на могильной плите. – Ей было семь лет.

– Не знаю, – сказал Питер. – Это могло быть что угодно. В то время можно было запросто умереть, поранив палец.

– Это так печально, – сказала Ронда и снова расплакалась. Питер повернул ее к себе лицом и погладил по волосам.

– Тс-с. Все нормально. Знаешь, что я думаю? – спросил он. – Наверное, я зря дал тебе пунш с ромом. Из-за него все и пошло наперекосяк.

– Наверное, – согласилась Ронда.

– Иди сюда! – сказал он, поднимая ей подбородок. Питер поцеловал ее. Нежный, сухой поцелуй в лоб. И еще один, такой же нежный, в губы.

– Ты ведь знаешь, что ты моя девушка, верно? – тихо спросил Питер. Ронда кивнула. Она не понимала, откуда знает это, но каким-то образом она знала. Сейчас ей было удивительно спокойно. Она потянулась и коснулась венка из листьев, который все еще был у него на голове. Как вдруг через его плечо она увидела: присев за могильный камень, за ними наблюдала Лиззи. У Ронды было такое чувство, будто ее застукали на месте преступления. Она отстранилась от Питера и сказала, что им лучше вернуться на вечеринку.

14 и 15 июня 2006 года

Ограда чугунного литья, окружавшая кладбище Мартин, изрядно проржавела и покосилась. Передние ворота были открыты. С обеих сторон на страже стояли два запущенных куста гортензии, усыпанных прошлогодними сухими коричневыми соцветиями. Перед кладбищем буйно разрослась сирень. Оставив машину на крошечной стоянке перед воротами, Ронда посмотрела на рисунок, который Уоррен держал в руке. Кроличий остров.

– Это то самое место! Я в этом уверена! Посмотри на аккуратные ряды камней. А вот черный забор по всему периметру. Идеальное место для того, чтобы привести сюда ребенка. На отшибе, хотя и недалеко от школы. Мимо никто не ходит. А если бы и шли, то кусты густые, за ними ничего не видно.

Ронда выскочила из машины и вошла в ворота. Уоррен шагал сзади, словно карту сокровищ, сжимая в руке детский рисунок.

Воздух был напоен сладким, пьянящим ароматом сирени. Пели сверчки. Траву давно не стригли, и из нее торчали головки красного клевера. От цветка к цветку перелетали пчелы, наполняя кладбище низким, басовитым гудением.

– Черт, ты права, – сказал Уоррен. – Посмотри на эти дальние холмы. И вон на тот ряд сосен. Это то самое место! И что теперь?

– Думаю, тут нужно все осмотреть.

– Для чего?

– Вдруг найдется подсказка. Доказательство. Не знаю. Что-то такое, с чем можно ехать к Джо Кроули.

Уоррен с рисунком Эрни в руке зашагал через кладбище. Ронда постояла минутку, прищурился глаза. Затем огляделась по сторонам, пытаясь представить себя на месте маленькой девочки, которая только что высадилась со своей «подлодки» на Кроличий остров.

Могильные камни были старые, самые последние датированы тридцатыми годами двадцатого века. На многих надгробиях были высечены плачущие ивы и ангелы – похожие на черепа с крыльями.

Некоторые камни были побиты непогодой до такой степени, что надписи на них стали совершенно неразборчивы. Одни надгробия накренились, другие упали и лежали горизонтально, опрокинутые неумолимым временем или же сбитые скучающими подростками,

напившимися теплого пива. Последний раз Ронда была на кладбище Мартин в детстве. Вновь оказавшись здесь, она начала искать свой любимый могильный камень, тот, который примостился в северо-западном углу, крошечное надгробие, надпись на котором сообщала, что ХЭТТИ УМЕРЛА 12 ДЕКАБРЯ 1896 ГОДА В ВОЗРАСТЕ 7 ЛЕТ.

Ронда шла через кладбище, выглядывая этот крошечный памятник, когда что-то привлекло ее внимание: в высокой, давно не кошенной траве что-то блеснуло. Сигаретная фольга? Алюминиевая банка?

Нет. Ронда протянула руку и посмотрела вниз, не в силах поверить в то, что видит. Это была связка ключей с открывашкой для бутылок и белой кроличьей лапкой, на которой кое-где истерся мех. Не иначе как Питер часто тер свой амулет, пытаясь привлечь удачу.

Чувствуя, как колотится сердце, Ронда подобрала ключи и сунула их в сумочку,

– Эй, там есть тропинка! – крикнул Уоррен. Он бежал к Ронде, петляя между старыми надгробиями. Она закрыла сумочку и для надежности прижала ее к себе. Ронда знала, что не расскажет Уоррену о своей находке. Поступи она так, и он настоит на том, чтобы они пошли к сержанту Кроули. Но разве это не было бы правильно? Разве это не улика? Интересно, как далеко она готова зайти, чтобы защитить Питера?

Ронда вспомнила давний поцелуй на кладбище, в этом же самом месте.
«Ты же знаешь, что ты моя девушка».

– Да, – сказала она Уоррену. – Когда-то я часто ходила этой тропинкой, чтобы добраться сюда.

– Куда она ведет? – Теперь он стоял прямо перед ней. Ей были видны бисеринки пота у него на лбу и по-мальчишески горящие азартом глаза.

– Через лес. Мимо дома матери Питера, мимо нашей старой сцены и дома моих родителей. Если свернуть в сторону, она приведет к озеру. Так мы спускались к нашему пляжу в Бухте Гагар.

– Ею наверняка еще пользуются, – сказал Уоррен. – Раз она не заросла.

– Дети, наверное. – По-прежнему прижимая к боку сумочку, Ронда теперь стояла на коленях перед небольшим могильным камнем. – Или же кролики.

– Печально, – сказал Уоррен, указывая на землю. – Семь лет. Как, потвоему... что с ней случилось?

– Могло случиться все, что угодно, – услышала свой голос Ронда. – В те дни люди умирали от любой мелочи, особенно дети.

– В кладбищах есть что-то загадочное, – сказал Уоррен. – У каждой могильной плиты своя маленькая тайна, тебе не кажется?

– В детстве я часто приходила сюда, – призналась Ронда. – Я сидела здесь, рядом с Хэтти, и пыталась понять, как устроен мир.

«Но это было в другое время, когда я была Венди, а Питер – мальчиком в костюме из листьев, который обещал никогда не стареть, и его не подозревали в похищении ребенка».

– Легко могу себе это представить, – сказал Уоррен. – Юная девочка-философ. – Он широко улыбнулся и шагнул вперед. Ронда не отпрянула от него. Нет, она протянула ему руку, и он ее взял.

– Жаль, что я не встретил тебя, когда ты была маленькой девочкой, – признался Уоррен, слегка сжав ее пальцы.

Ронда рассмеялась. Пожалуй, это были самые приятные слова, которые когда-либо говорили ей парни.

– Нет. Я была некрасивым ребенком. У меня во рту была жуткая пластинка-фиксатор, из-за которой я говорила, как пьяный суслик.

Уоррен рассмеялся.

– Мой любимый тип девушек, – сказал он.

Они вышли с кладбища, держась за руки. На несколько коротких и восхитительно сладких мгновений она напрочь забыла о Питере. Забыла о связке ключей в ее сумочке, говоривших об ужасных вероятностях. Для Ронды существовала лишь спокойная радость от близости Уоррена. Впервые за несколько месяцев или даже лет Ронда ощутила удивительную легкость. Казалось, со следующим шагом она оторвется от земли и взлетит.

В эту ночь Ронде снились подводные лодки. Она была внутри небольшой сферической субмарины, приводимой в движение коленным валом. Ронда плыла под водой к другой подводной лодке, которую заметила вдалеке. Подплыв к ней ближе, Ронда смогла разглядеть в этой вытянутой субмарине с надписью «Ханли» Эрнестину Флоруччи и кролика. Ронда тотчас принялась остервенело крутить ручки. Наконец она оказалась рядом со второй субмариной. Из иллюминатора на нее посмотрело третье лицо – это была Лиззи, ее давно потерявшийся близнец. Лиззи в возрасте одиннадцати лет, когда она потеряла голос. На ней был костюм капитана Крюка, и даже в иллюминатор Ронда увидела, что из ее рукава торчит проволочная вешалка.

Ронда гонялась за ними по всему морю, но так и не смогла догнать. Ее руки сделались резиновыми. Свеча в крошечной субмарине замигала, показывая, что запас кислорода заканчивается. Но Ронда не могла вспомнить, что нужно сделать, чтобы всплыть на поверхность. Она дергала рычаги, нажимала на кнопки, но все равно продолжала тонуть. Свеча

погасла, и в иллюминаторы была видна лишь сплошная чернота.

– КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, что это значит? – прошептала Ронда в телефонную трубку. Было семь утра. Она перекадилась в постели и позвонила по мобильному телефону Уоррену.

– Не знаю. Но по-моему, тебе стоит прислушаться к своему сну. Проанализируй его. Запиши. Нарисуй. Ты же художница. Сделай рисунок того, что, по-твоему, произошло.

– И как именно это поможет?

– Возможно, он уведет тебя еще глубже, – сказал Уоррен.

– Куда глубже?

– В кроличью нору, – сказал он.

16 июня 1993 года

Они были на деревянной сцене. Питер уводил Ронду и братьев О'Шей через окно спальни, крича на мальчишек, чтобы те, черт побери, говорили громче! И осыпал их волшебным порошком, который на самом деле был золотыми блестками. Ребята с озера не пришли (к великому разочарованию Питера), поэтому они раз за разом проходили сцену в детской комнате, ожидая, когда наконец появятся пропавшие мальчишки, пираты и индейцы. Питер наверняка устроит им нагоняй за то, что пьесе про Питера Пэна они предпочли катание на лодке с родителями.

Лиззи сидела на соседнем пне. Держа зеркальце, она отрабатывала злобный пиратский взгляд и подрисовывала себе косметическим карандашом Агги тонкие завитые усы.

Перед репетицией Ронда застала Лиззи в ее комнате. Та прямо в пиратском костюме висела вниз головой, закинув ноги на перекладину. Ее шляпа валялась на полу.

Лиззи практически не разговаривала с Рондой с того дня, как выследила их с Питером на кладбище.

– Отойди прочь, девчонка, или я крюком выколю тебе глаз! – пригрозила Лиззи.

– Ты злишься на меня? – спросила Ронда.

– С чего мне злиться на тебя, мисс Венди Дарлинг?

– Я не знаю. Из-за меня и Питера?

Лиззи протянула вверх руку, ту, в которой не было крюка, схватилась за перекладину и, сняв ноги, спрыгнула. Подметки ее огромных сапог с глухим ударом стукнулись о доски пола.

– О, Пэн! – процедила сквозь зубы Лиззи. – Однажды он допрыгается. Я уничтожу его. Попомни мои слова, малышка! – Она нагнулась, подняла с пола шляпу, аккуратно надела ее и на миг задержалась, чтобы посмотреть в зеркало на двери чулана. А заодно изобразила свою лучшую пиратскую ухмылку.

– Нравится? – спросила Лиззи у Ронни теперь уже своим обычным голосом. – Я репетировала.

Ронда кивнула.

– Хорошо. Очень по-пиратски.

– Знаешь, все равно еще чего-то не хватает, – призналась Лиззи. – Я думаю, что мне нужны усы.

Ронда последовала за Лиззи по коридору в спальню родителей. Здесь подруга принялась копаться в косметике Агги на туалетном столике, пока не нашла карандаш для бровей. А заодно взяла золотую серьгу.

– Хочешь кое-что увидеть? – спросила Лиззи, вставив серьгу в левое ухо. Она сунула руку в карман брюк и вытащила небольшой кошелек на шнурке. Открыв его, она извлекла пригоршню монет. Серебряные доллары. Что-то около десятка.

– Где ты их взяла? – спросила Ронда.

– Это мое пиратское сокровище, – объяснила Лиззи. – Посмотри, как они блестят. Я отполировала их зубной пастой. Ничуть не хуже, чем пастой для чистки серебра.

Плюнув на одну из монет, она потерла ее о рукав куртки, после чего вернула вместе с остальными в кошелек. Затем, с деревянным мечом в руке, выбежала из дома в лес, пиратским голосом крича деревьям свои реплики:

– Заставим их пройти по доске! Да, приятель!

Ронда молча последовала за подругой.

Питер, Ронда и братья О'Шей собрались спрыгнуть со сцены, чтобы изобразить полет, когда прилетела стрела.

Точнее, это было массивное древко длиной в три фута, чей наконечник был объят пламенем, ибо был обмотан марлей, пропитанной жидкостью для зажигалок. Запущенное откуда-то сверху, оно просвистело всего в нескольких дюймах от головы Малькольма О'Шей и упало на одну из раскладушек, которые служили им вместо детских кроватей. Братья О'Шей с криком бросились на пол. Сидевшая на подоконнике Ронда была готова спрыгнуть, но застыла в неподвижности, отчаянно пытаясь понять, что произошло.

– Господи Иисусе! – завопил Питер и, подскочив к пылающей койке, начал бить по ней деревянным мечом. Тот мгновенно загорелся. Тогда Питер принялся размахивать им, чтобы погасить, но лишь еще сильнее раздул пламя. Наконец он бросил его на землю и стал топтать ногами. Братья О'Шей вскочили, но продолжали кричать:

– Сделай что-нибудь! Сделай что-нибудь!

Меч был потушен, но пламя быстро распространялось по всей кровати.

– Принесите воды! – крикнул Питер, и братья О'Шей со всех ног бросились за водой.

Лиззи, которая от неожиданности уронила в грязь зеркальце, карандаш

для бровей и даже свой крюк, повела рыжеволосых мальчишек через лес.

– Воды, друзья! Наш корабль объят пламенем! – кричала она.

Братья О’Шей, похоже, были только рады оказаться на безопасном расстоянии от того места, где того и гляди с неба могут упасть новые горящие стрелы.

Ронда наконец спрыгнула с подоконника, схватила с другой кровати шерстяное одеяло и набросила его на загоревшуюся койку. Дым был черным и густым. Ронда и Питер задыхались, но пламя удалось погасить. Сцену затянули клубы черного дыма. Противно пахло паленой шерстью, как будто рядом опаливали забитую свинью.

С красными, слезящимися глазами Питер шагнул к краю сцены и самым грозным жестом, на какой только был способен, махнул обугленным мечом в направлении вершин деревьев.

– Ну, Грета! – проревел Питер. – Покажись!

С ближайшей белой сосны донесся зловредный, паскудный смешок. Ронда прищурилась и в гуще сосновых иголок разглядела что-то красное.

– Грета Кларк, тащи сюда свою подлую, трусливую задницу! – завопил Питер.

– Попробуй, достань меня! – поддразнила та.

Питер засунул меч за пояс, спрыгнул со сцены и подбежал к дереву. Схватившись за одну из нижних ветвей, он подтянулся и начал карабкаться наверх.

– Ты, черт тебя подери, могла сжечь нашу сцену! Весь лес мог загореться! – крикнул Питер, карабкаясь все выше и выше.

– В следующий раз будет еще круче! – крикнула в ответ злоумышленница и медленно, но уверенно начала карабкаться к самой верхушке сосны. Питер неуклюже пытался ее догнать.

– Ты ненормальная! – крикнул Питер.

– А ты – самый дрянной актер из всех, кого я видела!

Питер сделал паузу. Нужно было отдышаться и продумать оставшуюся часть пути.

– Можно подумать, ты намного лучше! – крикнул он Грете. – При твоей-то мамаше, которая якобы была голливудской кинозвездой, и все такое прочее! – Он почти добрался до первой ветки, на которой она сидела, но теперь Грета была на самой вершине, цепляясь за тонкую макушку и раскачиваясь вместе с ней.

– Вообще-то я лучше. Да я вас всех за пояс заткну.

На поляну, неся ведра с водой и водяные пистолеты, выбежали Лиззи и братья О’Шей. Подбежав к сцене, они посмотрели на дерево, на то самое

место, на которое, прищурившись, смотрела Ронда.

– Так возьми и докажи! – крикнул Питер. – Сыграй в нашей пьесе. – Теперь он был чуть ниже Греты. Вершина сосны согнулась и опасно раскачивалась под их весом.

Грета на миг притихла, возможно, пыталась понадежнее ухватиться за ветку.

– Питер! – крикнула брату Лиззи. – Что ты там делаешь?

– Ей нельзя участвовать в нашей пьесе. Она пыталась нас убить, – заявил Малькольм и провел рукой по волосам, проверяя, не опалила ли их огненная стрела.

Ронда задержала дыхание. Интересно, чем все закончится?

– С чего это мне участвовать в вашей позорной пьесе? – спросила Грета.

– Чтобы доказать, какая ты великая актриса! Чтобы показать свой талант, ткнуть нас в него носом. Можешь сыграть одного из индейцев. Бог свидетель, ты здорово стреляешь.

Грета нахмурилась и посмотрела сквозь ветки на Питера.

– Я не хочу быть глупым индейцем!

– Кем же ты хочешь быть? – спросил Питер.

– Я хочу убить кого-нибудь!

– Но в нашей пьесе никого не убивают. Только капитан Крюк погибает в конце. Его сожрет крокодил.

Грета на мгновение задумалась и поправила на голове маленькую ковбойскую шляпу. Через плечо у нее был перекинут лук. Пальцами свободной руки Грета, словно струну щипкового инструмента, потрогала тетиву на груди.

– Тогда я буду крокодилом! – крикнула злоумышленница.

Так у них появился крокодил.

Они вместе спустились с дерева. Братья О’Шей залили водой еще тлеющую кровать, и репетиция продолжилась. Питер сказал Грете, что ей придется самой сделать себе костюм, и она согласилась. Более того, загорелась желанием. Она так вошла в образ крокодила, что даже стала кругами ползать на животе по сцене.

– Я думал, может, ты спрячешься здесь, – сказал Питер, показывая ей крышку люка. И Грета Кларк стала учиться выползать из него на сцену. Она щелкала челюстями на Лиззи. Та ухмылялась в ответ своей лучшей ухмылкой капитана Крюка, но Ронда решила, что Лиззи все равно страшно.

– Еще одна вещь, – объяснил Питер. – Крокодил проглотил часы. Поэтому, когда мы видим тебя, ты должна повторять: тик-ток, тик-ток, тик-

ток.

Грета кивнула и с тех пор весь день практиковалась в подражании часам. Похоже, она серьезно относилась к своей роли.

– Тик-ток! – выкрикивала она, прежде чем уйти домой на обед.

– Тик-ток! – вопила она спустя час, когда шла по лесу, словно крокодилыми челюстями, хлопая ладонями, как будто предупреждала о своем приближении. Кто знает, подумала Ронда, вдруг Греты Кларк нужно опасаться всегда, и она заранее дает вам шанс подготовиться к встрече с ней.

15 июня 2006 года

История звучала примерно так: была когда-то женщина по имени Куини Беннетт, которая подарила своему возлюбленному, Джорджу Диксону, на счастье золотую монету в двадцать долларов. Джордж Диксон в один прекрасный день стал капитаном подлодки «Ханли». До этого, 6 апреля 1862 года, он был ранен в ногу в битве при Шайло. У него в кармане лежала та самая золотая монета. Пуля попала в нее, и это спасло ему ногу (и, возможно – так говорится в этой истории, – даже жизнь). Пуля оставила в золоте вмятину.

После этого лейтенант Диксон постоянно носил с собой эту золотую монету как талисман. Если эта история была правдой, то в тот день, когда удача изменила ему и подводная лодка «Ханли» затонула, у Диксона в кармане тоже лежала эта самая монета.

Клем всегда любил эту историю, и даже сейчас, когда он, наверное, в сотый раз рассказал ее Ронде, в его глазах был азартный блеск. Жюстин сидела рядом с Рондой на диване, с головой уйдя в кроссворд. Клем рассказывал по гостинной, с жаром размахивая кофейной чашкой. Принесенные Рондой пончики стояли на кухонном столе вместе со сливочным сыром, джемом и арахисовым маслом.

– У каждого есть что-то вроде этой золотой монеты, какой-нибудь маленький оберег, крошечная вещица, гарантирующая ему спасение, знает человек об этом или нет, – заявил Клем.

Ронда сидела, потягивая кофе. Отца она слушала вполуха, разглядывая заключенные в рамки картины «Ханли», которые она нарисовала для отца много лет назад, как будто в другой жизни. Больше всего ее интересовала одна вещь, ради нее она, собственно, и проделала весь этот путь до дома родителей. А именно – Ронда хотела заново ознакомиться с устройством подводной лодки. Освежить в памяти, как работают коленчатый вал и гребной винт, как осуществляется забор воды в балластные цистерны и ее последующий сброс при подъеме на поверхность. Ей нужны были эти детали для работы над новым рисунком. Ронде хотелось, чтобы у кролика были только правильные рычаги и приборы.

Как здорово, что она может сосредоточиться на чем-то ином, кроме похищения Эрни. Ток была права: незачем совать нос в жизни других людей, изображая из себя пухлую, неуклюжую версию Нэнси Дрю^[5].

Она была лишь свидетелем и просто оказалась не в том месте и не в то

время. Или же – вопреки тому, что утверждала Труды, – в нужном месте в нужное время. Ведь без нее никто бы не узнал, что Эрни похитил кролик.

Поэтому Ронда решила прислушаться к совету Уоррена и провести день, копаясь исключительно в собственном подсознании и рисуя эпизод из своего сна. При мысли, что она снова начнет рисовать, ее охватило волнение. В детстве она обожала рисовать, но, став старше, забросила это занятие и использовала свои навыки лишь тогда, когда они требовались, например, на занятиях по биологии. Учеба отнимала все ее время. Добавьте к этому работу лаборантки (которая, впрочем, в основном сводилась к уборке лаборатории), и станет ясно, что времени для других вещей у Ронды просто не оставалось. Рисование же ради рисования казалось ей прихотью, а отдавать этому занятию целый день она считала непозволительной роскошью.

Взглянув еще раз, Ронда поймала себя на том, что не смогла вложить в рисунок «Ханли» одну вещь или, вернее, нарочно не стала вкладывать, – эмоции. Лица моряков были пустыми, а сами они скорее похожи на манекенов или роботов, нежели на людей. На их лицах напрочь отсутствовал страх, осознание опасности и даже неминуемой гибели.

Интересно, каковы они были, эти последние мгновения на борту «Ханли», в ловушке железного гроба? Когда невозможно дышать от запаха пота и недостатка воздуха? Ронда смотрела на лица моряков, пытаясь отыскать хотя бы слабые признаки предчувствия грядущей катастрофы, едва заметный намек на страх или горе.

«Ханли» – Ронда знала это из ежедневных лекций отца – 4 мая 1995 года была, наконец, найдена в водах Чарльстонской гавани. В результате погружений и подводных наблюдений стало известно, что видимых повреждений она не получила. Потребовалось пять лет подготовки и планирования, обсуждений и споров, чтобы, наконец, 8 августа 2000 года с помощью подъемного крана «Ханли» была поднята со дна и перенесена на сушу. В целях сохранности подводную лодку поместили в резервуар с холодной водой. В последующие месяцы субмарина была вскрыта и очищена от ила и песка.

В поисках информации Клем ежедневно заходил в Интернет, иногда по нескольку раз в день – воистину одержимый человек, который не желал упустить ни одной детали. Отец всякий раз говорил Ронде о новых находках, будь то кошелек, фляжка, набор для шитья, пуговицы, курительная трубка. Но Клем и Ронда ждали иных известий. Каждый день, затаив дыхание, оба сгорали от нетерпения услышать про останки экипажа. Ведь рано или поздно останки людей будут найдены. Так и случилось.

Сначала это были всего три ребра. Затем кости ног. Черепа. Кость за костью ученые обнаружили останки членов экипажа подлодки. Судя по их местоположению, моряки оставались на своих местах до самого конца. Даже погружаясь в пучину, они продолжали вращать коленвал и откачивать воду. До самого конца, подумала Ронда, разглядывая рисунок, который сделала в возрасте десяти лет. Затем, подняв глаза на отца, подумала: что же ее может спасти?

21 мая 2001 года в носовой части подлодки были обнаружены останки капитана «Ханли», лейтенанта Джорджа Диксона. Он тоже до самого конца оставался на своем посту.

25 мая 2001 года внутри подлодки была найдена легендарная золотая монета Диксона с вмятиной от пули. Одна сторона монеты была отшлифована наждаком. На ней лейтенант Диксон нацарапал несколько слов: «Шайло, 6 апреля 1862 года. Моя спасительница».

В день, когда исследователи нашли монету капитана, Клем был готов расплакаться. В этот день он узнал, что эта история – правда. «Моя спасительница» – эти слова были нацарапаны на золотой монете, лежавшей в кармане Диксона в ту ночь, когда он утонул. Ронда невольно задумалась о том, как благодаря слепой удаче и верному выбору момента можно временно отсрочить неизбежное, но, в конце концов, если ваш час настал, значит, настал. Субмарина потонет. Кролик вас похитит. Что бы ни случилось, ваша гибель неизбежна, есть у вас спасительница или нет.

Сегодня тренировочный костюм на Жюстин был пастельно-голубых тонов.

Ронда унаследовала от матери прямые волосы, а также пухлое лицо и тело. Глядя на мать, Ронда всегда думала про себя: вот так я буду выглядеть через тридцать лет, и эта мысль неким образом успокаивала ее. В свои пятьдесят шесть лет Жюстин была довольной симпатичной, хотя и слегка старомодной домохозяйкой. Волосы до плеч подстрижены под мальчика-пажа. Жюстин красила их, чтобы скрыть седину. Морщины на лице с годами сделались глубже, но были те же, что и раньше: вокруг глаз, они были видны, когда она улыбалась. На десять лет старше Клема, она выглядела моложе его.

– Мне нужно слово из пяти букв, синоним иллюзии, – сказала Жюстин, не отрываясь от кроссворда, лежавшего у нее на коленях. Сунув кончик карандаша в рот, она сидела и покусывала ластик.

– Наваждение, – сказала Ронда.

– Это не пять букв, а больше, дорогая.

– Обман, – сказал Клем, не отрываясь от собственного кроссворда.

– Точно! – воскликнула Жюстин. – То, что нужно. Спасибо, дорогой.

Она принялась быстро писать карандашом.

– Пойду, поищу фотоальбомы, – объявила Ронда. Она уже сказала родителям, что работает над новым рисунком и для этого ей нужно посмотреть старые фотографии.

– По-моему, они почти все в нашей спальне, – ответила Жюстин.

– Я мог переложить их в другое место, – сказал Клем.

– Я схожу, проверю, – предложила Ронда.

Пройдя мимо закрытой двери своей бывшей спальни, которая теперь использовалась только для хранения вещей и приема редких гостей, Ронда вошла в комнату Клема и Жюстин, где тотчас направилась к большому шкафу-купе и отодвинула скользящую дверь.

Левая сторона была отведена для вещей отца, правая – для вещей матери. Брак всегда полон таких четких договоренностей, подумала Ронда и моментально почувствовала в области затылка легкую боль. Эта боль нашептывала ей, что она может навсегда остаться одна, и это не та судьба, которую она выбрала сама, а скорее та, которая выбрана для нее. Затем Ронда подумала об Уоррене, о том, как они держались за руки на кладбище. Смеет ли она надеяться, что это к чему-то приведет? Да и хочется ли ей этого?

На полке над костюмами эпохи Гражданской войны, висевшими в полиэтиленовых чехлах из химчистки, она нашла покосившуюся стопку фотоальбомов.

– Нашла! – крикнула Ронда через плечо, не заметив, что Клем стоит у нее за спиной. Он помог ей снять альбомы. Большая их часть была переплетена в потрескавшийся, слегка замусоленный ледерин, на котором витиеватым шрифтом золотой краской была сделана надпись «Семейные фото и воспоминания».

– Что ты ищешь? – спросил Клем, помогая ей отнести альбомы на кухню, где освещение было ярче.

– Главным образом фотографии Лиззи.

Клем вяло улыбнулся. Его лицо, и без того пепельно-серое, утратило всякий намек на прежний цвет. Боже, подумала Ронда, каким старым он выглядит.

Клем по-прежнему был высок и подтянут, на висках – благородная седина. Но его дыхание было свистящим, он часто кашлял. Кашель курильщика. Тень того мужчины, которым он был двадцать лет назад.

Все эти годы Жюстин и Ронда умоляли его отказаться от сигарет. Клем несколько раз пробовал бросить – неискренние попытки, имевшие целью

лишь успокоить жену и дочь. Дело всякий раз кончалось тем, что он тайком курил в гараже и на работе, придумывая причины для того, чтобы выйти на улицу и подышать. Дважды в день он выносил мусор, ездил в магазин за молоком, хотя в холодильнике стояло полквартиры молока. У него и в мыслях не было кого-то обманывать. Просто он совершал привычные действия.

– Откуда такой внезапный интерес к Лиззи? – поинтересовался Клем.

– Она мне приснилась. Один мой знакомый предложил мне нарисовать то, что я видела в этом сне, – объяснила Ронда.

Он угрюмо кивнул.

Она решила, что они все сделают быстро, после чего отнесут альбомы наверх, спрячут их в шкафу, отправят прошлое на отдых, в архив, забудут о нем, оставив пылиться на полке. Она выложила альбомы на кухонный стол, отец устроился рядом с ней на стуле.

– Ты договорилась о переносе собеседования в научном центре? – спросил Клем.

Ронда отрицательно покачала головой.

– Ты отправила новые резюме?

– Нет, – призналась она. – Поиски Эрни отнимают все мое время.

– Но тебе за это не платят, – напомнил отец. Ронда знала, что он прав.

Те скромные сбережения, что лежали на счете в банке, стремительно таяли, а ведь скоро, в ближайшее время, ей начнут приходить счета по студенческому кредиту. Но сейчас ей не хотелось даже думать об этом. Выбросив из головы ненужные мысли, она открыла первый альбом.

Звездой первого фотоальбома была сама Ронда. Ронда – румяный младенец. Ронда на руках у Клема. Ронда сидит в высоком детском кресле, измазанная виноградным желе, и улыбается во весь рот. К концу альбома, примерно тогда, когда на фотографиях появилась Ронда, стоящая на двух ногах, Ронда, собирающая одуванчики, Ронда, тянущая руки к размытому силуэту Клема, на снимках начали появляться Дэниэл, Агги, Питер и Лиззи.

Были и их общие фото, где они вместе празднуют Четвертое июля: Питер в картонной шляпе задувал четыре свечи на пироге. Они все собирались вместе на первом и втором дне рождения Ронды, и там были два торта, один – для нее, а другой – для Лиззи. Но в альбоме не было фотографий родителей той поры, когда Ронда еще не появилась на свет. Никаких фото их тихого бракосочетания, которое зарегистрировал мировой судья. Никаких фото их медового месяца в Новой Голландии, в штате Пенсильвания. Как будто их настоящая жизнь началась лишь после рождения ребенка.

В более поздних альбомах были фотографии Лиззи, Ронды и Дэниэла в гигантских чайных чашках^[6] в Диснейленде – обе девчушки казались невероятно крошечными, с ушками Микки-Мауса на голове, на которых красным курсивом были вышиты их имена. Все трое детей были сфотографированы с актером, изображавшим Дэви Крокетта^[7] в «Мире Дикого Запада». Питер, которому тогда было лет одиннадцать, щеголял в енотовой шапке с хвостом.

Почти каждый праздник Фарры и Шейлы проводили вместе, как одна большая семья. В альбоме имелась фотография, на которой все, кроме Жюстин, собрались вокруг чудовищно огромной индейки на День благодарения. Другой снимок запечатлел их в рождественское утро посреди моря мятой упаковочной бумаги и лент от подарков.

Жюстин была семейным фотографом и потому присутствовала лишь на нескольких фото. Клем же ненавидел и позировать, и фотографировать. Было немало снимков, где он стоял, отвернувшись: размытый профиль, поднятая рука, нечеткий, призрачный силуэт.

Открыв другой альбом, Ронда быстро перелистала закатанные в пластик страницы. Перепрыгнув вперед во времени, она нашла снимки, сделанные матерью в тот вечер, когда они в последний раз ставили «Питера Пэна». Там был снимок, на котором все они были запечатлены в театральных костюмах, когда актеры, держась за руки, кланялись публике. Был снимок Дэниэла, когда тот нес на плечах Лиззи в костюме капитана Крюка. А вот Дэниэл после спектакля сражается с Питером на мечях. Вот Дэниэл и Клем стоят рядом и пьют пиво. А вот Дэниэл танцует с Лорой Ли Кларк, на которой облегающее платье с блестками. Ронда внимательно изучила все фотографии. Она вглядывалась в лицо Дэниэла, пытаясь заметить признаки его будущего исчезновения, признаки того, что ему здесь больше не вмоготу. Увы, она обнаружила лишь отсутствие усов на лице Дэниэла. В тот вечер он был чисто выбрит, возможно, в знак того, что готов к переменам.

Он выбрал другую жизнь, подумала Ронда, проводя пальцем по его гладко выбритому лицу. А вскоре Лиззи, ее тайный близнец, капитан Крюк, перестала говорить и, в конце концов, последовала примеру отца: однажды утром ушла в школу и больше никогда не вернулась.

Все мы в этой жизни делаем тот или иной выбор, подумала Ронда, пытаясь убедить себя, что такое простое объяснение способно что-то раскрыть.

– О господи! – воскликнула Ронда, показывая на фотографию Дэниэла

и Лоры Ли. – Ты только посмотри, как она расфуфырена! Как будто собралась на церемонию вручения «Оскара» или типа того. – Затем взгляд привлекло нечто другое. – Посмотри, пап, он держит ее за задницу!

Клем кивнул.

– Думаю, рука Дэниэла была хорошо знакома с попкой Лоры Ли.

– Они спали вместе?

Клем снова кивнул.

– Это ни для кого не было секретом. Более того, Агги всегда считала, что то, что случилось с Дэниэлом, как-то связано с Лорой Ли.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Возможно, Лора Ли оказывала на него давление. Может быть, она сказала ему, что беременна. У Агги имелись на этот счет всевозможные... теории.

– Господи, я даже понятия не имела, – сказала Ронда.

Она отлистала альбом назад и наткнулась на снимок, который совсем не помнила. Они с Лиззи, в одинаковых зеленовато-голубых ветровках, стояли в обнимку перед домом Лиззи и Питера. В ту пору им было лет девять или десять. Стояла осень – позади них высилась куча опавших листьев. У них обеих одинаковые стрижки, одинаковая форма лица, они даже одеты были, как близнецы.

Близнецы в мятой одежде. Пухлые, взъерошенные девчушки с огромными испуганными глазами. Они крепко прижимались друг к дружке, как будто от этого зависела их юная жизнь. Они улыбались, но их улыбки казались вымученными – широкие улыбки по просьбе фотографа: хватит хмуриться, смотрите веселее и улыбнитесь. Интересно, кто их тогда снимал – Агги или Дэниэл? В своей собственной улыбке Ронда разглядела блеск металла, по всей видимости, это была проволочка от пластинки.

Ронда потрогала пальцами лицо давно пропавшей подруги.

– Могу я взять это фото? – спросила она у отца.

– Возьми весь альбом, Ронни. Мы с твоей матерью больше не пересматриваем фотографии. Кстати, если не ошибаюсь, у меня даже есть старое видео с постановкой «Питера Пэна», если оно тебе нужно.

Ронда кивнула. Она уже забыла про эту видеозапись. Клем направился обратно в спальню и через несколько минут вернулся, держа в руках видеокассету. Казалось, он был даже рад расстаться с ней. Как будто, если убрать напоминание, то можно представить себе все, что угодно, – даже стереть Дэниэла и Лиззи из пейзажа их жизни.

Неужели все так легко?

20 июня 1993 года

Лора ли помогла Грете смастерить костюм крокодила, и, когда та, наконец, показала в нем остальным актерам, все поразились. Даже Питер остался доволен, а он был скуп на комплименты.

– Ты настоящий крокодилище, – признал он с широкой улыбкой.

Костюм был сделан из нескольких картонных коробок. Самая большая была торсом. Именно в нее Грета забиралась и ползала по сцене. Другая, длинная и узкая коробка была головой. Еще несколько коробок крепились друг к другу веревкой, от самой большой до самой маленькой, и изображали хвост. Лапы крокодила были сделаны из четырех небольших коробок, пришитых к «туловищу».

Все это великолепие покрывал слой ярко-зеленой краски, посыпанный сверху (все поняли, что тут не обошлось без влияния Лоры Ли) блестками из серебристой фольги, изображавшими чешую. У узкой коробки спереди имелись круглые прорезы для глаз и нарисованная пасть с зубастой улыбкой, сверкавшей на свету (зубы были также сделаны из приклеенной к картону фольги). Грета могла двигаться благодаря небольшой прорези в передней части тела, чуть выше головы.

– Тик-ток, тик-ток, тик-ток! – кричала она приглушенным коробками голосом, ползком преследуя Лиззи по сцене, волоча картонный хвост и сверкая чешуей и зубами из фольги.

Даже сняв крокодилий костюм, Грета продолжала преследовать Лиззи. Казалось, ей доставляло огромное удовольствие во время перерыва подкрадываться сзади к бедному, ничего не подозревающему капитану Крюку или же утром выпрыгивать на него из-за дерева.

– Тик-ток! – рычала Грета, угрожающе щелкая подборием челюстей, когда Лиззи отпрыгивала назад.

– Теперь ты понимаешь? – прошептала Ронда, когда остальные не могли ее слышать. – Я же говорила, что она в тебя втюрилась.

За это Ронда получила сильный удар по плечу крюком. Тот зацепился за ее ночную рубашку и разорвал тонкую ткань.

– Эй! – закричала Ронда, нащупав оторванный лоскут. – Теперь будешь сама зашивать!

Но Лиззи отошла и встала рядом с крокодилом.

Вложив столько труда и усилий в костюм крокодила, Грета сердилась,

что в спектакле больше нет сцен с ее участием.

– Тик-ток! – рявкнула она на Питера. – Разве крокодил не должен участвовать в войне с потерявшимися мальчиками, пиратами и индейцами?

– Не знаю, Ток. Наверное, я мог бы попробовать куда-нибудь вставить тебя.

Грета улыбнулась, показывая, что ей нравится идея вставить ее в большее число эпизодов и это новое прозвище.

Она маячила рядом почти с каждой картиной спектакля, подражая тиканью часов и наблюдая за происходящим, как делала это и раньше, забираясь на деревья, только теперь у нее было место в первом ряду. Она стала частью большого дела.

Ронда старательно избегала отца, используя спектакль в качестве предлога, чтобы как можно реже бывать дома. Она прибегала домой лишь поесть, позволяла матери навалить ей на тарелку сэндвичи с тунцом или свиные отбивные, а сама сидела в своей белой ночной рубашке и делилась подробностями дня вроде того, что Питер позволил этой ужасной Грете Кларк участвовать в их постановке. Но Ронда не могла избегать отца вечно.

– Думаю, нам пора поговорить, – сказал он ей однажды после обеда, когда мать убрала со стола и из крана кухонной раковины полилась вода. Ронда кивнула.

– Зайди в мой кабинет. Ты даже не видела, где я повесил твой подарок.

Ронда неохотно последовала за ним в кабинет. Здесь ее ждали знакомые рисунки, но только под новым листом стекла, на стене рядом с отцовским столом.

– Очень красивые рисунки, – похвалил Клем. – Я все время смотрю на них. Ты с поразительной точностью изобразила все детали, вплоть до пуговиц на форме.

Ронда кивнула.

– Это лучший подарок на день рождения из всех, что я получал.

Она снова кивнула.

– Ронни, то, что ты видела...

– Это не важно, – ответила Ронда, уставившись на свои кроссовки.

– Конечно, это важно. И ты заслуживаешь объяснения. Я совершил ошибку. Ты же застала меня врасплох. Но я не собираюсь ее повторять. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – пробормотала Ронда.

– Что ты не понимаешь?

– Как ты можешь быть женат на двух женщинах сразу? – сказала

Ронда.

– Я не женат на двух женщинах. Я женат на твоей матери. И я собираюсь и дальше оставаться ее мужем.

– Но ты был женат на Агги.

Клем полез в карман рубашки и достал сигарету.

– Да, был, – согласился он. – Когда-то я был женат на Агги. Давным-давно. До того, как встретил твою мать.

– Мама знает?

– Конечно.

– Почему ты не сказал мне?

– Ждал, когда ты повзрослеешь и сможешь меня понять. И вот теперь ты все знаешь.

Но Ронда не понимала. Она не понимала, как можно жениться на одной женщине, а затем на другой? Как только люди поженились, брак должен быть вечным. Если она выйдет замуж за Питера, то сделает все для того, чтобы так и было. Но теперь Ронда не была уверена, что сможет выйти за него замуж, потому что внезапно поняла: то, что его мать и ее отец когда-то были женаты, делает их в какой-то степени родственниками. У Ронды закружилась голова. Ей пришлось срочно выйти из отцовского кабинета.

– Я опаздываю на репетицию, – сказала она отцу.

– Не знал, что вы репетируете после ужина, – ответил отец.

– Питер говорит, что начальная сцена все еще не готова, поэтому мы будем работать над ней, – солгала она.

Теперь настала очередь Клема кивнуть. Ронда оставила его в кабинете, во вращающемся кресле, глядящим в глаза морякам на подводной лодке, которые шли ко дну, знали они об этом или нет.

Когда Ронда подбежала к сцене, она была готова поспорить, что в воздухе витает запах табачного дыма с вишневым ароматом. Под полом раздался приглушенный шорох. Ронда крадучись поднялась на сцену, прошла на цыпочках и быстро распахнула крышку люка, чтобы застать Питера врасплох. Увы, она испугнула их обоих. Там, в яме, Питер был вместе с Ток. Ронда успела заметить, как он целует их «крокодила».

Получается, что слухи о лесбийских наклонностях были беспочвенны.

Шляпа Ток сползла на затылок, и шнурок впился ей в горло. Ее пневматический пистолет был приставлен к земляной стене, рядом, все еще дымясь, лежала трубка Питера.

Питер отстранился от Ток, но та, когда Ронда посмотрела вниз, не

стала убирать руки с его плеч.

– Мы обсуждали некоторые детали пьесы. Например, как должен войти крокодил, – пояснил Питер. Вид у него был слегка растерянный, но ничуть не пристыженный. Он даже не попытался стряхнуть со своего плеча руку Ток. Та лишь улыбнулась.

Лицо Ронды пылало, руки болели от того, что пальцы были слишком крепко сжаты в кулаки и ими ужасно хотелось кому-нибудь врезать. Но Ронда никогда не была бойцом и знала: ей не по силам тягаться с Гретой Кларк. У той есть песок, чтобы бросать им в глаза, стрелы и пневматический пистолет. Ронде хотелось ударить Питера, но что, если он вышвырнет ее из постановки?

Мысль о том, что она не сможет сыграть роль Венди, напугала Ронду почти так же, как и мысль лишиться Питера, уступив его Грете. И Ронда безвольно опустила руки.

– Твоя мать и мой отец были женаты! – выпалила она.

– Знаю, – ответил Питер, как будто это был сущий пустяк.

Ток рассмеялась.

Ронда потянулась и схватила крышку люка, намереваясь громко ею хлопнуть, но вместо этого тихо опустила ее над их лицами.

15 июня 2006 года

– Странная картина.

Это было первое, что сказал Питер после долгого молчания. Он наморщил лоб и напряженно прищурился, разглядывая картину, приклеенную скотчем к стене над кроватью Ронды. Точно так же он много лет назад рассматривал открытки, полученные от Лиззи.

С рисунка Ронды на Питера смотрела Лиззи, его давно исчезнувшая сестра. Лиззи в возрасте одиннадцати лет. Лиззи в тот год, когда они ставили «Питера Пэна». В год, когда она потеряла голос.

– С ней Эрнестина Флоруччи, – объяснила Ронда. – Для работы у меня была лишь фотография с листовки.

– Я сам понял, кто это, – сказал Питер, вытаскивая из кармана футболки пачку сигарет и прикуривая. Он не сводил с рисунка прищуренных глаз, как будто изображение находилось где-то далеко, на расстоянии.

Ронда провела весь день, работая над рисунком – картинкой из своего сна, а как только закончила, то сразу позвонила Питеру. Для нее было важно, чтобы он увидел ее творение. Ронда не представляла, как онотреагирует, увидев портрет своей сестры. Хотя подумай она как следует, то поняла бы, что есть опасность, что Питер замкнется в себе. Лиззи была еще одной темой, которой было не принято касаться, не совсем табу, как с Дэниэлом, но близко к этому.

Дело дошло до того, что Ронда редко позволяла себе даже думать о Лиззи. Она как будто перекрывала клапан на трубопроводе под названием Лиззи. Этому трюку Ронда научилась у Питера. Но теперь вот она, ее бывшая близняшка, вернулась, потому что проклятый кролик сорвал клапан.

Когда после исчезновения Дэниэла Лиззи перестала говорить, сначала никто не воспринимал это всерьез. Естественно, девочка расстроена, и если отреагировала чересчур драматично, то ведь ей всегда было это свойственно, верно? Она заговорит, как только будет к этому готова. Агги же была так убита исчезновением Дэниэла, что почти не заметила молчания Лиззи.

Хотя, в конце концов, ее показали врачам – логопеду, психиатру, даже детскому неврологу в Дартмуте. Последний исключил физическую причину и назвал ее состояние «избирательной немотой». Впрочем,

диагноз был, по существу, тем же, что уже был сделан жителями Пайкс-Кроссинга: Лиззи заговорит, когда сочтет нужным.

Потянулись месяцы, затем годы, но Лиззи продолжала молчать. А однажды утром, через две недели после начала учебного года, Лиззи исчезла.

Питер предложил подвезти ее в школу, но она лишь помахала рукой – мол, дойду сама. Он был последним, кто ее видел: с перекинутым через плечо рюкзаком она шла по Лейк-стрит.

Но на рисунке Ронды Лиззи была из более давнего времени, еще до ее исчезновения. Ронда поместила в подводную лодку Лиззи в образе капитана Крюка, как это было в ее сне. Ту Лиззи, которая каждый день по пятнадцать минут висела на перекладине в дверном проеме чулана, чтобы вырасти повыше. Та, чей голос был красивым и сильным, когда она горланила свои безумные песни или угрожала своим жертвам, что, мол, заставит их пройти по доске. Девочку, которая больше всего на свете хотела попасть в состав «Рокеттс».

Ронда сначала сделала карандашный набросок, а затем тонким пером обвела его черной тушью. Перекрестными штрихами она нанесла на субмарину тени, а саму лодку сделала на несколько оттенков светлее, чем темное море. Воду Ронда изобразила размытыми чернилами и населила океан жуткими чудовищами, чьи черты были едва различимы среди бурных волн.

Это чем-то напоминало один из рисунков, который несколько лет назад им давали в школе – пейзаж, в котором нужно было отыскать скрытые изображения: тачку, часы, лопату и чайник. С той разницей, что в океане Ронды таились не мирные предметы, а морские чудовища. Гигантский кальмар, зубастая акула, дракон с плавниками. И еще среди волн были призраки, жуткие привидения, чьи тела не имели формы, лишь лица с широко раскрытыми, кричащими ртами.

Кролик и две девочки смотрели в иллюминаторы, вглядываясь в темноту морской пучины. Кролик, огромный, с лапами размером с головы девочек, стоял впереди, работая рычагами управления. Он вел субмарину вперед, и его глаза сверкали безумной яростью. Девчонки выглядели так, будто смирились со страхом и уже не ждали спасения.

– И что все это значит? – спросил Питер и отвернулся от рисунка, чтобы посмотреть Ронде в глаза. При этом он отбросил со лба волосы, отчего стал виден его шрам, этот знак их неразрывной связи.

Казалось, сердце застряло у Ронды в горле, не давая ей говорить. Ей ужасно хотелось, чтобы Питер понял смысл рисунка. Она отчасти

надеялась, что он скажет ей, что это значит. Но он, похоже, был лишь недоволен тем, что из-за этого ему пришлось приехать в город. Интересно, что он расскажет Ток? Неужели начнет сочувственно вздыхать... Бедная, сумасшедшая Ронда. Ронда и ее странный рисунок. Ронда, которая никак не может выбросить из головы всякую муть. Бедняжка.

– Это просто рисунок, Питер, – наконец выдавила из себя Ронда, как будто оправдываясь. – Обычный рисунок.

Ей хотелось напомнить ему, что когда-то ее рисунки ему нравились. Что он поощрял ее художественные начинания. Когда они были детьми, он, бывало, позировал для нее в одном из своих театральных костюмов. Как же хорошо она знала тогда его тело, каждый его контур, каждое крошечное несовершенство. Ее альбомы для рисования были полны его портретов. Она могла отвести целую страницу только для одного его носа, пытаясь уловить мягкие очертания. Или для его рта – тонкие губы, небольшая щербинка между передними зубами, через которую он умел свистеть.

После обеда, когда они, бывало, ходили купаться в Бухту Гагары, Ронда соединяла веснушки на его спине и плечах, к которым, увы, теперь не могла прикоснуться, и говорила, что они похожи на созвездия, и описывала каждый рисунок, который она там разглядела. Иногда казалось, будто вся его жизнь выложена в виде этих «рисунков» на его спине – Ронде оставалось лишь прочесть ее, постичь смысл каждого изображения, как будто она какой-то древний звездочет или цыганка, гадающая по чайным листьям на дне чашки.

Когда Питер присел на край ее кровати, Ронда подумала о том, как сильно он изменился, о том, каким незнакомым кажется теперь его тело. Живот нависал над ремнем джинсов, плечи ссутулились. Когда же Питер начал ссутуливаться? Он всегда держался прямо, гордо, как будто с вызовом расправляя плечи.

Сделав над собой усилие, Питер потушил сигарету в стеклянной пепельнице и откинулся на кровать, закинув за голову скрещенные руки. Его выцветшая черная футболка была заправлена в джинсы с дырками на коленях. На нем были баскетбольные кроссовки, черные, с высоким холщовым верхом, какие он носил всю свою жизнь. Он как будто проходил все эти годы в одном и том же наряде, отчего ткань истончилась и изнашивалась по краям.

Иногда, как и сейчас, когда Питер лежал на ее кровати, Ронда представляла себе, как он заигрывает с ней – дразнит, напоминает о той власти, которую все еще имел над ней. Иногда она по-своему, неловко, отвечала на его заигрывания, позволяя себе прикоснуться к его руке,

посмеяться слишком громко над тем, что он сказал, убрать волосы с его лба и потрогать пальцем шрам. Увы, это всегда заставляло ее почувствовать себя жалкой, никчемной, второстепенной.

– Я рад, что ты снова стала рисовать, – сказал Питер почти шепотом. – Просто это немного странно. Странный выбор темы. Разве нельзя было нарисовать, допустим, вазу с фруктами или еще что-то в этом роде?

– Как, по-твоему, это похоже на Лиззи? Я правильно передала ее черты? – уклонилась от ответа Ронда, рассматривая рисунок, приклеенный скотчем к стене.

– Ты все нарисовала правильно. Я сразу понял, кто есть кто, – сказал Питер, глядя на Ронду. В его лице было столько нежности. Лежа на ее кровати, он казался спокойным и расслабленным. Ронда на миг представила, что это их общая кровать. Что он, устав за день, просто лег в постель, в их общую постель, в которой они спят каждую ночь.

– Ты никогда не думаешь о ней? – спросила Ронда, снова заглянув ему в лицо. – Разве ты не надеешься, что в один прекрасный день она вернется и все объяснит?

– А что тут объяснять? – с легким раздражением спросил Питер и лег поудобнее.

– Не знаю... наверное, почему она ушла. Что делала все эти годы. Вдруг она замужем и у нее есть дети? Ведь ты можешь быть дядей! Разве ты никогда не задумывался о том, что она делает каждый день, что видит каждое утро, когда просыпается? Неужели тебе это не интересно?

– Конечно, интересно, но мы не знаем, каков ее выбор.

Ее выбор. Ронда подумала о том, какой разный выбор все они сделали – и в какой степени это было их сознательное решение?

– Согласись, что это несправедливо, – сказала она.

– Ронни, на свете много несправедливого. Несправедливо то, что случилось с Эрнестиной Флоруччи. – Питер посмотрел на потолок, лишь бы только не встречаться с ней взглядом. – Но Лиззи не похищал никакой кролик. Мы потеряли ее, но иным образом. Именно этого я и не вижу в твоём рисунке.

– Потеря в любом случае потеря, – сказала Ронда. – Наверное, мой рисунок об этом. Как легко одна потеря переходит в следующую.

Она закусил губу и посмотрела на Питера. Вот он, возможно, ее самая большая потеря.

– Помнишь, – спросила Ронда, – как Лиззи хотела танцевать в «Рокеттс»? Как постоянно тренировалась высоко задира́ть ногу и делала всякие безумные вещи для того, чтобы стать выше?

Питер кивнул.

– Может, она и сейчас танцует? – предположила Ронда.

– Ронни, вряд ли кто-то из нас вырос и стал тем, кем мечтал стать в детстве. Разве не так?

Ронда на мгновение задумалась.

– Ток это удалось, – сказала она.

– И чего, по-твоему, хотела Ток? – спросил Питер, покачав головой.

– Тебя, – сказала Ронда. – Она хотела вырасти и быть с тобой.

Их взгляды встретились. Питер вздохнул, как будто собирался что-то сказать, однако сдержался. Ронда отвернулась.

– Ток злится на тебя, ты это знаешь? – наконец сказал Питер.

– Она слишком остро реагирует, Питер, неужели ты этого не понимаешь? У меня и в мыслях не было травмировать Сьюзи. Она умный ребенок. Можно подумать, она не видит, что происходит. Наверное, для нее даже лучше, что она заговорила об этом.

– А что ты делала у Лоры Ли? – спросил он.

– Просто навестила ее, – ответила Ронда.

– Понятно. – Питер прищурился.

– Ладно, – сказала Ронда, лишь бы только сменить тему, – скажи лучше, чем ты занимаешься? Работаете?

– Ремонтирую дом матери. Мы решили выставить его на продажу.

– Неужели?

– Вряд ли мать станет снова им пользоваться. У нас с Ток есть свой. Жаль, что в таком прекрасном доме никто не живет. К тому же нас просто задушили налоги. Лишние деньги еще никому не мешали. – Ронда согласно кивнула. – Кстати, о деньгах, ты уже что-нибудь придумала с работой?

– Боже, ты говоришь совсем как мой отец! – простонала Ронда.

– Возможно, он прав, – заметил Питер.

– Да, знаю. Он прав. Вы оба правы... – Ронда помолчала. – Питер, можно спросить у тебя кое-что?

– Что именно?

– Почему ты решил взять отгул, чтобы отправиться в поход? Ну, в тот день, когда похитили Эрни?

Питер чуть раздраженно вздохнул.

– Не знаю, Ронни. Наверное, решил, что мне полезно побыть одному. Поэтому я взял поесть, надел походные ботинки и отправился к Пушечному хребту. Что в этом такого?

Ронда закусил губу.

– По-моему, ты говорил, что был возле пруда Сойера. Когда Ток и

Сьюзи отправились на твои поиски, твоего пикапа на стоянке у начала тропы, ведущей к Пушечному хребту, не было.

– Я имел в виду, – раздраженно сказал Питер, – что я уже почти отправился к Пушечному хребту, а затем, в последнюю минуту, передумал. Господи, неужели человек не может действовать спонтанно?

Интересно, что сказал бы Питер, спроси она его о ключах, найденных ею на кладбище? Ключи эти сейчас лежали в кармане ее джинсов, и, пока Питер валялся на ее кровати, Ронда сунула руку в карман и погладила кроличью лапку. Как-нибудь в другой раз, решила Ронда.

Питер снова положил голову на подушку и коротко вздохнул. Затем нахмурился.

– Что это? – спросил Питер и, перевернувшись, сунул руку под подушку. Он извлек из-под нее молоток-гвоздодер с потертой деревянной рукояткой и щербатым, покрытым черной краской бойком.

Питер посмотрел на него так же, как на рисунок Ронды и открытки Лиззи, – с растерянным прищуром. Он повертел молоток в руке, как будто первый раз в жизни видел такую штуковину. Как будто сам он не механик, а пришелец из другой галактики.

Ронда испуганно отпрянула назад, но, вспомнив, покраснела. Когда же она заговорила, объяснение ей самой показалось надуманным.

– Ах, это! – Она нервно рассмеялась и отвернулась. – Э-э-э... прошлой ночью мне приснился дурной сон... после того кошмарного сна с подводной лодкой. А он... – Она кивком указала на молоток, – дал мне чувство безопасности. И знаешь, сработало. Зная, что эта штука у меня под рукой, я снова уснула.

Питер покрутил в руках старый молоток, попробовал его на вес. Затем посмотрел на нее. Она отлично знала этот взгляд. Его бедная, достойная жалости Ронда.

Питер встал с кровати и, захватив с собой молоток, вышел в коридор. Ронда увидела, как он положил его на прежнее место, в ящик кухонного стола.

– Хочешь совет? – сказал Питер, выходя из кухни и поворачиваясь, чтобы уйти. – Лучше рисуй фрукты. Натюрморты. Будешь крепче спать.

Ронда стояла в дверях спальни, глядя, как закрывается входная дверь в ее квартиру. Было слышно, как Питер спускается по лестнице. Затем Ронда услышала, как взревел мотор его пикапа, слишком громко и быстро; как взвизгнули шины. Питер был не любитель долгих прощаний.

Ронда повернулась и с расстояния посмотрела на рисунок над кроватью. Ей было жаль девочек, угодивших в ловушку подводной лодки.

Она вглядывалась в призрачные лица, кружившиеся в танце внутри субмарины. А самое крупное лицо, самое жестокое, долевшее над подводной лодкой, глядя на девочек и злобно им подмигивая, – или это только ее воображение? – было как две капли воды похоже на лицо Питера.

30 июня 1993 года

– Я копил деньги на этот автомобиль все время, пока учился в средней школе, – сказал ей Клем.

Они сидели бок о бок в брошенном кабриолете Клема рядом со сценой. Автомобиль был превращен в пиратский корабль. Как и положено пиратскому кораблю, у него имелся настоящий пиратский флаг с черепом и скрещенными костями, трепетавший на шесте, привязанный к середине переднего сиденья. Клем сидел за рулем, вертя его тремя пальцами правой руки.

Ронде подумалось, что у тела свои воспоминания; и Клем, положив руку на руль, почувствовал все свои пальцы, совсем как тем летом после окончания школы, когда он, опустив верх, разъезжал по дорогам.

– «Импала А61». Настоящая классика. Когда я купил ее, это была сущая развалюха. Мы с Дэниэлом работали по ночам и по выходным, восстанавливая ее. Говорю тебе, Ронни, когда мы закончили, это было просто загляденье. Я был горд, как черт, этой своей машиной.

Ронда кивнула и порылась в отделении для перчаток. Обычно ей нравилось слушать рассказы отца о его прошлом. Взгляд его становился мечтательным, а сам он как будто переносился куда-то далеко. Порой казалось, что он вообще забывал о ее существовании. Это наполняло ее странной гордостью; как будто в прошлом отца имелось тайное окошко, и Ронда была единственной, кто мог в него заглянуть. Ее мать была не очень разговорчивой. Она предпочитала читать дочери книжки: волшебные сказки о благородных принцах и прекрасных девах, что не сильно отличалось от любовных романов, которыми зачитывалась она сама.

На этот раз все было по-другому. Клем собрался рассказать Ронде что-то такое, что она вряд ли захочет услышать.

– Раньше я катал на ней Агги. Давно, когда мы только познакомились. Тогда она работала на лесопилке. Иногда Дэниэл тоже катался с нами. Мы ездили на рыбалку. Втроем сидели у костра рядом с ручьем, жарили форель, пили пиво, курили сигареты, думая, что жизнь прекрасна.

Клем задумчиво улыбнулся, и от этой улыбки у Ронды защемило внутри. Это была не ее история. Это была история того, что могло быть, причем ее, Ронды, в ней не было. Это была история того времени, когда Клем считал свою жизнь состоявшейся без Ронды или ее матери.

– Мне было девятнадцать лет, когда я предложил Агги выйти за меня

замуж. Я катал ее по озеру в своей старой, дырявой алюминиевой лодке. Это корыто пропускало воду, и моя задница была мокрой. Я вытащил из кармана рыбацкого жилета бархатную коробочку с кольцом. Я не мог поверить, когда она сказала «да».

Когда Ронда была совсем маленькой, одна из ее любимых историй была про то, как познакомились ее родители. Весной 1981 года Клем поехал в Ганновер, штат Нью-Гемпшир, на конференцию по лесному хозяйству. Жюстин работала портье в отеле. Она была на десять лет старше Клема, и его тотчас околдовали ее зеленые глаза и едва заметные морщинки в их уголках. Она показалась ему терпеливой, доброй и мудрой. Когда же она спросила, нужна ли ему помощь, чтобы поднести сумки в номер, Клем подмигнул и сказал, да, только если она их не уронит. Жюстин рассмеялась. В детстве Ронда тоже всегда смеялась, в сотый, если не в тысячный раз слушая эту историю.

Жюстин позвала коридорного, чтобы он помог с сумками. Клем же спросил, не составит ли она ему компанию выпить в баре отеля. К концу недели он уговорил ее съездить с ним куда-нибудь в следующие выходные. И предложил ей выбрать куда. Она выбрала Ниагарский водопад. Он сделал ей там предложение, хотя они были знакомы всего две недели. Любовь – это любовь, сказал он ей, опустившись на колени.

– Как долго вы с Агги были женаты? – спросила Ронда.

– Недолго. Менее двух лет.

– Когда это было?

– Давным-давно. Прежде чем я встретил твою мать.

– Но в каком году?

– С Агги мы поженились 9 сентября 1978 года.

Ронда нахмурилась, производя мысленный подсчет. Но тут из леса, споря с пеной у рта, вышли Питер и Лиззи.

– У тебя ничего не получится, – упрямо твердила Лиззи.

– Да ладно, – возразил Питер. – Я – Питер Пэн. Если я говорю, что хочу летать, я найду способ.

– Ладно, я пошел, не хочу вам мешать, а вы репетируйте, – сказал Клем и, похлопав Ронду по колену, перепрыгнул через заклиненную дверь.

1978-й, подумала Ронда. Питер родился в июле 1979 года, а это значит...

– Поговорим позже, – пообещал Клем.

«Так ты отец Питера?»

Той весной и летом Дэниэл вбил себе в голову, что если что-то и

принесет ему богатство, так это производство гробов. Его отец умер зимой (это никого особо не расстроило, и уж тем более Питера и Лиззи, которым не разрешали видеть их деда). Когда Дэниэлу в похоронном бюро показали гробы, он пришел в ужас: слишком дорогие и роскошные!

Дэниэл твердил, что отец плюнул бы ему в лицо, похорони он его в гробу с подкладкой из стеганого кремового атласа. Он похоронил отца в простом сосновом гробу, который сколотил сам. (Будучи прижатым к стенке, директор похоронного бюро признал, что, строго говоря, нет такого закона, который бы требовал, чтобы мистер Шейл был непременно похоронен в одном из элегантных, доступных гробов от похоронного бюро «Арсено и сыновья».)

Дэниэл был уверен, что нащупал прибыльную рыночную нишу. Вермонтцы наверняка захотят сэкономить, сохранив, однако, достоинство их усопших близких, которых похоронят в простом, ручной работы сосновом гробу.

Смастерив из обрезка сосновой доски вывеску – «ГРОБЫ ШЕЙЛА», он повесил ее на сарае. Расклеил несколько объявлений в городе. И сразу получил два заказа: один – от студента колледжа, который хотел использовать гроб в качестве кофейного столика, другой – от старого вдовца, который хотел, чтобы все было готово, когда он умрет.

Всю весну и лето Дэниэл делал гробы, укладывая готовые изделия в жутковатые штабеля на цементном полу сарая. Он ждал потока заказов. Он ждал и каждый день приходил в сарай и делал новые гробы. Именно здесь Питер и Ронда и застали его в тот день. Дэниэл склонился над настольной пилой. Рядом на полную мощность орал радиоприемник, настроенный на волну радиостанции, передававшей классический рок.

– Привет, пап! – крикнул Питер. Дэниэл поднял глаза, улыбнулся и выключил пилу.

– Что привело вас в этот прекрасный день в лабораторию безумного ученого? – спросил он.

– Мы хотим летать, – сказал Питер.

– Летать?

– Для спектакля, – объяснил Питер. – Мы хотим летать.

Дэниэл кивнул.

– Я мог бы сделать вам крылья, – сказал он.

Питер расплылся в улыбке.

– А они сработают?

– Конечно, – сказал Дэниэл и осмотрел мастерскую. – Ронни, передай мне один из лежащих вон там брусков! Питер, нам понадобится рулон

плотного пластика, который мы купили, чтобы закрыть окна на зиму. Сходи в подвал и принеси, ладно?

– Да, сэр, – сказал Питер.

– А где твоя сестра? – спросил Дэниэл.

Питер пожал плечами.

– Они с Ток гоняют на великах. Она сказала, что нам ни за что не придумать способ, как можно летать.

Дэниэл лукаво улыбнулся.

– Хорошо, мы покажем ей, да? Теперь давай, поднеси мне вон тот пластик.

Дэниэл работал над крыльями весь день. Незадолго до ужина они были готовы и слегка напоминали крылья летучей мыши. Дэниэл распилил брусок на тонкие рейки, из которых сделал каркас и обтянул его пластиком. К телу Питера крылья крепились грубой упряжью, сделанной из старого ремня.

– Думаю, сойдет, – сказал Дэниэл, хлопая Питера по спине. – А пока схожу за пивом.

Он повернулся и быстро зашагал к дому, а войдя, направился к двери подвала. В подвале у Дэниэла был второй холодильник, предназначенный исключительно для хранения пива.

– Это не сработает, – прошептала Лиззи. Она только что подъехала на своем велосипеде и стояла, наблюдая за их работой, одетая, как обычно, в костюм капитана Крюка. Казалось, она больше никогда не снимет его с себя.

Она даже спала в рубашке с пышными рукавами и в атласных штанах, перевязанных на талии золотым шнуром, который когда-то держал шторы, а ее сделанный из проволочной вешалки крюк был аккуратно приставлен к бюро рядом с ней.

По словам Лиззи, она жила жизнью настоящего пирата, все глубже проникая в образ своего персонажа. Она ругалась, плевалась, отказывалась принимать ванну и чистить зубы, утверждая, что пираты были грязнулями. Всякий раз, когда кто-то жаловался, что от нее плохо пахнет, Ток занимала ее сторону: капитан Крюк – пират! Он должен вонять!

– К тому же, – продолжала Лиззи, – у Питера Пэна нет крыльев – он летает при помощи волшебства.

– Это настоящие крылья! – сказал Питер. – Держу пари, они полетят, как дельтаплан.

– Ну, ты скажешь! – рассмеялась Лиззи.

– Отец сказал, что полетят! – стоял на своем Питер.

– Он много чего говорит, – сказала Лиззи и поковыряла землю мысками потертых черных мотоциклетных сапог. Затем откашлялась и сплюнула.

– Пойдемте, – предложила Ронда. – Вернемся на сцену. И попробуем спрыгнуть.

– Нет, со сцены прыгать плохо, она слишком низкая, – возразил Питер.

Ронда с ужасом увидела, как Питер схватил в мастерской лестницу, приставил ее к стене и вскарабкался на покрытую дранкой крышу гаража.

– Что ты делаешь? – спросила Ронда. – Спускайся!

– Ты собрался раскроить себе череп, приятель? – спросила Лиззи, правда, довольно равнодушно. – Твои мозги разлетятся по всей подъездной дорожке!

– Ну и фантазия у тебя! – укорила ее Ронда.

Питер подошел к краю, посмотрел вниз и отошел назад, чтобы взять разбег.

– Пройдись по доске, приятель! – крикнула ему Лиззи.

– Заткнись! – шикнула на нее Ронда. – Питер, не делай этого! – крикнула она. Это был глупый трюк, призванный доказать верность отцу, который, вероятно, не был его родным отцом.

Мерзкое чувство нахлынуло на Ронду, словно грязная волна, токсичные отходы и биологически опасный мусор. Она влюблена в собственного брата! Что было не только мерзко, но, вероятно, и незаконно.

– Спускайся, и я расскажу тебе секрет, – пообещала Ронда.

– Какой секрет? – спросил Питер.

– Хороший. Просто спустись вниз, и я расскажу его тебе. Пожалуйста. – Расскажет ли она? И если да, вдруг это все испортит?

Лиззи подошла к Ронде сзади, наклонилась и прошипела:

– Это что за секрет такой, Ронни? Что ты любишь Питера? Это не имеет значения, потому что Пэн втюрился в «крокодила». Он при первой же возможности обжимается с ней.

Дыхание Лиззи было кислым и пахло рыбой. Схватив щеку кончиками пальцев, она принялась ее дергать, издавая влажные чмокающие звуки, довольно противные.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – крикнула Ронда. Она шагнула вперед и, приложив руку ко лбу на манер козырька, чтобы солнце не било в глаза, прищурилась и посмотрела на крышу. Ей начинало казаться, что есть две Лиззи: хорошая и плохая. Хорошей была Лиззи, которую она знала всю свою жизнь, которая хотела вырасти повыше, чтобы попасть в состав

«Рокеттс», и распевала глупые песни.

Плохая Лиззи дурно пахла и говорила пошлости, типа «обжимается с ней», да еще со звуковыми эффектами, что было просто грубо.

– Ой ли? – спросила Лиззи, хихикая.

– Пожалуйста, Питер! – позвала Ронда.

Затем из подвала показался Дэниэл с открытой банкой пива в руке.

– Эй, «Ракета»! – позвал он Лиззи. – Где ты пропадала весь день?

Лиззи не ответила. Дэниэл же, выйдя во двор, повернулся, чтобы посмотреть, что там девчонки увидели на крыше мастерской.

– Что, черт побери, ты делаешь, Питер? – крикнул он. – Живо спускай свою задницу вниз! Кому сказано!

Питер замешкался. Посмотрел вниз, на землю, потом на отца.

Дэниэл поставил пиво и шагнул к лестнице.

– Не заставляй меня лезть за тобой! Сам потом пожалеешь!

Ронда съежилась.

Дэниэл начал взбираться по лестнице. Питер подполз к дальнему углу крыши. Ронда затаила дыхание.

– Отстаньте от него! – Агги выбежала из дома и поспешила к гаражу.

– Чертов придурок, он раскроит себе голову, – объяснил Дэниэл с середины лестницы.

– Не трогай его! – крикнула Агги.

– Я не собираюсь ничего с ним делать. Просто спущу его вниз!

– Он может сделать это сам, – возразила Агги.

– По-моему, он там застрял, словно кошка на дереве, – сказал Дэниэл.

Агги схватила лопату, стоявшую у стены гаража.

– Спускайся с лестницы, или я собью тебя оттуда!

Она размахивала лопатой, словно средневековым мечом. Дэниэл медленно спустился с лестницы, поднял руки в знак капитуляции и спокойным тоном принялся уговаривать жену:

– Опусть лопату, Агги!

Но та вскинула свое оружие и, угрожающе им размахивая, двинулась на мужа. Дэниэл присел.

– Ты что, охренела? Что, черт возьми, ты делаешь? – закричал он. Агги замахнулась снова, и, не отскочи он в сторону, она точно бы ударила его.

– Мама! – крикнул Питер с крыши гаража. – Мама, прекрати! – Он добрался до края и присел на корточки, словно этакая горгулья. Но Агги снова подняла лопату. Дэниэл прижался спиной к гаражу и, не сводя с лопаты глаз, медленно двигался влево.

– Агги! – позвал Клем. Он выбежал из-за другого угла гаража, что

было странно, так как означало, что он пришел из дома Питера и Лиззи. – Положи лопату, Аг. Успокойся, просто возьми и опусти ее!

Агги опустила лопату, но руки не разжала. Она расплакалась.

– Чокнутая стерва, – пробормотал Дэниэл. Лопата в руках Агги снова взлетела вверх, но Клем ее опередил. Он остановил ее руку, прежде чем Агги успела размахнуться, и, схватив деревянный черенок, вырвал лопату из ее пальцев.

Никто даже не сдвинулся с места. Похоже, ни один из них не знал, что делать дальше. Ронда на подъездной дорожке, ладони красные от впившихся в них ногтей. Питер, скрючившийся на краю крыши, с крыльями за спиной. Рыдающая Агги, зарывшаяся лицом в рубашку Клема. Клем, поднявший лопату высоко в воздух, чтобы Агги не могла дотянуться до нее. Дэниэл, прижавшийся спиной к гаражу с недоуменным выражением на лице. И Лиззи, которая не шелохнулась с того момента, когда ее отец начал подниматься по лестнице. Она оставалась стоять, подняв вверх свой крюк, словно ребенок в школе, ожидающий, когда его вызовут к доске. Взгляд пустой и остекленевший, из-под черной пиратской шляпы торчат нечесанные волосы. Внезапно она захлюпала носом и поспешила прикрыть рот рукой – той самой, в которой не было крюка.

У Ронды ушла минута, чтобы понять: исходящие от капитана Крюка всхлипы вообще-то не плач – Лиззи смеялась. И чем сильнее она пыталась остановиться, тем громче заходила от хохота. Все смотрели на нее. Она же продолжала смеяться, так громко и истерично, что надула в штаны, и, поняв это, расхохоталась еще сильнее.

* * *

Время пришло. Он знал, что так будет. Она рассказывала о нем людям. Рисовала картины их тайных мест. Приносила игрушечного кролика в школу, показывала его и рассказывала о нем истории.

Кролик не сердится. Только грустит.

Он забирает ее в своей подводной лодке в последний раз. Касается ее плеча. Думает, что жесты бессильны передать некоторые вещи.

Он отворачивается от нее. Крепко сжимает руль. Он знает, что нужно делать. У него есть план. Она полностью доверяет ему, так что это будет легко.

И когда все закончится, все они будут жить долго и счастливо, как в настоящей сказке.

16 июня 2006 года

В десять утра Ронда вновь стояла под колокольчиками перед дверью и звала Лору Ли. За ее спиной, ревя двигателем, моторная лодка бороздила озеро. Где-то рядом раздался крик гагары, дрожащий и полный печали. Ответа Лоры Ли не последовало.

– Это Ронда Фарр! – закричала Ронда. – Вы дома?

В ответ послышался лишь тихий стон, а затем – звук разбитого стекла.

– Я иду! – крикнула Ронда, толкая незапертую дверь.

Кухня была еще грязней, чем во время ее последнего визита. В раковине зарастала плесенью гора невымытой посуды. Жужжали мухи. Ронда через кухню прошла в гостиную. Лора Ли лежала на полу, из ее руки текла кровь. На кофейном столике, среди липкой розовой лужи, валялись остатки разбитого бокала для коктейлей.

– С вами все в порядке? – спросила Ронда, опустившись на колени.

– Просто немного перебрала, моя дорогая. Нечего волноваться. У меня низкий уровень сахара в крови, – ответила Лора Ли. Ронда помогла ей подняться.

– Держитесь, – сказала она. – Сейчас мы пойдем в ванную и промоем ваш порез.

Ронда нашла в аптечке перекись водорода, рулон марли и немного пластыря. Лора Ли села на унитаз, и Ронда оказала ей первую помощь. Порез был не очень глубоким, и Лора Ли, похоже, не чувствовала боли.

– Где твой парень? – спросила Лора Ли.

– Уоррен? Он на самом деле не мой парень.

– Чего ты ждешь, Ронни? Часики тикают. Ты не становишься моложе.

Когда подворачивается шанс, не профукай его. Ты понимаешь, о чем я?

– Возможно, вам лучше лечь? – предложила Ронда.

– Прекрасная идея. Но сначала я наполню стакан. Господи, куда я его дела?

– Можно взять другой.

Ронда усадила Лору Ли с пластиковым стаканчиком, полным сангрии, на диван.

– Могу я задать вам один вопрос? – сказала Ронда. – Можете на него не отвечать, если не хотите.

– Звучит интригующе. Спрашивай, дорогуша.

– У вас с Дэниэлом был роман?

Лора Ли улыбнулась.

– Господи, да кто тебе это сказал? Впрочем, не важно, совершенно не важно. Это старая история. И для протокола: да, мы трахались, как кролики.

Ронда поморщилась.

– Ты шокирована?

– Нет. Совершенно. Просто мне интересно, знаете ли вы, куда он исчез?

– Милочка, знай я это, я бы бросилась за ним вдогонку, только бы пятки засверкали. Я была влюблена. Он же был конченный человек. Но зато чертовски красивый! – Лора Ли театрально вздохнула. – Я действительно не знаю, что случилось. Тем летом он оказался в глубокой заднице. Задолжал многим людям. Они с Клемом тогда жутко поцапались.

– Из-за чего?

– Не знаю, Ронни. Он никогда не говорил мне. Он был конченный человек. Думаю, что в самом конце я была единственной, кто оставался с ним. Но видимо, этого было недостаточно. Чем не история моей жизни?

Вернувшись к Пэт, Ронда обнаружила, что ей придется сидеть на телефонах одной. Пэт и Уоррен уехали в Берлингтон раздавать листовки. Кроме того, Пэт должна была выступать в программе кабельного телевидения. Джим работал в гараже, а жирный парень по имени Карл сидел на кассе. Карл, вспомнила Ронда, работал в прошлый четверг, когда кто-то забрал Эрни из школы в «Фольксвагене» Лоры Ли.

Мини-маркет был мертвее мертвого. Ни телефонных звонков, ни клиентов на заправке. Ронда ломала голову, как на ноутбуке проверить электронную почту с веб-сайта «Найти Эрни», когда вошел Карл. Он подтянул свои объемные джинсы выше и принялся распаковывать палочку вяленого мяса, которую взял с полки.

– Тишина и спокойствие, а? – спросил он. Ронда покачала головой.

– Карл, я видела, что ты работал в прошлый четверг.

– Неужели?

– Твое имя стоит в графике.

Он устался на колбаску в своей руке.

– Значит, работал.

Глаза у него были красные и остекленевшие – не иначе как он под градусом.

– Пэт и Питер работали, – напомнила она ему. – «Фольксваген» Лоры Ли был в гараже.

Карл кивнул.

– Черт, эта консервная банка вечно стояла в мастерской. Но... – Он ткнул в Ронду колбаской и пронизательно прищурился. – Я знаю, о каком дне ты говоришь, потому что этот коп Кроули спрашивал меня о нем.

– Вот как?

– Да, хотел знать, видел ли я, как Питер уезжал в «Фольксвагене».

– А ты?

Он уставился на колбаску в своей руке.

– Не-а. Я ни черта не видел. Я был здесь один и конкретно так застрял. Не успел я глазом моргнуть, как рядом с нами тормозит автобус с малышней. Их выскочило человек шестьсот, ей-богу. И каждый отдельно платит за свою гребаную газировку и шоколадные батончики, причем грудой мелочи. Звездец полный.

– Где была Пэт?

– Спроси что-нибудь еще, – пожал плечами Карл.

– Питер был в гараже?

– Думаю, да. Он приходит и уходит. Я не всегда вижу, как он уходит, и не могу сказать точно, когда возвращается.

Карл зубами сорвал с колбаски целлофановую упаковку.

– Не понимаю, с какой стати копы прицепились к Питеру, – сказал он, выплевывая на пол обрывок обертки.

– Да, – согласилась Ронда. – Это точно.

– И теперь маринуют его, как будто они... так нельзя. Он не похищал эту девчонку.

Карл откусил кусок колбаски и принялся жевать.

– Знаю, – сказала Ронда.

– Я тоже это знаю, – сказал он с набитым ртом. – Потому что это факт. Я видел его в тот день, и он был не с маленькой девочкой.

– Ты хочешь сказать, что видел, как он гулял по лесу?

– Гулял по лесу? Если бы. Я видел, как около трех он подъехал к мотелю «Сверни и отдохни». Он был в своем пикапе, и с ним – крутая телка. Темные волосы, макияж. Вылитая модель. Уж точно не Ток. В общем, через несколько дней я подошел к нему, предложил пойти к копам, рассказать им, что я видел. Дать ему алиби, понимаешь? И знаешь, что он сказал? Что это был не он! – Карл изобразил чопорный тон Питера. – *«Должно быть, ты ошибся, приятель».*

Карл покачал головой.

– Но никакой ошибки не было. Если ему хочется трахать других телок, флаг ему в руки. Какое лично мне до этого дело? Но тем временем все

думают, что он совершил преступление века, и ему это до фени? У чувака и впрямь какой-то секрет.

В этот момент вошел клиент и направился прямо к стойке для сигарет. Словно сигару, зажав между зубами колбаску, Карл вернулся к кассе. Ронда осталась сидеть, как громом пораженная.

* * *

Мотель «Сверни и отдохни» стоял на холме над шоссе и располагал всего десятком номеров, один из которых был кухней. На низком столике у дальней стены небольшого фойе лежали остатки континентального завтрака. Правда, континентальным его можно было назвать с великой натяжкой: несколько пончиков, которые облепили мухи, чашка с кофейной гущей на дне и пара подгнивших пятнистых бананов.

Девушке за стойкой было на вид лет шестнадцать, максимум семнадцать. Кончики ее каштановых волос были окрашены в черный цвет, в носу – пирсинг. Она смотрела в экран компьютера, щелкала мышкой и что-то бормотала. Когда Ронда откашлялась, девица даже не подняла головы.

– Если вам нужен номер, то у нас все забито, – сообщила девушка. И как будто что-то вспомнив, добавила: – К сожалению...

– Нет, на самом деле я надеялась, что вы кое в чем мне поможете, – сказала Ронда.

Девушка подавила вздох, пару раз щелкнула мышкой и повернулась к Ронде.

– В чем именно? – спросила она.

– Видите ли, пару недель назад здесь останавливалась моя знакомая. Старая подруга. Мы потеряли связь после школы...

Ронда импровизировала. Девушка смотрела и скучала. Рассказ Ронды ее явно не впечатлил. Ее глаза то и дело возвращались к экрану компьютера.

– Мы были в школе лучшими подругами, понимаете?

Девушка кивнула.

– Затем она уезжает, поступает в колледж, выходит замуж, и мы теряем связь. Она нашла меня, когда 5 июня вернулась в город. Мы пошли посидеть в кафе, говорили о старых временах, о наших бывших парнях, о шальных проделках нашей юности. Ну, вы знаете...

Похоже, Ронда завладела ее вниманием.

– Но вот беда, она написала мне свое имя и адрес, но мы выпили, и я потеряла его. Я готова убить себя за это. Я даже не запомнила ее новую фамилию. Мне страшно подумать, что я потеряла ее снова. Не могли бы вы проверить в журнале и сказать мне ее новую фамилию?

Девушка кивнула и пробежала пальцами по клавишам компьютера.

– Вообще-то я не имею права сообщать адреса, но вот фамилию назвать могу. Она была здесь пятого числа?

– Да, пятого.

– И как ее имя?

Черт.

– Гм, Лиза. То есть обычно все называют ее Лизой, но на самом деле это ее второе имя. Ее первое имя – оно такое странное, что я никогда его не могу вспомнить.

– Никакой Лизы пятого числа нет, только К. Крюк, которая заселилась в тот день. Из Сиэтла. Это она? Я хорошо помню, это было как раз до того, как мы все занялись поисками... вы ведь слышали про похищение? Я потому и запомнила. Она была здесь с парнем. Наверное, это его машина в компьютере: «Тойота» с номером DKT 747?

Пикап Питера. Ронда кивнула. Оставалось лишь надеяться, что спокойно и вместе с тем благодарно.

К. Крюк... Капитан Крюк? Лиззи? Неужели это была Лиззи? У Ронды появилось ощущение погружения под воду.

– Корнелия, – услышала она собственный голос. – Ее второе имя Корнелия. В честь бабушки.

Девушка вздрогнула.

– Уфф! Я бы тоже воспользовалась вторым именем.

– То есть вы работали в тот день? – спросила Ронда.

– Я обычно работаю по вечерам. Мне нельзя работать утром, но сегодня Дженнифер позвонила, чтобы сказать, что у нее мигрень.

Девушка закатила глаза.

– Я помню вашу подругу. Приятная леди. Симпатичная. И такая хорошенькая девочка.

– Хорошенькая девочка? – сдавленным голосом переспросила Ронда. Слова, словно кость, застряли у нее в горле.

– Да, она и мужчина, а с ними ребенок. Или вы с ней не встречались? – Девушка подозрительно посмотрела на Ронду.

Ронда покачала головой.

– Нет, я... Лиза сказала, что у нее есть дочь, но когда мы пошли с ней в кафе, девочку забрал дядя. Неудивительно, что я совершенно забыла о ней.

Жаль, что я ее так и не увидела. И какая она из себя?

– Похожа на мать: темные волосы, темные глаза. На вид лет шесть-семь.

4 июля 1993 года

– От тебя воняет старой мочой, – поморщился Питер.

В этот вечер Питер отмечал свой четырнадцатый день рождения, и вся их компания – он сам, Ронда, Лиззи и Ток – отправилась на велосипедах к озеру, чтобы посмотреть фейерверк. Они приехали на пляж уже в сумерках и ждали. Лежа на спине на прибрежном песке, они смотрели поверх воды на центр города, слушая, как на другом берегу играл оркестр, а люди смеялись и аплодировали.

Они были одни на крошечном пляже под названием Бухта Гагары. Это был даже не пляж, а скорее лодочная пристань, но они всегда ходили туда купаться. По воде сновали каноэ, каяки и байдарки. После захода солнца кататься на моторных лодках было запрещено.

– А ты, приятель, пахнешь, как мохнушка Ток, – огрызнулась Лиззи грубым пиратским голосом.

– Какая муха тебя укусила? – спросил Питер. Казалось, ему вlepили пощечину. Он встал и, сделав Ток знак следовать за ним, зашагал вдоль берега.

Ток осталась там, где и была, рядом с Лиззи, от которой воняло старой мочой и потом. Ронда стояла по другую сторону. Москит приземлился ей на руку. Ронда не стала убивать его, наоборот, позволила напиться крови. Она смотрела, как москит стал таким толстым, что едва смог взлететь снова.

– А по-моему, ты хорошо пахнешь, – сказала Ток Лиззи.

– О господи! – крикнул Питер. – Ты идешь со мной или останешься с моей сестрой?

– Засранец, – пробормотала Ток, однако встала, подошла к нему и легла рядом, на песок.

А ведь как хорошо начинался вечер! Никто не ссорился. Клем и Дэниэл жарили стейки. Агги и Жюстин приготовили картофельный салат, кукурузу в початках, салат из сырой капусты с майонезом. Затем был торт в честь дня рождения Питера, творение рук Агги: красно-бело-синий прямоугольник, совсем как флаг. И в центре – кольцо из четырнадцати – нет, не свечей, а бенгальских огней. Они вспыхивали и шипели, роняя на глазурь пепел. У торта был вкус только что расстрелянных боеприпасов.

Ронда лежала на песке, думая про окрашенные камни посреди озера. Каждую зиму, когда озеро покрывалось рыбацкими хатками – жилищами мужчин с пропановыми горелками и фляжками с виски, часами

наблюдавшими за своими лесками, – когда с одной стороны озера на другую носились снегоходы, добровольцы пожарной команды Пайкс-Кроссинга притаскивали на середину озера огромный камень, окрашенный люминесцентной краской из баллончика, наверху красовалась дата – очередной год.

Каждый желающий платил доллар, чтобы угадать дату, когда весной камень провалится под лед. Каждый год на этом конкурсе был свой, новый приз: месяц бесплатного кофе и пончиков в мини-маркете Пэт, ужин на четверых в ресторане у озера, удочка из спортивного магазина.

Ронда подумала про все эти аляповато раскрашенные валуны на дне озера: и каждый несет на себе вес целого года, нанесенного на него краской.

1982 год, год ее рождения. Ниже – 1978 год, когда ее отец женился на Агги. И на самом вершине – 1993 год, год, когда они ставили «Питера Пэна». Груда лет, утонувшая в песке и иле, покрытая водорослями, игровая площадка для рыб и черепах.

Фейерверк закончился всего через несколько минут после начала. Ближе к концу (который Ронда приняла за середину) она оторвала глаза от неба и, посмотрев влево, увидела, как Питер и Ток целуются, а их лица мигают зеленым, синим и красным. Тогда она посмотрела направо и увидела, что Лиззи подсчитывает серебряные доллары из своего кошелька, что-то при этом напевая. Она даже не смотрела на фейерверк, который закончился к тому времени, когда Ронда снова подняла глаза вверх. Разглядеть в темноте было трудно, но Ронде показалось, что у Лиззи больше монет, чем в прошлый раз, и она уложила их двумя стопками.

– Что ты поешь? – спросила Ронда.

Лиззи запела громче, чтобы Ронда услышала:

– «Я слишком сексуальна для своей рубашки, слишком сексуальна для своей рубашки, я так сексуальна, что даже больно...»

Ронда посмотрела на подругу в мятом, пропахшем мочой костюме пирата.

– Это точно, – сказала Ронда. Питер и Ток уже были на велосипедах.

– Вы с нами или как? – спросил Питер.

Они все вместе поехали домой. Ток свернула к трейлеру. Когда же они пожелали ей доброй ночи, крикнула в ответ: «Тик-ток!» Лиззи устремилась вперед. Крутя педали, она летела по улице, и пиратская рубашка развевалась за ее спиной. Голосом капитана Крюка она продолжала петь о том, как она сексуальна, и смеялась между куплетами. Вскоре она

настолько далеко вырвалась вперед, что превратилась в светлое пятнышко, мелькавшее, словно хвост оленя, а затем и вообще исчезла из вида.

Ронда должна была заночевать у Лиззи, но теперь она думала об этом с ужасом. Ведь кому хочется провести ночь с вонючим старым пиратским капитаном?

В отличие от Лиззи, Питер и Ронда ехали домой не спеша. Когда они въехали на подъездную дорожку, там, рядом с гаражом, уже стоял велосипед Лиззи. Свет в доме был выключен, что означало, что взрослые все еще на заднем дворе Ронды, причем, без сомнения, уже изрядно «тепленькие».

– Хочу тебе что-то показать, – сказал Питер, направляясь к гаражу.

– Представляю, – сказала Ронда и не сдвинулась с места. За кого он ее принимает?

Он вернулся и, взяв ее за руку, потащил в старый гараж, служивший Дэниэлу мастерской, – тот, с крыши которого Питер несколько дней назад едва не прыгнул на своих самодельных крыльях. Его хватка была твердой. Ронде ничего не оставалось, как пойти за ним.

Затащив Ронду в темную мастерскую, Питер повел ее к ряду гробов в дальнем конце помещения.

– Нам нельзя находиться здесь без твоего отца, – заартачилась Ронда. – Если он нас поймает...

– Смотри сюда, – сказал Питер, указывая на один из гробов. – Ну, как тебе крышка?

Ронда наклонилась и попыталась разглядеть в темноте резные буквы. Инициалы: ДШ. И надпись: ЛУЧШЕ СГОРЕТЬ, ЧЕМ УГАСНУТЬ...

– Для кого это? – спросила Ронда.

– Для моего отца. Он изготовил себе гроб.

Ронда вздрогнула.

– Жуть.

– Да, но ты знаешь самую жуткую часть?

Ронда собиралась спросить, что это за самая жуткая часть, когда Питер приложил палец к губам и прошептал:

– Тс-с!

Снаружи доносился какой-то спор. Два голоса, причем все ближе и ближе. Дэниэл и Клем.

Питер поднял крышку одного из гробов.

– Залезай! – приказал он.

Ронда мотнула головой. Она ни за что не полезет туда.

– Ты хочешь, чтобы он нас здесь застукал? – прошептал Питер. – Тогда

залезай. Все будет хорошо. Доверься мне.

«Доверься мне». Сколько раз он говорил ей эти слова? И как теперь она должна доверять ему? Он поцеловал ее, сказал, что она его девушка, а затем выбрал Ток.

Ронда молча заползла в гроб и легла, вытянув руки вдоль туловища. Питер осторожно положил сверху крышку. Ронда лежала в темноте, вдыхая запах сосны, прислушиваясь, как Питер забирается в соседний гроб – гроб Дэниэла. Какое-то время они безмолвно лежали в темноте, изображая смерть.

Ронде было слышно, как Клем и Дэниэл о чем-то спорят за дверью. Затем они вошли в мастерскую. Зажегся свет и проник в щель по периметру крышки гроба.

– Ради бога, Дэниэл, это огромные деньги! – услышала Ронда голос отца.

– Но ты вернешь их, причем в десять раз больше. Это инвестиция. Гробы пойдут на ура, точно тебе говорю, – объяснял Дэниэл.

– Как арахис? – спросил Клем.

– Да к черту арахис! – ответил Дэниэл. – Нашел, с чем сравнить! Это настоящее дело.

Ронда вспомнила арахис. Годом раньше Дэниэл решил купить тележку для продажи арахиса. Он собирался разбогатеть, продавая его по доллару за кулек туристам в Берлингтоне, где уличные торговцы уже всю торговали с тележек шоколадными батончиками, пирожками тако и бижутерией (но пока еще не арахисом). Дэниэл заказал несколько ящичков арахиса, но затея с тележкой провалилась. Арахис пролежал в гараже несколько месяцев, стал прогорклым, и его погрызли мыши. В конце концов Дэниэл не выдержал, загрузил арахис в свой пикап и отвез на городскую свалку.

– Ничего не понимаю, – сказал Клем. – У тебя есть все необходимые инструменты. Ты неплохо зарабатываешь тем, что у тебя есть.

– Но я говорю о массовом производстве, Клем. Мне нужны лучшие инструменты для увеличения производства, увеличения прибыли.

Клем пару секунд молчал, а затем заявил:

– Я тебе не верю.

– Во что, черт возьми, ты тогда веришь?

– В то, что тебе нужны деньги, чтобы заплатить Шейну, или Гордону, или кому еще ты там должен.

– Да пошел ты! – сказал Дэниэл. – Ты ни малейшего понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Я не дам тебе денег, пока не узнаю, зачем они тебе нужны.

– Лучшая настольная пила, ленточная пила, буровая насадка... Я уже говорил тебе. Я показывал тебе гребаные брошюры!

– Сколько ты должен, Дэниэл? Действительно десять тысяч? Больше? Или меньше?

– Знаешь что? Забудь об этом. Обойдусь как-нибудь без твоей гребаной помощи! Забудь про то, что ты финансовый партнер «Гробов Шейла». Когда деньги потекут ко мне рекой, ты, дружище, останешься с большим носом.

– Дэниэл, посмотри на себя. Ты загоняешь себя в яму. Азартные игры. Бестолковые бизнес-планы. Агги вся на нервах. Она боится, что в один прекрасный день ты погрязнешь в них так глубоко, что тебя уже не вытащить обратно.

– Говоришь, Агги вся на нервах? Ну, кто бы мог подумать? Зато она всегда может прийти к тебе и поплакаться. Ты же у нас, мать твою, такой чертовски хороший парень. – На несколько секунд воцарилась тишина, затем раздался громкий удар. Ронда поняла: это Дэниэл шлепнул своей сильной ладонью по верстаку классическим жестом «Дэниэл в ярости».

– Разве не так? – процедил сквозь зубы Дэниэл, а потом сорвался на крик: – Держись подальше от моей жены! Можно подумать, я не знаю, что происходит!

– Я не буду говорить с тобой, пока ты в таком состоянии. – Голос Клема звучал спокойно, терпеливо, негромко.

– Держись от нее подальше!

– Спокойной ночи, Дэниэл. Поговорим утром.

О бетонный пол сарая звякнуло что-то металлическое. Похоже, Дэниэл бросил на пол какой-то инструмент.

– Выметайся вон отсюда! – крикнул Дэниэл. Его голос дрожал от ярости, словно это продолжала звенеть металлическая штукovina, которую он швырнул на бетонный пол.

Свет погас, гаражная дверь захлопнулась. Ронда лежала неподвижно, вдыхая запах сосновых досок. Питер вылез из своего гроба и снял крышку с гроба Ронды.

– С тобой все в порядке? – спросил он, протягивая ей руку и помогая выбраться из гроба.

Ронда кивнула.

– А ты как? – спросила она.

Питер не ответил. Лишь молча вывел ее из мастерской. Она так и не успела спросить, что было самым жутким в работе Дэниэла, когда тот мастерил собственный гроб.

16 июня 2006 года

Неужели Лиззи вернулась? Возможно ли это? Зачем Питеру хранить это в секрете? А темноволосая девочка в мотеле... Разве это не могла быть Эрни? Каждый вопрос порождал лишь новые вопросы. У Ронды было такое ощущение, будто она сидит в машине, колеса которой вхолостую прокручиваются в песке.

Ронда подумала, что она слишком зациклилась на исчезновении Эрни. Так или иначе, но Лиззи была неким образом причастна к нему, и, чтобы понять, что случилось с Эрни, возможно, нужно начать именно с Лиззи.

Уютно устроившись на диване, посадив на колени Сэди и поставив на журнальный столик открытую бутылку пива, Ронда подняла пульт и нажала кнопку воспроизведения.

Появились кадры, запечатлевшие толпу перед началом спектакля. Там были Клем и Жюстин. Лора Ли в серебристом платье. Рядом с ней – Дэниэл, в джинсах и красной футболке – ни рюкзака за спиной, ни билета на автобус, торчащего из кармана. Агги тоже была – в одной руке стакан с джином, в другой – сигарета. Все молодые и цветущие, почти бессмертные.

В следующих кадрах Ронда и братья О'Шей были на сцене, лежали в детских кроватках, когда за окном громко прокаркала ворона. Это был Питер Пэн. Он приземлился на окно и теперь полз, словно грабитель, похититель детей, волшебный король. Он двигался, как вода. Его движения были полны грации. Его тело – сгусток упругой энергии. Питер в четырнадцать лет. Ронда подалась вперед, чтобы лучше рассмотреть его. Боже, с каким удовольствием она перенеслась бы туда, заползла бы на эту сцену, чтобы вспомнить, как все это было.

– Вторая звезда справа, и так до самого утра, – машинально пробормотала она. Сколько раз она ловила себя на том, что бормочет эти слова, словно некое волшебное заклинание?

Услышав стук в дверь, она вздрогнула. Держа Сэди на руках, она нажала на кнопку «пауза» и пошла посмотреть, кто это.

– Я же сказала тебе: держись подальше от моей матери! – крикнула, врываясь к ней в квартиру, Ток. Ее серые глаза сделались почти черными. – Кем, черт возьми, ты себя возомнила? На хрена тебе нужно цепляться к больной старухе? Что ты надеялась услышать от нее?

– Ничего... я...

– Ты серьезно думаешь, что она имеет отношение к тому, что

случилось с Эрни?

Ронда попятилась.

– Ну, что скажешь?

– Нет, но она может что-то знать...

– Что именно? Что она может знать, Ронни, скажи? Идеальный рецепт сангрии?

– Иногда, – сказала Ронда, – у людей оказываются подсказки, а они сами и не знают, что это подсказки.

– О, как это чертовски глубоко! Вот подсказка, которую тебе пора понять: если ты не отстанешь от моей матери, я велю полицейским арестовать тебя. Бедная маленькая Ронда, все сочувствуют ей, ведь она такая хрупкая, такая невинная. Не рассчитывай, что я тоже попадусь на эту удочку. Пора взрослеть, черт побери. Пора научиться брать на себя ответственность.

Ронда пристально посмотрела на Ток. В глазах жены Питера читался не просто гнев. Это был страх.

– Думаешь, она тоже что-то знала, да?

– Господи, Ронда!

– Возможно, какая-то часть тебя задается вопросом, причастен ли к этому Питер? Ведь понятно, что в тот день он не ходил ни в какой поход в лесопарк. И если он солгал об этом тебе...

– Питер не лжет мне.

Может, рассказать ей о девушке в мотеле, о том, как она нашла на кладбище ключи Питера? Но тут Ток мимо нее посмотрела в гостиную и увидела застывшую на экране телевизора картинку: Питер наклонился над лежащей в кровати Рондой.

– Ты – жалкое создание, – сказала Ток. – Держись подальше от моей семьи!

Она повернулась и ушла, громко хлопнув дверью. Сэди даже подскочила на руках у Ронды.

– Все в порядке, малышка, – дрожащим голосом успокоила Ронда морскую свинку. – Все в порядке.

Но это была ложь. За последние одиннадцать дней вся жизнь Ронды перевернулась вверх дном. Своим бездействием она позволила похитить девочку, а теперь ставила под сомнение все, что знала о Питере. Ток теперь ненавидит Ронду, а это значит, что она может больше никогда не увидеть Питера. Ронда посмотрела на четырнадцатилетнего Питера на экране.

Вторая звезда справа, подумала она.

Увы, Ронда не могла вернуться. Она могла только двигаться вперед.

Она снова села на диван, но нажимать кнопку «воспроизведение» не стала. Вместо этого Ронда взяла телефонную трубку и набрала номер горячей линии «Найти Эрни». Уоррен ответил после первого гудка.

– Это Ронда, – сказала она. – Я надеялась, что ты сможешь выбраться оттуда и встретиться со мной за кружкой пива. Я здесь слегка схожу с ума.

– Конечно, – сказал Уоррен. – Назови, где именно.

Ронда рассмеялась. В городе был только один бар.

– «Серебряный доллар». Это на 6-й дороге. За лесопарком.

– Я знаю, где это.

– Отлично. Захвати свою ковбойскую шляпу и певческий голос – это ночь караоке. Два доллара – кружка, а при заказе кувшина – куриные крылышки за счет заведения.

– Чертовски соблазнительно! Уже лечу! – сказал Уоррен.

Вскоре после того, как они приступили ко второму кувшину, Ронда поведала Уоррену о том, что она всю свою жизнь сохла по Питеру. В кои-то веки она смогла честно рассказать о своих чувствах. Чтобы кто-то выслушал ее историю. Ей казалось, что, если рассказать об этом, если выложить все как на духу, она как будто очистит душу. И наконец, сможет двигаться дальше.

Уоррен кивнул и пожевал губу.

– Значит, ты в него влюблена? – Он отвернулся от Ронды и допил свое пиво. Официально он был слишком молод, чтобы пить пиво, но, как и любой находчивый студент, Уоррен носил поддельное удостоверение. За его спиной на грубой деревянной стене светила вереница фонариков в виде небольших пластиковых лассо, шляп и лошадей. Им пришлось напрягать голос и едва ли не орать друг другу на ухо, чтобы перекричать гул голосов других посетителей и парня на сцене, уродовавшего старую песню Хэнка Уильямса.

Ронда рассмеялась и покачала головой.

– Я пришла к выводу, что была влюблена даже не в самого Питера, а в его образ. Но теперь я не уверена, что это значит. Я думаю, Уоррен, что он как-то причастен к этому.

– Причастен? К чему?

– К похищению Эрни. Он ремонтировал «Жука» Лоры Ли в мастерской, когда, по словам Кэти, кролик забирал Эрни из школы. И еще я нашла на кладбище его ключи.

– Какие ключи? Когда?

– В тот день, когда мы с тобой ходили на кладбище. Я спрятала их.

Тогда я просто не смогла сказать тебе о них. Не могла поверить, что Питер каким-то образом причастен к тому, что случилось с Эрни. Это была не та правда, которую я с таким трудом пыталась узнать, а моя собственная, искаженная версия. Точно так же, как я любила не настоящего Питера, а представление одиннадцатилетней девочки о мальчике, который наполовину настоящий, а наполовину Питер Пэн.

– Ты показывала кому-нибудь эти ключи? Питеру? Сержанту Кроули?

– Никому. Ты первый, кому я об этом сказала. Но это еще не все. Карл, который работает у Пэт, в день похищения видел Питера в мотеле. Думаю, он был с Лиззи... и они вдвоем спрятали Эрни.

– Со своей сестрой Лиззи? По-моему, ты говорила, что она сбежала, или была похищена, или что-то в этом роде, когда вы с ней были еще детьми?

Ронда кивнула.

– Похоже, она вернулась.

– Но зачем им похищать Эрни?

Ронда устало вздохнула.

– Я не знаю. Вся эта история – полная бессмыслица. Но есть способ выяснить. На этот раз я готова к правде. Я просто скажу ему, что если он не будет честен со мной, то я пойду прямо к сержанту Кроули с тем, что у меня есть.

Она встала, покачиваясь, и, чтобы удержаться, схватилась за стол. Их стаканы тоже качнулись.

– Стоп, ковбойша! – Уоррен встал и обнял ее за талию. – Не думаю, что ты сейчас в состоянии говорить с кем бы то ни было. Это подождет до утра. Я пойду с тобой. Я доберусь до истины. Обещаю тебе. А пока я отведу тебя домой.

Обычно Ронда пила мало, но пиво придало ей храбрости и уверенности в своих силах: казалось, она способна на любые подвиги.

– Я должен идти, – сказал Уоррен. Он застыл в дверях.

– Почему? – спросила Ронда.

– Потому что ты слегка пьяна.

– Вообще-то я еще как пьяна. Но я знаю, что делаю. Я хочу, чтобы ты зашел.

Ронда протянула руку. Уоррен ее взял. Ронда затащила его в прихожую и поцеловала. Она отшатнулась назад, увлекая его за собой, но губ от него не оторвала. Налетев на преграду, она стукнулась головой о стену рядом с рисунком выпотрошенного кролика. Уоррен отстранился.

– Мне нужно идти, – хрипло прошептал он, глядя то на лицо Ронды, то на рассеченного кролика с ней рядом.

– Останься, Уоррен. Я действительно хочу, чтобы ты остался.

Она снова поцеловала Уоррена.

– Дело не в том, что я не хочу, – сказал он, отступая. – Ты понятия не имеешь, как сильно я хочу. Просто...

– У тебя есть девушка, верно? – На этот раз отстранилась Ронда. – Ждет тебя в Пенсильвании?

– Нет, – ответил Уоррен. – Дело не в этом. У меня нет девушки.

– Это из-за того, что я рассказала тебе о Питере? Потому что, если все...

– Нет, дело не в этом.

– Дай угадаю, – сказала Ронда, улыбаясь, притягивая его к себе за поясные петли джинсов. – Ты монах и дал обет безбрачия?

Уоррен улыбнулся и покачал головой. Ронда потащила его по коридору к спальне.

– Наша разница в возрасте? Я в твоих глазах старушка?

– Нет, конечно, – сказал он.

– Помнишь, ты сказал мне... что все имеет свою причину? Что, если так и есть? Я не просто так оказалась на стоянке, когда была похищена Эрни. А для того, чтобы потом встретить тебя.

– Ронда, это было...

Ронда прижала палец к его губам.

– Тс-с.

В глазах Уоррена читалась настороженность.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спросила его Ронда.

– Слишком многое, – признался он.

– Отлично, – сказала она. – Просто замечательно.

Она начала расстегивать его рубашку. Затем переключилась на свою. Только когда они полностью разделлись и, целуясь, легли на кровать, Ронда сказала ему правду.

– Я никогда раньше этого не делала, – прошептала она.

Уоррен отстранился. Она вернула его обратно.

– Я хочу, чтобы ты был первым, – сказала она.

– Ты уверена? – спросил он.

Она была уверена.

Пока рядом с ней спал обнаженный Уоррен, Ронде снился кролик. Во сне она снова была ребенком, преследуя огромного белого пасхального

кролика через бесконечный лес за домом. Кусты ежевики царапали ей лицо. Она несколько раз подвернула лодыжку, споткнувшись о корень или о камень. Бежавший впереди кролик остановился, подождал, пока Ронда почти догнала его, а затем снова исчез между деревьев. Вскоре она заблудилась – окружающая местность была ей не знакома. Затем она подняла глаза – надо сказать, вовремя. Она успела заметить, как кролик юркнул в нору, и она с радостью, не ведая страха, устремилась вслед за ним.

Кроличья нора оказалась влажным земляным туннелем. В нем пахло червями и личинками, густыми подземными запахами. «Здесь, – подумала она, – именно здесь я найду то, что ищу», – но, увы, во сне она не могла вспомнить, что это такое.

«Питер!» – выкрикнула во сне Ронда, там, в темноте пещеры, в сердце его норы, где, как она надеялась, невидимый кролик услышит ее и сжалится.

Питер.

И он появился. Нет, не кролик, а ее Питер, только он снова был юн – лет тринадцати или четырнадцати. Он был одет в костюм из их пьесы, в зеленый костюм из листьев, а его кудрявую голову украшал зеленый веночек. Как только Питер появился в пещере, та наполнилась светом, как будто он напитал ее силой, способной рассеять тьму, изгнать страх. Ронда пристально рассматривала его, своего прекрасного Питера, и даже потрогала шрам на лбу, чуть выше правого глаза. И хотя, по идее, никакого шрама еще не должно было быть, так как Питер получил его позже, во сне у нее не возникло вопросов. И там, на дне кроличьей норы, Ронда обняла его, видя в нем чудо. Она позволила себе поцеловать его; ее губы нащупали в полумраке его губы. Она была счастлива, что он спас ее. Так счастлива, что поняла: это именно то, к чему должен был привести ее кролик; вот где ей полагается быть, сейчас и всегда. Но затем она отстранилась и увидела на лице и руках Питера кровь. Его порез снова открылся, и со лба стекала кровь. В руках Питер держал крошечные кусочки смятой бумаги.

– Наши страхи, – прошептал он. – Ты помнишь?

4 июля 1993 года

Выскользнув из мастерской, Питер и Ронда перешли подъездную дорожку и зашагали к его дому. Дэниэла нигде не было видно. Агги мыла на кухне посуду, отскребала форму для пирога и большие пластиковые миски, в которых были салаты. Крикнув: «Пока, Венди», Питер ушел в свою комнату. Ронда нашла Лиззи. Притворившись спящей, та растянулась на покрывале в костюме капитана Крюка.

Хотя Ронда видела, что она притворяется, желания поговорить у нее не было. На свободной кровати лежала ночная рубашка. Лиззи заранее положила ее для Ронды. Они всю неделю строили планы, что Ронда проведет у подруги ночь, и, хотя Ронда предпочла бы вернуться домой, ей не хотелось иметь дело с неизбежными вопросами Жюстин. «Вы поссорились? С тобой все в порядке?» В последнее время, всякий раз, когда Ронда возвращалась после ночевки у Лиззи, Жюстин задавала ей миллион вопросов:

– Что ты делала? Во сколько вы легли спать? Была ли Агги? Питер? А Дэниэл?

Ронда надела ночную рубашку и легла в кровать, стоящую рядом с кроватью Лиззи. В комнате горел ночник, включенный в розетку рядом со шкафом. Ронде были видны карандашные линии и даты, которые Лиззи оставляла на косяке двери, измеряя рост. Последний замер был сделан 1 июля. То есть Лиззи не отказалась от мечты о «Рокеттс». Это вселило в Ронду надежду. Она лежала, слушая фальшивый храп Лиззи и мучаясь вопросом, что будет, когда их спектакль завершится. Вернется к ней та, прежняя Лиззи? Дверь в спальню, скрипнув, приоткрылась и закрылась снова. Ронда повернулась. Но никого не увидела. Она закрыла глаза и уснула, мечтая о такой высокой Лиззи, которая задевала головой потолок.

Ронда проснулась позже, от того, что Лиззи забралась в постель рядом с ней. Более того, она положила свой крюк на подушку рядом с головой Ронды, так что это было первое, что та увидела, открыв глаза. Следующее, что она отметила, – это исходивший от Лиззи неприятный запах: смесь запахов немытого тела, застарелой мочи и дыхания, такого же скверного, как из пасти собак.

– У меня есть секрет, – прошептала Лиззи, обдав зловонным дыханием лицо Ронды. – Хочешь узнать его?

Ронда закрыла глаза и, повернувшись лицом вниз, уткнулась носом в

подушку. Притворившись опоссумом, она ждала, когда Лиззи сообщит ей свой секрет, но та этого так и не сделала. Щека Ронды была прижата к ее крюку, и, когда она проснулась на следующее утро, на щеке оставалась красная отметина, совсем как шрам.

17 июня 2003 года

Ронда проснулась и плотно закуталась в одеяло. Глядя на спящего Уоррена, она боролась с соблазном разбудить его и рассказать о своем сне про кроличью нору. Вместо этого она встала, надела халат, на цыпочках вышла из спальни и заварила кофе. Затем с первой чашкой в руке села на диван, нашла пульт дистанционного управления и нажала кнопку «воспроизведение». На экране снова появился Питер. Он боролся со своей тенью, которая вот-вот пробудит Венди из ее невинного сна, чтобы отправить ее в Нетландию.

– Привет! – сказал Уоррен, наклоняясь над диваном, и поцеловал Ронду в макушку. – Я чувствую запах кофе.

– Я думала, ты не пьешь кофе.

Уоррен рассмеялся.

– Я пью его в особых случаях.

– Чувствую себя польщенной. На кухне – целый кофейник. Сливки – в холодильнике. Угощайся.

В одних трусах Уоррен совершенно непринужденно направился в кухню. Ронда проводила его взглядом. «Ничего, привыкну», – подумала она, но тотчас мысленно отругала себя. Кто знает, чем это все закончится?

– Что ты смотришь?

– Видео, которое снял кто-то из родителей на нашем последнем спектакле про Питера Пэна. Отец феи Динь-Динь, если не ошибаюсь.

– Вот это да! – воскликнул Уоррен, устраиваясь на диване. – Перемотай, я хочу посмотреть с самого начала.

Уоррен устроился у нее под боком. Она указала ему на главных актеров, на лучшие сцены, на детали каждого костюма.

Они смотрели финальные кадры, снятые уже по окончании пьесы: парад актеров и зрителей через лес, по узкой тропинке к дому Ронды, а затем кадры вечеринки на заднем дворе, освещенном разноцветными гавайскими фонариками и факелами. Камера взяла в кадр весь двор – угощения на столе для пикника; актеры и зрители вперемешку выпивают и смеются. Ронда в белой ночной рубашке разговаривает с Агги... И как будто смущена и напугана тем, что говорила ей Агги.

Затем объектив камеры поймал Питера и Лиззи, которые о чем-то тихо спорили. Рука Питера лежала на ее плече, а сам он наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Лиззи покачала головой. Единственные ее слова,

которые разобрала Ронда, были:

– Я не могу.

Затем она увидела, как Питер крепко сжал руку сестры и даже слегка вывернул ее.

– Сможешь, – сказал он ей.

Затем камера поймала в объектив фею Динь-Динь, уплетавшую торт. Крошечный нос и подбородок феи были перемазаны глазурью.

Когда видео закончилось, Ронда рассказала Уоррену о своем сне.

– У меня такое чувство, будто я много лет гонялась за этим кроликом, – сказала она.

Уоррен кивнул.

– Возможно, ты скоро догонишь его. А что это за бумажки были в твоём сне?

Ронда потрогала шрам на лбу.

– Так, глупости. Тем летом мы устроили в лесу... потешные похороны. Похоронили чучело-пугало. Питер заставил нас записать на клочках бумаги свои страхи, после чего мы сбросили их сверху на пугало. Как будто хоронили собственные страхи.

– Ты помнишь, что написала на своей бумажке? – спросил Уоррен.

– Нет.

– Ты наделила Питера огромной властью как в жизни, так и во сне.

Ронда кивнула.

– Я убедила себя, что он невиновен. Я так сильно поверила в это, что отказалась замечать улики. Но теперь я вижу, мы просто не имеем права ходить вокруг да около, создавая правду, которая нас устраивает.

Уоррен мрачно кивнул и умолк.

– Скажи что-нибудь! – взмолилась Ронда.

– Я думаю... – Он секунду помолчал. – Ронда!

– Что? – спросила она, беря его за руку.

Он прикусил губу.

– Думаю, ты права. Мы не можем придумывать истины, которых нет. Мы должны смотреть в глаза реальности, какой бы страшной она ни была.

Ронда кивнула:

– Вот почему я поеду к Питеру с тем, что знаю.

Уоррен покачал головой.

– Я бы на твоём месте подождал.

– Подождал чего, Уоррен? Я всю свою жизнь ждала того, чего не бывает. Что, если Питер что-то знает? Что, если он держит Эрни взаперти?

Он задумчиво закусил губу.

– Тогда начни с Кроули. Сообщи ему, что ты узнала.

– Нет. Сначала я поговорю с Питером. Вдруг я ошибаюсь?

– А если нет? Он может быть опасен, Ронда. По крайней мере, давай я пойду вместе с тобой.

– Нет, – сказала Ронда. – Я должна сделать это сама. Я точно знаю лишь одно: он многое недоговаривает. Если мы пойдем вдвоем, он почувствует себя загнанным в угол и замкнется. Если я пойду одна, у меня будет шанс что-то узнать. Мы можем встретиться позже?

– Конечно. Я собираюсь вернуться к Джиму и Пэт и привести себя в порядок, а потом я буду в мини-маркете. Можешь заехать туда, когда разберешься с Питером.

– Договорились, – ответила Ронда.

– Можно на ужин разогреть в микроволновке буррито и «Твинкис»^[8]. Я угощаю, – сказал Уоррен.

– О, как романтично.

– Ты еще ничего не видела, – пообещал он. Затем обнял ее и поцеловал в макушку.

Несмотря ни на что, Ронда была счастлива. И все же противный голосок в голове предупреждал, чтобы она не привыкала к этому чувству, что кролик еще не закончил с ней.

21 июля 1993 года

– Ну, давай, загляни туда! – сказал Питер, указывая на темное пространство под кроватью Лиззи.

На прошлой неделе Лиззи и Ронде исполнилось одиннадцать лет, и кровати Лиззи по-прежнему были привязаны воздушные шары, наполовину сдутые и поникшие. Видеокассета с записью выступлений «Рокеттс», теплые гетры и танцующая кукла, которые она получила в подарок, лежали на комод, даже не распакованные.

Ронда купила Лиззи в подарок золотую рыбку в чаше с синими мраморными шариками и маленьким затонувшим пиратским кораблем на дне. Рыбка сдохла на третий день, но чаша все еще стояла на комод. Вода в ней протухла и неприятно пахла.

Лиззи переминалась с ноги на ногу, нервно крутя в руках крюк из одежной вешалки.

– Давай, ты ведь сможешь, – сказала Ток. – Капитан Крюк ничего не боится.

– А кто сказал, что я боюсь? – спросила Лиззи.

Но в том-то и беда, что Лиззи боялась. Вот почему они все были здесь: чтобы вылечить ее.

В течение многих недель она боялась, и причем все сильнее и сильнее. Она не спала по ночам, а темные круги под глазами делали ее похожей на куда более зловещего капитана Крюка. Ложась спать, она оставляла включенным свет. Она утверждала, что некий бука собирается ее похитить. Она набила под кровать пальто и одежду, чтобы он не мог там спрятаться. Затем она начала бояться и днем. Этот бука мог быть где угодно: в старом гараже, в багажнике автомобиля, в яме под сценой.

– Нагнись и посмотри! – приказал Питер.

– Может, лучше не стоит? – подала голос Ронда.

– Давай, Лиззи, все будет нормально, – пообещала Ток.

– Тебе не обязательно это делать, если ты не хочешь, – сказала Ронда, кладя руку на плечо Лиззи. Но та стряхнула ее и осторожно опустилась на четвереньки. Когда же она заглянула под кровать, то издала жуткий вопль, от которого все волоски на теле Ронды встали дыбом, а по коже пробежали мурашки.

– Вытащи его! – приказал Питер.

– Нет! – взвизгнула Лиззи.

– Помогите ей! – приказал Питер двум другим девочкам.

Ронда и Ток опустили на четвереньки, чтобы помочь Лиззи вытащить из-под кровати тело.

Ронда сама едва не завопила от ужаса, увидев, что на нее смотрят огромные черные глаза. Сначала ей было страшно, но затем она протянула руку. Сжавшаяся в комок Лиззи тихонько заплакала.

Из старой отцовской одежды Питер смастерил чучело и плотно набил его тряпками. Головой служил нейлоновый чулок, набитый старой ватой из подушки. Затем Питер приклеил к лицу огромные фетровые глаза – совсем как у совы. Лицо пугала было сплошными глазами: огромные черные войлочные овалы, без носа и рта.

– Ну и страшилище, – согласилась Ток, когда они вытащили его на свет.

Питер вручил Лиззи кухонный нож. Она посмотрела сначала на нож, потом – на пугало, потом – на Питера.

– Убей его, Лиззи! Убей пугало! – приказал Питер.

Сначала она замешкалась, но затем набросилась на него с ножом. И продолжала колоть и кромсать до тех пор, пока из головы не полезла вата. Нож пронзал тело пугала и впивался в пол. Лиззи колола и кромсала, пока у нее не закончились силы и слезы. Она в изнеможении рухнула на пол. Ток подошла к ней и погладила спутанные, грязные волосы.

– Ты сделал это, капитан, – прошептала она.

– Это еще не все, – возразил Питер. – Теперь его нужно похоронить.

Они утащили тело в лес – то и дело останавливаясь, чтобы подобрать его кусочки, – и устроили долгие похороны. Питер вырыл рядом со сценой глубокую яму, и они сбросили в нее тело.

– Принесите камни, – сказал Питер. И они все принялись собирать камни, большие и маленькие, и набросали их в яму, поверх чучела.

– Теперь твой бука не оживет, – объяснил Питер.

Они все истекли потом и перепачкались грязью. Руки Ронды болели от таскания камней. Лиззи сняла шляпу, крюк и сапоги и стала больше похожа на себя прежнюю и меньше – на пирата.

Питер дал каждой из них лист бумаги и карандаш.

– Запишите то, чего вы боитесь больше всего, – пояснил он. Сначала Ронда не смогла ничего вспомнить, но затем нацарапала: «Боюсь, что Питер – мой брат. Что он останется с Ток. Что отец любит Агги больше, чем маму. Что Лиззи по-настоящему сходит с ума».

Она оглянулась, пытаясь подглядеть, что написала Лиззи на своем листке, но та закрыла его рукой. Интересно, подумала Ронда, а что написал

Питер? А Ток? Ведь она ничего не боялась.

Каждый из них сложил свой листок и бросил его в яму, поверх пугала.

– Прощайте, страхи! – сказал Питер.

Они дружно зарыли могилу, после чего исполнили дикий танец: размахивали руками, дрыгали ногами в стиле «Рокеттс», смеялись и завывали, уверенные в том, что Лиззи излечилась, и они вместе с ней. Бояться им больше нечего.

17 июня 2006 года

Уоррен ушел от нее почти в три. Ронда приняла душ, помыла посуду и легла на диван отдохнуть. Вскоре она уснула, и ей вновь приснился смутный сон, что она гонится за кроликом и проваливается в кроличью нору. На этот раз, в самом конце сна, она нашла в норе Лиззи. Лиззи в костюме капитана Крюка, но только вместо проволочной вешалки из ее рукава торчал окровавленный молоток.

Ронда открыла глаза и посмотрела на часы: было почти семь.

– Черт! – пробормотала она, нащупывая телефон, чтобы набрать номер Питера.

– Ронни, я только что вышел из дома.

– Нам нужно поговорить, Питер.

– Хорошо, можно встретиться завтра. Я свободен во второй половине дня.

– Нет. Это не может ждать.

Питер раздраженно вздохнул.

– Утром придет риелтор взглянуть на дом моей матери, и у меня еще куча разных дел. И они тоже не ждут. То, что ты хотела мне сказать, пусть потерпит до завтра. Я позвоню тебе.

– Я могла бы встретиться с тобой там, – сказала Ронда.

– Нет. Я перезвоню тебе завтра.

Произнося эти слова, он уже отнял телефон от уха, и его голос звучал еле слышно, словно радиостанция, ведущая передачи из какой-то далекой страны, о которой Ронда, возможно, слышала, но никогда там не была.

Въехав на подъездную дорожку дома Агги, Ронда припарковалась позади пикапа Питера, стоявшего перед гаражом, который когда-то служил Дэниэлу мастерской. Ронда обратила внимание, что гаражная дверь на замке, окна заколочены. Она подняла взгляд на крышу: дранка отошла и поросла мхом. Ронде тотчас вспомнилось, как Питер почти спрыгнул с крыши, чтобы доказать, что сделанные отцом крылья сработают. Вспомнила Ронда и о штабелях гробов. Интересно, они все еще внутри? Она не могла припомнить, чтобы Агги избавилась от них. Что о них может подумать агент по продаже недвижимости?

Выбросив из головы воспоминания, Ронда поднялась на крыльцо старого дома. Половицы прогибались под ее весом. Краска облупилась.

Углы заросли паутиной. Справа от двери огромный паук пробирался к центру паутины, в которой запуталась муха.

Ронда постучала. Ответа не последовало. Она повернула ручку и открыла дверь.

Сколько раз Ронда входила в эту дверь! Вбегала в нее со смехом, догоняя Питера и Лиззи, с рюкзаком за спиной, набитым куклами Барби, пижамой, костюмами для пьесы, которую они ставили?

Ронда стояла в прихожей, лицом к чулану. Движимая бессознательным порывом, она открыла его. Несколько побитых молью пальто Агги. Охотничья куртка Дэниэла в красно-черную клетку. Сколько лет она провисела в ожидании хозяина! Рядом – охотничья шляпа. Питер был в ней на той охоте за пасхальными яйцами.

– Где Лиззи? – спросила тогда Агги.

– Все еще в лесу с кроликом.

Ронда закрыла дверь чулана.

– Питер! – позвала она. Наверху раздался стук. Чьи-то шаги. Затем кто-то принялся отодвигать что-то тяжелое.

Что-то здесь не так. Внезапно Ронда пожалела, что пришла одна, без Уоррена. Но ведь это, сказала она себе, всего лишь старый дом, и потому ей немного страшно.

– Питер! – снова позвала она, на этот раз чуть тише, и прошла в гостиную. Все тот же клетчатый диван и такое же кресло. Телевизор зарос пылью. На стене над камином – портрет Элвиса Пресли, которым так гордился Дэниэл. Они с Лиззи играли в игру под названием «Элвис следит за тобой». Игра состояла в том, чтобы отыскать укромный уголок, в котором всевидящие глаза короля рок-н-ролла не могли их найти, и обычно заканчивалась тем, что они, истерически смеясь, гонялись друг за дружкой по комнате. В конце концов, Элвис всегда знал, где они.

«Где я сейчас?» – жаждала Ронда спросить пыльную реликвию. А как насчет малышки Эрни? Смогут ли всевидящие глаза Элвиса обнаружить ее? Хватит ли им зоркости разглядеть Кроличий остров?

Наверху опять перетаскивали что-то тяжелое, на этот раз прямо у Ронды над головой. Бывшая комната Лиззи.

Ронда крадучись поднялась по лестнице. Ее ноги помнили каждое скрипучую доску, и Ронда осторожно обходила их. Она поднялась наверх и двинулась по ковру коридора, мимо рамок со студийными портретами и школьными фотографиями Лиззи и Питера. Мимо комнаты Дэниэла и Агги. Дверь была приоткрыта. Заглянув внутрь, Ронда увидела ворох сваленной на кровать одежды. По всему полу были раскиданы пустые картонные

коробки.

Следующая комната была комнатой Лиззи. Дверь была открыта. Прижавшись спиной к стене, Ронда скользнула бочком, как полицейский по телевизору, который, как только доберется до порога, резко развернется, вытащит пистолет и крикнет: «Ни с места!» Но ведь это не фильм про полицейских. Да и пистолета у нее нет. Ей предстоит столкнуться лицом к лицу лишь с Питером, а не с преступником с квадратной челюстью. Ронда медленно повернулась и заглянула в комнату. Питер стоял к ней спиной. И с чем-то возился у ножки кровати.

Веревка.

Он сматывал длинный кусок грубой веревки.

Ронда судорожно втянула в себя воздух. Питер услышал и повернулся.

– Ронда? В чем дело? У меня едва не случился сердечный приступ! Почему ты подкралась ко мне?

– Я окликнула тебя. Ты не ответил. Я услышала странные звуки. И у меня сдали нервы.

– Значит, они сдали у нас обоих. Черт! Что ты здесь делаешь?

Он сжимал в руках моток веревки.

– Я подумала, что... если я к тебе заеду... Вдруг смогу тебе чем-то помочь?

Питер бросил веревку на кровать.

– В таком случае, может, ты сможешь мне вытащить отсюда эту штуку? – Он кивнул на тяжелый комод, который когда-то принадлежал Лиззи. – Это дуб. Он всегда принадлежал семье моей матери. Ток считает, что мы должны оставить его себе. Передать по наследству Сьюзи.

Ронда кивнула и шагнула в комнату. Затем подошла к стенному шкафу. Металлическая перекладина, на которой частенько висела Лиззи, отсутствовала, дверная коробка была перекрашена. Но даже сквозь поспешно нанесенный слой краски Ронде были видны карандашные метки, оставленные Лиззи. Ронда наклонилась, чтобы лучше их разглядеть, и увидела последнюю дату.

10 августа 1993 года. В тот день они в последний раз давали свой спектакль, «Питера Пэна». После этого Лиззи как будто перестала расти, в знак солидарности с Питером и пропавшими мальчиками.

– Вот же махина, – сказал Питер, похлопав ладонью по комоду. – Тонн десять весит, не меньше. Давай, бери его за бок.

Ронда обошла комод и взялась за его левый бок. Комод был почти пять футов в высоту и четыре фута в ширину. Ронда, крикнув, оторвала его от пола примерно на дюйм и снова поставила.

– Надо вытащить ящики, – сказала она.

Они вытащили пустые ящики. Нашелся шарик нафталина. Пара центовых монеток. Коричневая пуговица. Ронда подняла пуговицу и подержала ее, думая о том, есть ли свете более грустная и одинокая вещь. Потерянная пуговица от потерянной девушки. Ронда тайком от Питера сунула пуговицу в карман, затем снова взялась за бок комода и, кивнув Питеру, приподняла.

– Так о чем ты так сильно хотела со мной поговорить? – спросил Питер, поднимая свою сторону. Медленно переставляя ноги, они двинулись с комодом вперед. Ронда пятилась спиной, целясь попасть в дверной проем. Поскольку комод был приподнят, они с Питером почти не видели друг друга.

Ронда вздохнула, не зная, с чего начать. По дороге, в машине, она репетировала этот разговор и потому решила придерживаться своего сценария. «Начни с мотеля, с Лиззи. Затем покажи ему ключи». Когда же она открыла рот, то начала совсем с другого:

– В тот вечер, когда мы ставили «Питера Пэна», вы с Лиззи поругались. Ты попросил ее сделать что-то такое, чего она не хотела делать. Она была напугана. Что это было?

Ронда опустила свой край комода. Еще несколько шагов, и она дойдет до двери.

Питер прищурился.

– Я не помню.

Он лгал.

Ронда взялась за комод и снова приподняла. Питер последовал ее примеру, и они возобновили движение.

– Я ездила в мотель «Сверни и отдохни», – сказала она ему, когда их глаза встретились над верхом комода. Пора прекращать эти игры. «Брось ему что-то такое, от чего ему не отвертеться».

Наконец они добрались до двери. Ронда, пятясь, вышла в коридор. Комод же был слишком широк, и, когда они дошли до середины, он застрял в дверном проеме. Они попытались пошевелить его туда-сюда, но он застрял намертво. Ронда оцарапала об острый язычок защелки тыльную сторону ладони, до крови разодрав тонкую кожу.

– О господи! – воскликнула Ронда и, опустив комод, вытащила руку, чтобы осмотреть ссадину. Питер, все еще в комнате Лиззи, опустил свою сторону.

– Черт! – пробормотал он. – Если он когда-то вошел в дверь, то должен из нее выйти. – Тыльной стороной ладони он вытер со лба пот.

Ронда поднесла к губам поцарапанную руку и решила и дальше гнуть свою линию.

– Питер, – начала Ронда, чувствуя на языке кровь, – я знаю, что в тот день, когда была похищена Эрни, ты был в мотеле. И я думаю, что ты был там с Лиззи.

Питер явно смутился.

– Я гулял в лесопарке.

– Неправда, – возразила Ронда. – Ты был там. При регистрации комнаты указан номерной знак твоего пикапа. Ты был там с Лиззи – или с какой-то другой молодой темноволосой женщиной, которая, это надо же, почему-то зарегистрировалась как К. Крюк – и маленькой девочкой. Которая вполне могла быть Эрнестиной Флоруччи.

– Ты шутишь.

– Просто скажи мне правду, Питер. Пора.

– Но я говорю правду, – настаивал он. – Я не причастен к тому, что случилось с Эрни. Я впервые услышал об этом от тебя, когда ты позвонила мне в тот день.

– Но ты был в мотеле, – сказала Ронда.

– Черт, Ронни. Прекрати. Давай оставим этот разговор, хорошо?

Ронда повернулась и пошла по коридору к ванной.

– Ты куда? – спросил Питер.

– Промыть ссадину.

– А что делать мне? – спросил он, глядя на нее поверх застрявшего комода. – Вообще-то я здесь застрял.

– Не знаю, Питер. Придумай, как нам вытащить комод. И пока ты будешь об этом думать, подумай и о том, чтобы сказать мне правду, когда я вернусь. Это я, Питер. Когда-то у тебя не было от меня секретов.

Ссадина была неглубокой, но металлический язычок был покрыт какой-то черной смазкой, которой, решила Ронда, не место в открытой ране. Она включила горячую воду и намылила засохший кусочек мыла. Вода щипала рану. Ронда наблюдала, как, смешиваясь с ее кровью, она становится розовой. Внезапно Ронда посмотрела вниз и ахнула.

Там, на полу, впритык к шкафчику, на котором была установлена раковина, стояла пара крошечных красных кроссовок. Ронда выключила воду, вытерла руки, наклонилась и подняла один кроссовок. Тот был грязным, белый резиновый мыс вытерт до серого цвета, развязанные шнурки порваны и наспех связаны. Кроссовки Эрни. У Ронды задрожали руки.

– С тобой все в порядке? – крикнул из спальни Питер. – Надеюсь, ты

там не умираешь от кровопотери?

– Да, все в порядке, – сказала Ронда. – Мыло щиплет, только и всего.
«Думай, Ронда, думай».

Если кроссовки здесь, значит, была и сама Эрни. Не сейчас, так раньше.

– Боже мой, – пробормотала Ронда, когда реальность ситуации, наконец, дошла до нее.

Ронда нащупала в кармане ключи Питера, ключи, которые нашла на кладбище. Отсюда до него всего десять минут. И дом Агги стоит пустой. Питер вполне мог держать здесь Эрни. Ближайшие соседи – Клем и Жюстин, но до них четверть мили густого леса.

– Так ты сможешь мне сдвинуть эту штуковину или как? – крикнул Питер.

– Иду! – крикнула в ответ Ронда.

Что дальше? Ей нужна чья-то помощь. Ее мобильник в машине. Она быстро добежит до него, позвонит, затем вернется и будет тянуть время. Эрни может быть где-то здесь, прямо здесь, в доме.

Ронда прошла по коридору и открыла дверь в старую комнату Питера. Заглянула в шкаф. Под кровать. Только комки пыли. Неужели она серьезно рассчитывала так легко найти Эрни?

– Что ты делаешь? – крикнул Питер.

– Ищу аптечку! Думаю, она есть в моей машине.

Ронда перешла в старую комнату Дэниэла и Агги, распахнула дверцы шкафа. Ничего. Картонные коробки и брошенная одежда.

– Ронда, что происходит? – крикнул Питер из-за застрявшего в дверном проеме комода.

– Я сейчас сбегу к машине, – сказала Ронда. Она услышала скрежет стула по полу. Затем какие-то шорохи и скольжение.

Черт. Питер перелезал через комод. Она бросилась к лестнице и, прыгая через две ступеньки, побежала вниз.

– Ронда, не спеши. Поговори со мной. Тебе больно? – Теперь он шел следом за ней.

Добежав до нижней ступеньки, Ронда споткнулась об игрушечного медвежонка. Кажется, кролик вручил Эрни белую пушистую зверушку? Медведя? Нет, это был кролик. Конечно, это был кролик! Ронда подняла плюшевую игрушку. Крошечные округлые уши. Большой коричневый нос. Определенно медведь.

Питер уже почти добрался до лестницы, медленно, неуклонно приближаясь к Ронде.

– Почему гараж на замке, Питер?

– Понятия не имею.

– Что в нем?

– Я не знаю, Ронда... инструменты, гробы... все то же дерьмо, которое всегда было там.

Она попятилась к выходу, нащупала ручку двери и, повернув ее, выскочила на улицу. Питер следом за ней. Добежав до гаража, Ронда приняла колотить по запертой двери.

– Эй! – кричала она. – Ты меня слышишь?

– Что ты делаешь, Ронни? – спросил Питер.

– Открой дверь, Питер!

– Я не могу. У меня нет ключа.

Сунув руку в передний карман джинсов, Ронда вытащила связку с кроличьей лапкой и бросила ему ключи. Те, глухо звякнув, упали на крыльцо. Питер согнулся и поднял их.

– Откуда они у тебя? – спросил он. Он был в ужасе, как будто Ронда швырнула в него отрезанную руку.

– Открой дверь в гараж! – потребовала Ронда, пытаясь сохранять спокойствие.

– Я сказал тебе, Ронни, у меня нет ключа. Никогда не было. Моя мать, должно быть, врезала этот замок сто лет назад. – Он говорил медленно и спокойно, как будто общался с сумасшедшей. Затем взбежал к ней по ступеням крыльца. Взгляд Ронды упал на старую лопату, приставленную к гаражу. Не раздумывая, она схватила ее, как в свое время это сделала Агги, угрожая Дэниэлу.

– Господи, Ронни! Положи лопату! – Питер поднял руки, показывая, что сдается, однако сделал еще один шаг.

– Только посмей подойти ближе, и она полетит в твою голову! – пригрозила ему Ронда. – Я не шучу, Питер.

Ее руки дрожали. Она отступила и медленно направилась к своей машине. Питер последовал за ней, держась на расстоянии от лопаты.

– Ты не можешь так уйти, – сказал он.

– Берегись! – крикнула Ронда и швырнула в него лопату. Он присел, и лопата пролетела в дюйме от него. Ронда запрыгнула в машину и заперла двери. Пока она возилась с ключами зажигания, Питер подскочил к ней, подергал ручку двери, постучал в окно.

– Подожди! – крикнул он. Ронда резко дала задний ход. Питер потерял равновесие и упал на дорогу. Она выскочила на шоссе. Посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела, что Питер бежит за ней. И до упора

нажала на газ.

– Черт! – крикнула она и даже стукнула кулаком по рулевому колесу. –
Думай, черт тебя побери!

Можно поехать к родителям, но какой от этого толк? Полиция. Нужно срочно позвонить в полицию. Ронда схватила мобильный телефон, но вместо номера 911 набрала горячую линию «Найти Эрни». Трубку подняла Пэт.

– Горячая линия «Найти Эрни». У вас есть какие-то сведения для нас?

– Пэт, это Ронда. Мне нужно поговорить с Уорреном.

– Его здесь нет.

– Где он? – Голос Ронды звенел отчаянием.

– Я не знаю, Ронда. Я не видела его целый день. Да и прошлой ночью, если на то пошло. Он может быть дома, с Джимом.

Ронда повернула налево, в сторону города. Дом Пэт и Джима был на пути к мини-маркету. Сначала она заглянет туда и найдет Уоррена.

– Пэт, послушай меня. Я думаю, что Питер держит Эрни в доме своей матери. Это на Лейк-стрит. Похоже, он прячет ее в гараже.

– Что? Ты уверена?

– Я видела ее кроссовки, Пэт. Я собираюсь повесить трубку и прямо сейчас позвонить Кроули. Питер понял, что я все знаю. Он может перепрятать ее. Или того хуже.

* * *

Все обрушилось, словно лавина. Костюм кролика извлечен из тайника, ящичка в задней части шкафа, в который никто никогда не подумает заглянуть. Искусственный мех. Огромные уши, розовые внутри. О, тайны, которые слышали эти уши! Пьянящие секреты маленьких девочек, произнесенные шепотом, с нежными, сладкими вздохами.

Костюм кролика будет надет в последний раз. В последний раз Кролик Питер оживет.

10 августа 1993 года

Они показывали пьесу два вечера подряд, и сегодняшний спектакль будет последним и самым лучшим. Ронда порхала по сцене, произнося свои реплики, как будто во сне, от которого ей совсем не хотелось пробуждаться.

– Знаешь, – сказала Ронда, которая теперь была немолодой Венди, садясь в кресло-качалку и устремив взгляд в ночь. – Иногда я задаюсь вопросом, летала ли я на самом деле?

Последние несколько недель Ронда ощущала, что грядут перемены. Она ощущала это всякий раз, когда Питер давал им указания, подсказывал их реплики. Она слышала это в его голосе. Тот как будто ломался, когда он выпускал свою ворону в лес. Подрагивал и срывался на писк. Ронда ощущала мрачное присутствие чего-то неотвратимого, как будто под люком затаился некий монстр, дожидаясь момента, чтобы во время финального акта все уничтожить.

В последние дни, предшествовавшие пьесе, они обращались друг к другу исключительно по своим сценическим именам, как будто потеряли свои прежние личности с той же легкостью, с какой Питер Пэн потерял свою тень.

Но тени, как показала Ронда Питеру на сцене, можно пришить назад. А смогут ли они после сегодняшнего вечера вновь надеть на себя свои старые «я»? Так ли просто будет это сделать?

– А еще мне не дает покоя вопрос, – сказала Ронда-Венди, – помню ли я, как это делается?

Финальная сцена в их версии пьесы – то есть написанной Питером, Венди представала старушкой (Ронда надевала седой парик и рисовала на густо напудренном лице морщины), которая пыталась вспомнить, где жил Питер Пэн и как выглядело его жилище. Наконец, после огромных усилий, после попыток вспомнить, пел Питер или каркал, учил ли он их на самом деле летать и был ли он вообще, Ронду-Венди осеняло. Она вспоминала строчку, и это была заключительная строчка пьесы.

Венди медленно поднималась из кресла, ковыляла с тросточкой к окну, оттягивала в сторону штору и вслух вспоминала:

– Вторая звезда справа, и так до самого утра.

Стоя в тот вечер на сцене, Ронда внезапно представила себя взрослой, как она, глядя на небо далекой ночью, тихо произносит эту самую строчку, как будто это перенесет ее назад. Назад, к Питеру, в это лето. К Лиззи,

которая когда-то была ее близняшкой. К ее персонажу Венди, в кого ей было страшно превратиться, потому что Венди все понемногу забывает. Ронда же не хотела забывать даже самой крошечной мелочи. Например, каким был Питер в своем зеленом костюме, на который они нашли фетровые листья. То, как все лето от него пахло зеленью, деревьями, корнями, побегами. Она не хотела забыть Лиззи, которая превратилась в настоящего капитана Крюка и бегала по лесу с гнутой проволочной вешалкой, торчавшей из рукава, в настоящей пиратской шляпе, залихватски сдвинутой набок. То, как Лиззи погибала в конце пьесы, когда ее бросали на съедение крокодилу, и тот с удовольствием ее кушал, пока она кричала.

Ронда не хотела забыть зубастого крокодила, которого играла Ток Кларк – та, что когда-то была их заклятым врагом и внезапно перестала им быть. Ток Кларк, которую они раньше дружно ненавидели, особенно Питер. Как внезапно все изменилось – так часто бывает, когда вы молоды, но, будучи взрослыми, вы не можете вспомнить, как это произошло. Все, что вы можете, – это оттянуть в сторону штору, полагая, что смутно помните путь назад. Вторая звезда справа, и так до самого утра. И там, в окне, на самом краю горизонта, вам улыбнется крокодил, и прокаркает ворона Питера. Вы услышите его упрямые слова – «я никогда не вырасту», – произнесенные ломающимся голосом, в котором уже слышны перемены.

– Вторая звезда справа, и так до самого утра, – произнесла свою реплику Ронда в ночной рубашке Венди. Одновременно она услышала, как произносятся эти слова в некой альтернативной вселенной, в которой она была взрослой женщиной, пытающейся отыскать путь назад.

Ронда произнесла финальную строчку. Зрители, аплодируя, поднялись с мест. Свистели, кричали: «Браво!» Ронда посмотрела на стоящие на поляне ряды стульев. Пустых не было. В первом ряду сидели ее родители и Дэниэл с Агги. Рядом с ними – Лора Ли Кларк в вечернем платье с блестками. Были здесь отцовские товарищи по работе, а также родители пропавших мальчиков, пиратов и индейцев. Были дети – слишком маленькие или слишком робкие, чтобы им дать роли. Родители феи Динь-Динь сняли весь спектакль на видеокамеру.

К Ронде на сцену вышла вся их труппа, и, обняв друг друга за талию, все отвесили заключительный поклон.

Процессия, шедшая через лес в дому Ронды, была шумной и хаотичной. Пираты и пропавшие мальчики сражались на шпагах. Ток щелкала на всех воображаемыми крокодильими челюстями. Лора Ли

рассказывала историю про Сэнди Дункан.

Два стола во дворе дома Ронды были уставлены принесенными гостями тарелками. Здесь были четыре разных салата с пастой, жуткого вида конфеты из фигурного желе, торт в виде пиратского корабля с мачтами и парусами, шиш-кебабы, бургеры, хот-доги, жареная картошка, соус, поднос со шведскими фрикадельками, которые пришлось подогреть на спиртовке, сосиски в тесте, пиво, газировка и две чаши пунша, в которых плавали фрукты.

Дэниэл устроил сражение на мечах с Питером и Лиззи. Питер, все еще не вышедший из своей роли, был сама серьезность и деревянным мечом сражался с отцом с такой яростью, как если бы жаждал его крови.

Фея Динь-Динь ехала на плечах своего отца.

– Я сделаю для вас копию видео, – пообещал тот Жюстин.

– Это было бы замечательно, – ответила с улыбкой мать Ронды и положила ему на тарелку еще несколько шведских фрикаделек.

Праздник между тем продолжался. Пунш лился рекой. Дэниэл и Клем вытащили из гостиной стереоустановку. В вечернем воздухе зазвучал голос Вана Моррисона. Начались танцы. Клем танцевал с Рондой. Дэниэл – с Лорой Ли. Пьяно пошатываясь и расталкивая толпу, эти двое крутили друг друга и так и этак. Жюстин стояла рядом со столом, постукивая ногой в такт музыке. Агги танцевала одна – вернее, закрыв глаза и воздев к небу руки, двигалась кругами вокруг гавайского факела-тики. В какой-то момент, когда Ронда прошла мимо нее, направляясь к столу за пирожным, Агги открыла глаза и сказала:

– Ронда, ты была просто прелесть! Но какой печальный конец, тебе не кажется? – Ронда пожалала плечами. – Я это к тому, что Питеру и Венди не суждено быть вместе. Она старится. Он – нет. Он вечно живет в Нетландии с этой своей феей. Венди же остается ни с чем.

– Но ведь так захотелось ей самой, – возразила Ронда обиженным, писклявым голосом. – Она хотела вернуться домой.

Агги посмотрела куда-то поверх ее плеча.

Но тут Ронду позвал Питер. Извинившись перед Агги, Ронда поспешила к нему, мгновенно забыв про пирожное, за которым шла. Питер вручил Ронде, Ток и Лиззи чашки с ромовым пуншем и велел выпить до дна. Клем подошел поболтать с Агги. Та рассмеялась, закрыла глаза и продолжила свой танец, проливая из стаканчика пунш. Впрочем, она этого не видела, и потому ей было все равно.

Когда Клем вернулся к столу с закусками, Жюстин сказала ему что-то резкое, но что именно, Ронда не расслышала. Однако Клем тотчас повесил

голову, словно побитый пес. Жюстин резко повернулась и зашагала в дом, а войдя, громко хлопнула дверью. Клем, который пил редко, налил себе еще один стакан пунша и выпил его в два глотка. Агги снова открыла глаза и соблазнительно поманила Клема пальчиками. Он не сдвинулся с места и налил себе еще один стакан пунша.

– Потанцуй со мной! – крикнула Агги.

Клем покачал головой.

– Как хочешь, – сказала она и возобновила свой одинокий танец, медленно вращая руками, затем все быстрее и быстрее, словно мельница. Ее занесло вперед, и она, налетев на стол, потеряла равновесие. Агги тотчас опустила руки, чтобы ухватиться за что-нибудь, и одна ее рука попала прямо в блюдо со шведскими фрикадельками.

– Черт! – взвизгнула Агги и, как безумная, замахала обожженной рукой. Блюдо с фрикадельками упало с металлической подставки на спиртовку. Бумажная скатерть мгновенно занялась пламенем. Стопка салфеток и бумажных тарелок вспыхнула огненными языками.

Агги расхохоталась.

– Звоните пожарным! – пьяно выкрикнула она.

Другие гости принялись сбивать пламя бумажными тарелками и заливать его пуншем. Возникла веселая толкотня. Отовсюду слышались взрывы хохота. В воздухе, словно крошечные метеориты, летала черешня и падала на объятый пламенем стол. Клем бросился к торцу дома за шлангом, но тот запутался, и его было невозможно дотянуть до стола. Сыпля ругательствами себе под нос, Клем принялся распутывать шланг.

– Не подходите близко! – то и дело кричал отец Ронды.

В гущу этого хаоса она увидела, как Питер и Ток улизнули в лес. Тогда Ронда поискала взглядом Лиззи. Но капитан Крюк словно сквозь землю провалился.

17 июня 2006 года

Пятнышко – так звали нашедшую ее собаку-колли. Фермер и Пятнышко вышли на прогулку, как вдруг собака начала скулить, принюхиваться и рыть лапами землю. Та полетела во все стороны, и взгляду фермера предстал кусок фанеры. Он оттащил ее прочь. Когда Элла Старки посмотрела на него снизу вверх, солнце ослепило ее, и сначала она увидела лишь высокую тень. Она решила, что это Бог, и ждала, когда он расскажет ей шутку про слона. Когда же он этого не сделал, она подумала, что, наверное, настала ее очередь рассказывать шутку.

– Что большое и серое ходит кругами перед входом в цирк? – спросила она.

– Да тут есть лестница, – сказал фермер. Пятнышко заскулила.

– Слон, застрявший в крутящейся двери, – сказала Элла.

– Не бойся, – сказал фермер, опуская в яму лестницу. – Сейчас я вытащу тебя оттуда.

Ронда не увидела машины Уоррена на подъездной дорожке, ведущей к крошечному домику Пэт и Джима. Однако она выпрыгнула из своей «Хонды» и постучала в дверь. Ожидая, когда ей откроют, она сунула руку в карман джинсов и, нащупав пуговицу Лиззи, повертела ее в пальцах.

Дверь открыл Джим, еще более помятый и взъерошенный, чем обычно, как будто Ронда подняла его с кровати.

– Уоррен не у вас? – спросила Ронда.

Джим покачал головой.

– Загляни в мини-маркет. Он уехал туда пару часов назад.

– Его там нет, и по мобильнику он не отвечает. Он срочно нужен.

– Что-то новое? – спросил Джим.

Ронда рассказала ему о своей находке и о звонке в полицию.

– Кроули и его парни наверняка уже там. Возможно, они даже нашли Эрни. Согласись, это было бы здорово!

Джим кивнул.

– Да, поскорее бы все закончилось. Бедняжка Пэт, на нее больно смотреть. Она не ест... не спит... изводит себя этими поисками.

– Кстати, я слышала про ее сестру – ту, что погибла, когда они были детьми.

Стоя в дверном проеме, Джим попереминался с ноги на ногу и потер

глаза.

– Пэт не любит об этом рассказывать. Такое никому не пожелаешь – видеть, как у тебя на глазах погибает младшая сестренка. А ведь они были близки. Еще как! Пэт и Птичка были неразлучны.

Птичка. Ронде как будто дали в солнечное сплетение, выбив из легких воздух. Несколько мгновений она стояла, не в силах вымолвить ни слова.

– Птичка? – едва слышным шепотом повторила она. Но разве не так кролик называл Эрни? Разве не это имя было в тайной записке, о которой рассказала им Кэти?

Та самая зацепка, которую, как ни билась, Ронда не могла разгадать.

– Да, ее младшая сестренка Ребекка, – пояснил Джим. – Пэт всегда называла ее так. Потому что когда та родилась, она вертела головкой, совсем как птичка.

10 августа 1993 года

Оставив хаос, царивший вокруг горящего стола – смех, визг, пролитый пунш, отца, который наконец с ее помощью сумел размотать садовый шланг и теперь поливал возникший пожар, Ронда зашагала прочь.

Юркнув в темноту, она направилась по тропинке назад, к сцене. Было темно, хотя луна уже вышла. Впрочем, какая разница. Ронда знала каждый шаг. Завяжи ей глаза, и она прошла бы пять минут по узкой тропинке, ни разу не налетев на дерево.

Тропка вела вниз. Ветер колыхал ее ночную рубашку, отчего Ронда казалась сама себе скорее призраком, чем живой девочкой. Впереди она услышала плач. Позади – пульсирующий ритм песен Вана Моррисона. Она выбежала на поляну и там, в лунном свете, увидела всех троих. Питера с молотком. Ток, обнимающую Лиззи. Та лежала на сцене рядом с люком и рыдала. Ронде показалось, что они репетируют сцену из какой-то не известной ей пьесы.

– Что происходит? – крикнула им Ронда.

– Ты успела вовремя, Ронда, – ответил Питер.

– Успела к чему?

– Мы собираемся все порушить, – ответил он. – Иди сюда и помоги мне.

17 июня 2006 года

Когда Ронда подъехала к мини-маркету, было уже без четверти девять. Неоновая реклама заправки была выключена, в гараже – темно, но машина Пэт все еще стояла на парковке.

Ронда шагнула к передней двери. Та оказалась не заперта. Ронда медленно открыла ее и вошла. Внутри тотчас раздалось знакомое «динь-динь» электронного колокольчика. Она быстро обвела взглядом внутренность мини-маркета. Ни Пэт. Ни Уоррена.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – робко позвала Ронда.

Тишина. Ронда вернулась к входной двери и посмотрела через парковку на дорогу. Ни души. Пусто.

Почему она раньше ни разу не заподозрила Пэт? Пэт знала обеих – и Труды, и ее дочь. Впрочем, это просто не укладывалось в голове. Пэт фактически взяла на себя поиски Эрни. Ей до слез хотелось поскорее найти пропавшую девочку.

Что, если Пэт и Питер действовали заодно? Или же Ронда ошибалась насчет Питера?

Ей ни разу не приходилось бывать здесь одной. Она никогда не замечала гудения холодильника и кондиционера. Сейчас же магазинчик был полон едва слышных щелчков и потрескиваний. И при каждом Ронда оглядывалась через плечо.

Ей показалось, что она слышит чье-то дыхание.

– Пэт?

Она обошла магазин. Миновав полки с шоколадными батончиками и чипсами, она, наконец, оказалась у кассы. Нащупав на стене выключатели, Ронда включила их все. Мини-маркет тотчас наполнился слепящим светом. Она посмотрела на ряды сигаретных пачек. Прочла предупреждение о запрете продажи алкоголя и сигарет несовершеннолетним. Кстати, в нем говорилось, какие удостоверения личности принимаются, а какие нет. Прилавок закрывал лист поцарапанного плексигласа. Под ним – прејскурант на пиво, газировку, кофе и молочные продукты. Из дальнего угла донеслось приглушенное урчание – там работала установка по изготовлению льда.

Ронда прошла к пустым волонтерским столам. Блокноты, телефоны, ноутбук – все это валялось где попало. Заметив почти полный пластиковый стаканчик с какао, Ронда взяла его в руки. Все еще теплый.

– Ронда!

От неожиданности она вздрогнула и пролила теплое какао себе на джинсы.

– О господи! – ахнула она и, обернувшись, увидела перед собой Пэт.

– У меня и в мыслях не было тебя пугать, – сказала та. – Я была у себя в кабинете. Доделывала кое-какую работу, и тут мне показалось, что я услышала какой-то звук.

– Я... – пролепетала Ронда. – Я заехала узнать, есть ли что-то новое?

Пэт покачала головой.

– Пока ничего. – Она посмотрела на стаканчик с какао в руке у Ронды.

– Похоже, Уоррен заезжал сюда? – спросила Ронда.

Пэт медленно кивнула.

– Вообще-то он у меня в кабинете. Думаю, он хотел бы кое-что объяснить тебе.

Ронда поставила пластиковый стаканчик, вытерла руки о джинсы и бросила взгляд в коридор, который вел в кабинет Пэт.

– Он должен, наконец, сказать тебе правду, – добавила Пэт.

– Правду? – пробормотала Ронда. Пэт указала на коридор. Ее жест напомнил Ронде, как много лет назад белый кролик направлял ее через лес к пасхальной корзинке с конфетами. Только теперь этой корзинкой был Уоррен.

Ронда робко двинулась по коридору, Пэт – на полшага позади нее. Дойдя до кабинета, Ронда открыла дверь и вошла.

– А где?.. – удивилась она.

Пэт скользнула следом и, закрыв за ними дверь, встала у нее за спиной. Рядом с дверью, у стены, стоял тяжелый лом. Пэт наклонилась и одним быстрым движением взяла его в руки.

10 августа 1993 года

– Но почему? – удивилась Ронда. – Зачем ломать сцену?

– Потому что все кончено, – сказал Питер.

– Что именно? – Ронда надеялась, что он имел в виду себя и Ток. Что, если Ток и Лиззи тайно любят друг друга? Вдруг прямо на сцене Ток прильнула к Лиззи и что-то зашептала ей на ухо. Со стороны эти двое и впрямь напоминали влюбленную парочку. Ронде даже стало слегка стыдно за них. Одновременно она ощутила укол ревности. Что бы там ни происходило между ними, она, Ронда, была посторонней. А ведь до этого Лиззи делилась с ней буквально всем.

– Ты доверяешь мне, Ронни? – спросил Питер.

Ронда кивнула.

– Тогда помоги мне это сделать, – сказал он и протянул руку, помогая Ронде подняться на сцену. Вместе они схватились за простыню, на которой была нарисована детская в доме Дарлингов, и сорвали ее. За ней оказались голубая вода и пальмы Нетландии.

– Но, Питер... – начала было Ронда.

– Нам нужно больше инструментов, – сказал он и, прыгнув со сцены, подбежал к ящику, в котором обычно хранились всякие нужные вещи. Вернулся он с ломиком и пилой.

– Пора! – шепнула Ток на ухо Лиззи, ставя ее на ноги. Та подняла молоток, который до этого держал Питер, и принялась колотить им пол. Сначала осторожно, затем все сильнее и сильнее. Ток взяла ломик и с душераздирающим скрежетом ржавых гвоздей начала отрывать доски от балок.

Питер взялся перепиливать раму задника, на которую они вешали декорации.

– Все кончено, – сказала он, скорее себе самому, чем кому-то конкретному. Лиззи уронила молоток и расплакалась.

– Лиззи, – сказала Ронда, подходя к подруге и кладя руку ей на плечо. – В чем дело? Что случилось?

– Отстань от нее! – процедила сквозь зубы Ток, подходя к ним с ломиком в руке.

Ронда попятилась.

– Ронни! Ты нужна мне здесь! – крикнул Питер. Он молотил по левой стороне задника. Тот слегка раскачивался. – Хватай другой конец!

Ронда отошла к другому концу и обхватила руками деревянный брус, представляя, что это шея Ток.

– Никто не должен ничего знать, – прошептала та Лиззи.

«Что знать? – мысленно крикнула Ронда. – Что ты сделала с моей лучшей подругой?»

– Тяни! – крикнул Питер.

Задник даже не сдвинулся с места. Тогда Ронда подскочила к нему и, вцепившись в доску, что протянулась через весь верх, начала раскачиваться на ней. Вместе с ней закачался пейзаж Нетландии – лазурная вода, еще более лазурное небо, очертания их острова.

«Иногда я спрашиваю себя, летала ли я когда-нибудь...»

Она подумала о Лиззи, висящей на перекладине в дверях чулана, чтобы стать выше ростом. Из динамиков в объятном пламенем дворе ее дома доносилась музыка. «Кареглазая девушка, – ворковал Ван Моррисон. – Ты помнишь, как мы пели когда-то...»

Наконец раздался треск. Задник наклонился и рухнул. Питер и Ронда полетели вниз, а на них свалилась груда досок и простыня с нарисованным на ней островом. Лоб Ронды пронзила острая боль, как будто все, что было в ее голове, – воспоминания о Лиззи и Питере, все случайные вещи, которые она когда-то узнала, например, реплики из их пьесы, пуговицы на форме солдат-конфедератов, – как будто все это пыталось вырваться на свободу. Ронда закрыла глаза. Пусть береговая линия Нетландии накроет ее и крепко держит, грозя никогда не выпустить.

17 июня 2006 года

Пэт подняла с пола ломик и положила его себе на плечо.

– Он должен был лишь отвезти ее в лес и оставить там. Она вряд ли бы стояла на месте, и мы в считанные часы нашли бы ее.

Ронда кивнула, отступила назад и наткнулась спиной на огромный металлический стол.

– Кого? – уточнила она.

– Эрни, кого же еще? Я собиралась ее найти. Все было спланировано заранее.

Это имело свой чудовищный смысл. Пэт до сих пор корила себя в смерти младшей сестры. И вот спустя годы ей подвернулась возможность искупить вину. Стать в глазах людей героиней. Даже если для этого нужно было инсценировать похищение. Пэт получила бы свои пятнадцать минут славы. Искупила бы вину. Польза была бы всему городу. Все сравнивали бы этот случай со случаем Эллы Старки.

Но если в костюме кролика была не сама Пэт, то кто? Неужели она уговорила Питера похитить Эрни? Или же заставила шантажом?

– Так это ты посещала Эрни? Чтобы расположить ее к себе, завоевать ее доверие?

Пэт с каменным лицом посмотрела на Ронду.

– Ты забирала ее из школы в машине Лоры Ли. Ей это нравилось. Ей наверняка было приятно, что ее ожидает кролик, который отвезет ее на кладбище.

Пэт мечтательно улыбнулась.

– Кроличий остров, – прошептала она, расслабляя пальцы, сжимавшие лом.

– Верно, Кроличий остров. Я видела один ее рисунок, – сказала Ронда. – На нем он выглядел как настоящий рай.

– Да, ей там нравилось. Она обожала меня.

Ронда кивнула.

– Кому ты поручила в тот день надеть костюм кролика? Кто ее похитил? И где она сейчас?

– Ты ведь умная, – сказала Пэт, сверкнув глазами. – Я думала, ты уже догадалась.

Ронда покачала головой. Положив руку на стол, она огляделась по сторонам. Только бумага. Журналы. Перо.

– Уоррен, – сказала Пэт, вернее, процедила сквозь зубы. – Это был Уоррен. Он убил ее.

– Нет! – Ронда едва не расхохоталась. – Его здесь даже не было. Он был в Пенсильвании.

– Я предложила ему деньги. Пятьсот долларов. Легкая работа для студента. Забрать ребенка, отъехать на несколько миль и высадить. Я даже нарисовала ему карту.

– Ты лжешь! – заявила Ронда. – Где он? Что ты с ним сделала?

– Затем он должен был до утра затаиться и говорить всем, что приехал на следующий день, – продолжала Пэт. – Мол, он провел за рулем всю ночь. Услышал про похищение и решил помочь. Такой милый юноша.

Протянув за спиной руку, Ронда нащупала пальцами гладкий прохладный край гранитной таблички, а затем выгравированные на ней буквы. «Пэт Герберт. Владелица и менеджер бензозаправки». Ронда сомкнула пальцы. Семь-восемь фунтов, прикинула она.

– Милый юноша, как же! – прошипела Пэт и сжала в руках ломик. – Он убил ее! Он взял мою маленькую Птичку и...

– Нет! – выкрикнула Ронда, замахиваясь каменным квадратом в висок Пэт. Она не промахнулась. Сила соприкосновения вибрацией пробежала по ее руке и отдалась в груди. Ломик выскользнул из рук Пэт и с грохотом упал на пол. Следом за ним рухнула и она сама.

Сжимая в руках кусок гранита, Ронда осторожно переступила через Пэт и открыла дверь.

– Черт, черт, черт! – прошептала Ронда, пытаясь успокоиться. Что же она наделала? – У меня не было выбора, – рассудила она, чтобы убедить себя, и крикнула: – Уоррен!

Она осторожно посмотрела налево, в сторону магазина, затем направо – в сторону гаража. Никого. Тишина. Она на цыпочках направилась по коридору к темной кладовой. Войдя, нащупала выключатель и включила свет. И тотчас столкнулась лицом к лицу с высоким мужчиной в солнечных очках и кепке-бейсболке. Ронда размахнулась и сбила его с ног.

– Черт! – Тот, кого она сбила с ног, был картонным водителем гоночного автомобиля, рекламирующим машинное масло. – Отличный удар, Фарр! – сказала она себе.

Руки тряслись.

Не выключая свет, пятясь, Ронда вышла из кладовой. Пусть здесь будет светло как днем. В венах гудел адреналин. Ронда повернулась лицом к двери, ведущей в гараж. «Посторонним вход воспрещен», – красными буквами было написано на табличке.

Ронда поискала выключатель с внешней стороны гаражной двери. Такого не оказалось. Придется войти в темный гараж и действовать там на ощупь. По-прежнему сжимая в руке тяжелый кусок гранита, Ронда открыла дверь и шагнула в гараж. Внутри пахло жженой резиной, машинным маслом и выхлопными газами. Работал мотор. Металлическая дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной. После ярко освещенного коридора в гараже стояла кромешная тьма. Воздух был горячий и липкий, полный бензиновых выхлопов. Ронда повернулась и провела рукой по стене в надежде нащупать рубильник. Тот оказался справа от двери. Четыре выключателя, все как один, смотрят вниз. Указательным пальцем она подняла их все и обернулась.

И тут же окаменела. Пальцы ее разжались, и она выронила гранитную табличку. Та упала на цементный пол и раскололась надвое. Слова «Пэт Герберт» откололись от слов «владелица и менеджер бензозаправки».

В дальнем углу стояла машина Уоррена. Сидевший в ней кролик был пристегнут к водительскому сиденью. Мотор работал. От выхлопной трубы в слегка приоткрытое заднее окно был протянут шланг.

– Черт! – Ронда бросилась к машине. Выдернув шланг из выхлопной трубы, она подскочила к водительской двери. Заперто. – Черт!

На верстаке Ронда нашла небольшой молоток. Дважды размахнувшись, она разнесла вдребезги окно со стороны пассажирского сиденья. Сунув руку внутрь, нажала на кнопку блокиратора, после чего вернулась к водительской стороне и распахнула дверь машины. Кролик сидел, откинувшись на спинку сиденья, как будто решил немного вздремнуть.

Ронда наклонилась над ним, выключила мотор и нашла кнопку ремня безопасности. Какой же он тяжелый! Просто неподъемный! Но только не мертвый! Уоррен не может быть мертвым и не может быть убийцей. Вытащив из машины, Ронда положила его на цементный пол гаража.

Воздух. Ей нужен воздух. Она отодвинула защелку на двери в левой части гаража и распахнула ее. Втянув полную грудь воздуха, снова присела рядом с кроликом. Положив обе руки на маску, осторожным движением стащила ее вниз.

С губ Ронды сорвались рыдания. Выхватив из кармана мобильник, она набрала 911 – номер службы спасения.

Пока Ронда ждала приезда «Скорой», она подумала про Эллу Старки. Фокусник был найден мертвым в своей гостиной в тот же день, когда Эллу спасли из ямы, и она смогла описать его самого и его машину. Преступником оказался тридцатидвухлетний дворник. И коллеги, и соседи

отзывались о нем исключительно как о хорошем, отзывчивом человеке. Позднее, в телевизионном интервью, Элла сказала по поводу его смерти следующее: «Это так печально. Иногда человек делает что-то плохое, но это не делает его плохим человеком. Иногда...» Она на миг умолкла и покрутила волосы, затем вновь посмотрела в камеру. «Иногда его можно простить».

15 августа 1993 года

Дэниэл отсутствовал уже пятый день. Агги нервно расхаживала по гостиной в доме Ронды, разговаривая с Клемом и Жюстин. Ронда забилась в кухню, чтобы ее не заметили, но оттуда она могла прекрасно слышать их разговор. Она слышала шаги Агги, ее лихорадочные слова.

– С ним что-то случилось, – повторила она и потрясла кубики льда в пустом стакане – не слишком тонкий намек на то, чтобы ей налили очередную порцию джина с тоником.

– Аг, ты преувеличиваешь, – попытался успокоить ее Клем. – Он просто залег где-то на пару дней. Вот увидишь, он в любую минуту вернется, с большого похмелья, зато горя очередной безумной идеей обогащения.

– Он никогда так надолго не пропадал, – возразила Агги. – Максимум ночь-две. Но не пять же! Знаешь, Клем, что я сегодня сделала? Я даже позвонила Лоре Ли.

Клем закашлялся.

– И что она сказала?

– Уверяла меня, что ничего не знает. Но по-моему, она лжет.

– Почему ты так считаешь? – спросила Жюстин.

– Потому что так всегда поступают женщины вроде нее. Они лгут.

Клем что-то пробормотал – что именно, Ронда не расслышала, зато услышала, как Агги расплакалась.

– Пойду сварю кофе, – сказала Жюстин. Ронда тотчас метнулась назад, в свою комнату.

– Дэниэл в самом деле вернется? – спросила Ронда. Они с отцом бок о бок сидели в старой машине в лесу.

– Конечно, моя милая. Куда же он денется? Так что ты не переживай.

Но Ронда переживала. Если Дэниэл куда-то пропал, кто помешает Клему и Агги все время быть вместе? Только не мать Ронды. Клем бросит Жюстин и снова вернется к Агги. При этой мысли у Ронды заболел живот. Она машинально подняла руку и потрогала швы над глазом. Их было семь. Счастливое число. Ей, можно сказать, повезло.

Питеру наложили девять швов. Когда задняя стена рухнула, Ток и Лиззи не пострадали вовсе. Станным было другое – с того вечера Лиззи не сказала больше ни слова. Ни Ронде, ни Питеру, ни даже Ток.

– Ей просто требуется время, – рассудила Ток. – Давайте не будем приставать к ней с расспросами.

Клем повернулся и еще раз посмотрел на разрушенную сцену.

– Все равно не возьму в толк, – сказал он. – Вы что, подрались здесь или как?

– В некотором смысле, – ответила Ронда, не желая признаваться отцу, что на самом деле она понятия не имела, зачем они разрушили сцену. Просто так приказал им Питер.

– Как жаль, честное слово, – вздохнул отец. Над их головами на ветру все еще реял пиратский флаг. Тряпка с черепом и костями – вот и все, что уцелело от их спектакля.

– Я тут подумала, – произнесла Ронда, торопясь сменить тему. – Питер родился в семьдесят девятом году.

Клем напряг нижнюю челюсть и, крепко сжав потрескавшийся руль, устремил взгляд в лес, на некую невидимую дорогу.

– Верно.

– А это значит, что Питер твой сын, ведь так? И мой брат? – Слова во рту были горькими на вкус. Сын. Брат.

Клем закрыл глаза и покачал головой.

– Нет, он сын Дэниэла. Разве это не видно? Он же его копия!

– Но если вы с Агги были женаты... – Ронда открыла бардачок. Внутри были лишь спутанные провода и раскрошившиеся листья от опустевшего мышиноного гнезда.

Клем вздохнул. Взгляд его был устремлен в пространство. Так обычно бывало перед тем, как он брался рассказывать очередную историю.

– Я помню, как стоял у окна палаты и показывал Питера медсестрам, посетителям, всем, кто проходил мимо. Мой сын. Мой мальчик. Мой янки-дудль, родившийся четвертого июля. Настоящий американец.

Клем поиграл с переключателем скоростей, поставил ногу на педаль газа и до упора вжал ее в пол. Заржавленная педаль издала противный скрип, напомнив им, что они никуда не едут.

– Это было ровно за год до того, как я узнал правду, – продолжал Клем. – Первый день рождения Питера. Мы устроили по этому поводу небольшой праздник, на который пригласили Дэниэла. Он принес красную, белую и голубую шляпы, серпантин и бенгальские огни. Я пошел укладывать Питера спать, но забыл его одеяло. Это было его любимое одеяло. Он никогда с ним не расставался. Когда я вернулся за ним во двор, то увидел их – Дэниэла и Агги. Они... – Клем умолк. Ронда кивнула,

стараясь представить себе эту сцену – все трое такие молодые, ее отец женат на Агги, уверен, что она родила ему сына. Что жизнь прекрасна, и вот вдруг...

– Когда в тот вечер я вышел из задней двери во двор, в моей голове как будто что-то взорвалось, и ослепительный белый свет стер все вокруг меня.

Ронда кивнула. Примерно то же самое было с ней, когда они крушили сцену, как будто все, что она знала и понимала, внезапно закончилось.

– И тогда я понял, что Питер – сын Дэниэла. Думаю, какая-то часть меня знала это с самого начала. Только я старался ее не слушать. Но мы верим в то, во что нам хочется верить, Ронни. Даже если правда у нас перед носом.

18 июня 2006 года

– Иногда придумываешь ложь, и она становится для тебя таким домиком, уютным и надежным, – признался Уоррен. – Но на самом деле он не надежен. У него шаткий фундамент, который все время грозит развалиться. И люди, которых ты приглашаешь в гости, подвергают себя опасности.

Ронда закусила губу и отступила на шаг назад, готовая в любую минуту расплакаться. В час ночи она стояла рядом с Кроули, слушая признания Уоррена на фоне попискивающих мониторов и разговоров врачей. Уоррен стащил с лица кислородную маску, и теперь та лежала и шипела рядом с его подбородком, как будто шепотом предупреждая Ронду: не слушай. Это все неправда.

Уоррен отклонил предложение молчать до приезда адвоката, от которого он тоже отказался. Ему не терпелось рассказать свою историю. Начало ее совпадало с тем, что Ронде поведала Пэт. Подружившись в обличье кролика с Эрни, Пэт предложила Уоррену пятьсот долларов, чтобы он приехал к ней в Пайкс-Кроссинг, надел костюм кролика и в последний раз прокатил девочку в машине. Пэт знала, что по понедельникам, во второй половине дня, забрав Эрни из школы, Труды заезжала к ней купить лотерейные билеты и сигареты. При этом она всегда оставляла Эрни одну в машине. Уоррен должен был пригласить девочку в свою машину, отвезти ее на какое-то расстояние от городка и высадить в лесу. Пэт заранее присмотрела место, где именно. План был прост: Эрни несколько часов побродит по лесу, в худшем случае до утра, но Пэт ее найдет и вернет домой. Пропавшая девочка будет найдена. У истории будет счастливый конец, точно так же, как и в Вирджинии.

– Но все получилось совсем не так, – продолжал Уоррен, отвернувшись от Ронды и Кроули. – Пэт показала мне, где высадить девочку, но, как только я сел за руль угнанной машины, да еще в костюме кролика, у меня сдали нервы. Поэтому я поехал в объезд озера, после чего свернул на грунтовую дорогу, которая змеится через лесопарк. Мне она показалась... менее заметной. Если верить карте, сразу за городом она соединялась с главной дорогой. Я был взвинчен и напуган до потери пульса. Казалось, дороге не будет конца. А она то и дело извивалась туда-сюда. Я почти ничего не видел в эти чертовы кроличьи глаза. И еще вспотел, как свинья. Раньше я никогда не делал ничего подобного.

Маленькая девочка рассказывала мне, как прошел день в школе... – Уоррен остановился, сглотнул комок в горле, вытер лоб и продолжил: – что это был день буквы «Б». Что они сделали посвященный ей плакат, ели фрукты, устроили соревнование, чья команда знает больше слов на букву «Б».

Тыльной стороной ладони Уоррен вытер со лба пот и какое-то время помолчал.

– И тут мы подъехали к очередному повороту, но я его не сразу заметил. Наверное, вел машину слишком быстро. Я резко нажал на тормоз и крутанул руль влево. Девочка не была пристегнута и... – Он закусил губу. На глаза его навернулись слезы. – Она стукнулась о дверь, а та, скорее всего, была плохо закрыта, потому что в следующий миг распахнулась. И девочка исчезла. Вот и все.

– Ты хочешь сказать, что она вывалилась? – спросил Кроули. – Что дверь открылась сама по себе?

– Дверной замок... он был сломан, – прошептала Ронда. Как несколько дней назад она сказала Уоррену: миром правят невезение и хаос.

– Что? – спросил Уоррен.

– Его должен был починить Питер. Так было написано в графике работ в гараже. Лора Ли сказала, что дверь не закрывается, если только ее не замкнуть.

Кроули записал это в свой блокнот.

Уоррен расплакался. Первым желанием Ронды было подойти к нему и утешить. Но она не смогла. Зная, что это его глаза смотрели на нее тогда на парковке, в прорези нарисованных кроличьих глаз. Что это он взял Эрни в ее последнюю поездку к Кроличьему острову.

Ронда отказывалась верить, что такое возможно. Это походило на плохой розыгрыш. Единственный человек, которому она всецело доверяла в последние дни, тот, в кого она уже почти влюбилась, оказался тем самым кроликом, за которым она гонялась.

«Возможно, скоро ты догонишь его», – сказал ей Уоррен всего лишь сегодня утром. И вот он. Ронда крепко зажмурилась, отгоняя от себя это жуткое наваждение. Но нет, рядом по-прежнему шипит кислородная маска и попискивают мониторы.

Уоррен остановил машину и побежал назад, к тому месту, где вывалилась Эрни. Она скатилась вниз с высокой насыпи и в неестественной позе неподвижно лежала на груде камней. Кое-как спустившись к ней, Уоррен понял, что она мертва.

Кроули тотчас принялся выяснять детали: почему Уоррен был уверен, что девочка мертва, а не просто потеряла сознание? И тогда Уоррен описал

ее разбитую голову и вывернутую шею, застывший взгляд, длинные, полные отчаяния мгновения, когда он пытался нащупать ее пульс, надеясь услышать дыхание. Нет, девочка была мертва. Причем по его вине. Запаниковав, он отнес Эрни в машину.

– Я знал, что не могу отвезти ее назад. Но я не мог оставить ее там. И я решил... ее похоронить.

Ронда покачала головой. Ну почему, хотелось крикнуть ей. Ей стало понятно, к чему сводится эта история. К череде ошибочных решений. Ошибочных и ужасных. Решений, порожденных желанием быстрых денег, возможностью снять спорную документальную ленту, поиском коротких путей и самой обыкновенной паникой, отбивающей способность трезво мыслить. Все это в какой-то момент казалось неплохой идеей и, может, даже единственным шансом. Ронда увидела, кто перед ней: испуганный девятнадцатилетний мальчишка.

– Я свернул назад, к озеру и нашел в лесу старую тропу. Я нес девочку на руках. Она была легкой, как перышко, – сказал Уоррен и снова умолк.

– Где именно это было? – уточнил Кроули.

– Где? Где-то на северной стороне озера, если не ошибаюсь. Я утратил ориентацию. Но там, среди сосен, была поляна, а на ней яма. Что-то вроде старого колодца или типа того. Я положил ее в яму. Навалил сверху камней и присыпал землей.

– А машина мисс Кларк?

– Я положил костюм кролика в спортивную сумку и вернул машину на место, как мы и планировали. Костюм я отдал Пэт и сказал, что сделал все согласно плану: как она мне и велела, высадил Эрни на краю лесопарка, рядом с шестой автострадой.

Кроули скептически посмотрел на Уоррена.

– И ты надеялся, что она не узнает правду?

Уоррен задумался.

– Я не знаю, на что я надеялся. Но я не нашел в себе сил сказать ей правду. Я сам в нее не верил. Ну как, как такое могло случиться? В последующие дни я не раз повторил свою ложь. Вскоре Пэт заволновалась. Никак не могла понять, где ее грандиозный план пошел не так. Я и сам поверил в собственную ложь. Чтобы убедить себя, я начал думать, что маленькая девочка в любую минуту может вернуться из леса. Я видел это, словно наяву. Видел ее сияющее личико, когда она станет рассказывать всем о своих приключениях на Кроличьем острове. Это казалось... таким возможным.

Ронда кивнула и отвернулась к мониторам, контролировавшим его

пульс и кровяное давление.

– Ронда, я не... Прости меня. Прости, что я не был с тобой честен. Что повел тебя в ложном направлении. Ты помнишь ключи Питера? Я взял их у Пэт и бросил на кладбище, когда мы были там с тобой, чтобы ты их нашла. Я делал все, что только мог придумать, лишь бы только запутать поиски.

– То есть все это было притворством? – спросила Ронда и, чтобы не расплакаться, прикусила губу. «Нет, никаких слез. Не хватало, чтобы меня увидели зареванной. В этой истории и без того хватает жертв». – То, что было между нами? Это тоже была уловка, призванная сбить меня со следа?

– Нет! – Глаза Уоррена были влажными и искренними. – Господи, нет, конечно! То, что было между нами... это единственная честная вещь с момента моего приезда в Пайкс-Кроссинг.

Ронда кивнула, не зная, чему верить. Она знала, что уже почти влюбилась в Уоррена. Это помогло ей забыть свои прежние чувства к Питеру, в некотором смысле начать новую жизнь.

– С самого начала какая-то часть меня хотела, чтобы ты узнала правду. Чтобы все это поскорее закончилось. Я пытался сделать это вчера вечером, затем сегодня утром. Но не смог.

– И что же ты делал после того, как ушел от меня, после того, как не сумел сказать мне правду?

– Какое-то время я просто колесил в машине по городу. Думал. Заехал домой, чтобы переодеться. Затем пришел в мини-маркет и рассказал Пэт, что на самом деле случилось в тот понедельник. Сказал, что пойду и честно все расскажу Кроули. И тут она сорвалась. Она набросилась на меня с ломиком, после чего, думаю, засунула меня в кроличий костюм и посадила в машину. Не иначе как от ярости у нее снесло крышу. Но я ее не виню. Она любила эту девочку. Постоянно твердила, что непременно спасет Эрни, что та станет любимицей всей страны. Что про нее снимут фильмы и напишут книги. Что ее лицо будет на обложке журнала «Пипл». Ее и Пэт. Вместе. Так, по идее, все и должно было быть.

Вошла медсестра и подняла кислородную маску.

– Вам нельзя ее снимать, – пожурила она Уоррена. Но тот оттолкнул ее руку.

– Пожалуйста, скажи Труди, что мне стыдно. Скажи ей... – Он вновь расплакался. – Что тут можно сказать? Скажи ей, что в последний день своей жизни, на конкурсе слов на букву «Б», Эрни назвала слово «басня». Передашь ей это?

Ронда молча кивнула. Между тем медсестра снова надела на Уоррена кислородную маску.

Так что же это было, задумалась Ронда. Басня про кролика, который сыграл ужасную шутку, но, в конце концов, они все извлекли для себя урок? И какова мораль этой басни?

3 сентября 1993 года

Перед дверью Ронды стоял запыхавшийся Питер.

– Мне нужен Клем, – заявил он, проталкиваясь мимо нее. Клем вышел из гостиной ему навстречу.

– В чем дело, Питер?

– Давай поскорее к нам. Мама... Она в ванне. Перерезала себе вены. Там полно кровищи!

Клем вместе с Питером бросился из дома. Ронда побежала следом, но отец остановил ее.

– Никуда не ходи! – приказал он.

Сердце Ронды было готово выскочить из груди. Она отправилась на поиски матери, чтобы сказать, что случилось.

– Сейчас мы бессильны что-либо сделать, – сказала Жюстин. – Давай лучше чем-нибудь займемся.

И Ронда принялась резать овощи для рагу. Между тем совсем рядом уже выли сирены.

Через сорок пять минут Клем вернулся с Питером и Лиззи. У Лиззи был с собой чемодан. Питер нес рюкзак, спальный мешок и свою старую армейскую палатку, которую тотчас принялся ставить во дворе.

– Ты там замерзнешь, – сказала Жюстин, вынимая из кладовой стопку теплых одеял.

– Разве его нельзя заставить войти в дом? – спросила у родителей Ронда. Те лишь покачали головами и велели ей на время оставить Питера в покое.

Лиззи направилась напрямик в комнату Ронды, поставила в углу свой чемодан и, сев за стол, принялась делать уроки.

– Давай поговорим, что ли? – обратилась к ней Ронда. Но Лиззи даже не подняла головы. – Ах да, я забыла. Ты ведь теперь ни с кем не говоришь.

Обиженная Ронда вышла из комнаты в коридор. Родители сидели в кухне. Клем только что положил телефонную трубку после звонка в больницу. Ронда нырнула в ванную, чтобы подслушать их разговор.

– Сказали, что жить будет, – сообщил Клем.

– Слава богу, – отозвалась Жюстин. – Тебе сказали, сколько она там пробудет?

Ронде было слышно, как Клем чиркнул спичкой, затянулся и выдохнул дым.

- Понятия не имею.
- Думаю, они какое-то время продержат ее там. А когда она выйдет, страшно представить, в каком состоянии будет. Вряд ли в том, которое позволяет следить за детьми, – сказала Жюстин.
- Черт бы побрал Дэниэла, – процедил сквозь зубы Клем. – В голове не укладывается, что он на такое способен. И где он сейчас?
- Как ты сам только что сказал: наверное, ушел в запой. Прячется от тех, кому должен, – рассудила Жюстин.
- С такими опасно играть в прятки, – услышала Ронда голос отца.
- Как жаль, что мы не можем с ним связаться, – вздохнула Жюстин.
- Может, пора сообщить в полицию? Написать заявление, мол, пропал человек, и все такое прочее. Агги в больнице. Кто-то же должен вытащить его задницу из норы, в которой он прячется, – сказал Клем.

Ронде в окно хорошо была видна палатка Питера. Она провела вторую половину дня и почти весь вечер, глядя на зеленый брезент, в надежде, что Питер выйдет из палатки, словно гусеница из кокона, прекрасный и преобразившийся. Когда же он отказался выйти к ужину, Жюстин просто отнесла ему тарелку.

- Можно я? – умоляла Ронда.
 - Не сегодня, дорогая, – ответила Жюстин.
- В девять вечера Ронда все еще гладела в окно. Вскоре появилась Ток – в красной шляпе и с пневматическим пистолетом. Питер придержал полу палатки, приглашая ее внутрь. Когда спустя час Ток вышла из палатки, пистолета в ее руке не было.
- Она дала ему пистолет, – сказала Ронда, обращаясь к Лиззи. Та, закрыв глаза, лежала на кровати и делала вид, что спит. Но Ронда знала, что она притворяется. – Нет, ты веришь? Она отдала ему пистолет!
- Лиззи лишь простонала и перевернулась на другой бок.

Ронда проснулась среди ночи от того, что матрас и простыня на ее кровати были мокры. Она разбудила Лиззи.

- Ты описалась? – спросила ошарашенная Ронда. Впрочем, иного объяснения теплой, липкой моче, в которой лежали они обе, не было.
- Лиззи молчала. Впрочем, похоже, ей ничуть не было стыдно. На лице застыло отсутствующее выражение, как у сомнамбулы.
- Не могу поверить, – пробормотала Ронда, включая свет. – Давай перестелем постель.

Лиззи застыла в углу, глядя, как Ронда снимает мокрые простыни.

– Снимай ночнушку, – сказала она. Но Лиззи даже не шелохнулась. – Что с тобой не так? – не выдержала Ронда. – Живо снимай ночную рубашку!

Она кинула ей сухую из своих запасов, но Лиззи не сдвинулась с места.

– Не стой так! – сорвалась на крик Ронда. – Сделай что-нибудь! Скажи хоть что-нибудь! Открой рот и заговори!

Раздался стук в дверь, и в спальню сунула голову Жюстин.

– Что тут у вас?

– Лиззи описалась и не хочет переодеваться!

Жюстин посмотрела на матрас, на мокрые простыни на полу, затем подошла к Лиззи и обняла ее.

– Пойдем, дорогая моя. Давай примем горячую ванну. – С этими словами она повела Лиззи по коридору в ванную комнату. Ронда услышала звук льющейся воды и воркующий голос матери. Вскоре Жюстин вернулась с мокрой ночнушкой Лиззи и подняла с пола мокрые простыни и пижаму Ронды.

– Что с Лиззи? – спросила Ронда.

– Ронни, будь с ней немножко мягче.

– Одно дело – молчать, и совсем другое – стоять, как истукан...

– Ронда, Агги сегодня нашла она.

– Ой! – Мир сжался до размеров восклицания, сорвавшегося с губ Ронды.

– Она многое пережила, – продолжала Жюстин. – Подозреваю, что гораздо больше, чем мы знаем.

Ронда прикусила губу.

– Она когда-нибудь заговорит снова?

Жюстин кивнула.

– Заговорит. Я в этом уверена. Когда будет готова. Приставать к ней, ругать ее – этим ей не поможешь. Мы должны набраться терпения.

25 июня 2006 года

– Ронда, это Питер.

Она не разговаривала с Питером с того самого вечера, когда прислала к нему полицию, чтобы та обыскала его дом. Ронда не знала, с чего начинать извинения. К тому же у нее до сих пор оставалась масса вопросов. Например, с кем он был в мотеле и почему солгал ей об этом?

– Я хотела позвонить, – сказала Ронда. – Извини меня за все. Я...

– Ронни, – перебил он ее, – вчера вечером полиция нашла тело.

Ронда закрыла глаза. Наконец, все закончилось. Полицейские обыскивали лес вокруг озера с того самого момента, как Уоррен и Пэт были взяты под стражу. Ронда старательно избегала любых новостей о неудавшемся похищении. Не хотела слышать, как в адрес Пэт и Уоррена выдвигают все новые и новые обвинения. Но одна новость не давала ей покоя. Во время обыска в кабинете Пэт полицейские обнаружили старый крошечный детский кроссовок, пропитанный кровью. Кроссовок Птички. Пэт хранила его все эти годы – жуткое, извращенное напоминание о смерти младшей сестры.

Ронда услышала в трубке дыхание Питера.

– Где? – спросила она. – Где его нашли?

Не успела Ронда задать этот вопрос, как возненавидела себя за то, что превратила живую Эрни в мертвое тело.

– В нашем лесу, Ронни. Под старой сценой.

Повисло тягостное молчание. Ронда шумно вздохнула. В телефонной трубке послышался какой-то странный треск. В голове шевельнулась боль. Ронда машинально подняла руку и провела пальцем по шраму. Внезапно ее посетила безумная мысль. Что, если полицейские откопали их старое пугало? Оно наверняка успело сгнить, и когда полицейские его увидели, то приняли за человеческие останки. Что, если найденное тело – это их детские страхи, облеченные в плоть и придавленные сверху камнями, как будто их вес не давал страхам вырваться на свободу, навечно удерживая в темной яме.

– Не может быть! – услышала Ронда собственный голос, вернее, даже всхлип.

– Ронни, садись в машину и давай ко мне. Чем скорее, тем лучше. Нам нужно поговорить, прежде чем у тебя кто-то что-то спросит, и в особенности полиция. Договорились?

– Полиция?

– Да, они наверняка захотят поговорить с тобой.

– Ничего не понимаю, – сказала Ронда. Она не узнала собственный голос – тоненький и писклявый. Голос одиннадцатилетней девочки.

– Я знаю. Именно поэтому и прошу приехать ко мне. Обещай, скажи, что ты уже выехала.

– Обещаю, – сказала она. Слова сорвались с ее сухих губ легко и свободно.

Не успела она, поговорив с Питером, повесить трубку и шагнуть за дверь, как столкнулась на ступеньках лестницы с сержантом Кроули.

– Что-то случилось с Уорреном? – спросила Ронда. В последний раз она видела Кроули неделю назад в больничной палате, где лежал Уоррен.

– С Уорреном? Нет, с ним все в порядке. Его выписали из больницы, и сейчас он проходит реабилитацию. Как и Пэт. Ее тоже какое-то время продержали в больнице, потому что после того, как ты ее ударила, она не произнесла ни слова. Врачи говорят, что физически с ней все в порядке. Она просто отказывается говорить.

Ронда кивнула. Избирательная немота, подумала она, играя ключами от машины.

– У вас найдется минутка, мисс Фарр? – спросил Кроули.

– Я как раз собиралась выйти по делам.

– Это не займет много времени. Мы можем войти?

Ронда предложила ему кофе, который сварила еще до звонка Питера. Они вместе сели за стол и принялись размешивать сахар и молоко в почти остывшем кофе.

– Расскажите мне про лето 1993 года. Про август. Когда исчез Дэниэл Шейл. Вы тогда ставили пьесу. «Питера Пэна», если не ошибаюсь.

Вопрос Кроули застал ее врасплох.

– Да. Я играла Венди.

Кроули сидел напротив Ронды и записывал. Иногда, задавая ей какой-то вопрос, он сверялся со своим черным блокнотом. И все же его вопросы показались ей полной бессмыслицей.

– Я не уверена, что это как-то связано с...

– Просто отвечайте на вопросы, мисс Фарр, – перебил Кроули. – Теперь расскажите мне про то лето. Про вашу пьесу. Про то, когда вы в последний раз видели Дэниэла Шейла.

– Дэниэла? Думаю, в тот вечер, когда мы давали спектакль.

– Верно, – сказал Кроули, полистав блокнот. – И он закончился, по словам тех, кто это помнит, примерно в семь тридцать. Затем вы отметили

это событие. Вам запомнилось что-нибудь необычное? Я имею в виду и сам вечер, и Дэниэла.

Ронда попыталась вспомнить. Она подумала про фотографии в альбоме Клема, которые запечатлели их всех после спектакля. Лиззи на плечах Дэниэла. Бой на мечях между Дэниэлом и Питером.

– Он был чисто выбрит. Обычно он носил густые усы, как у моржа, но в то лето почему-то сбрил их. В фотоальбоме моего отца есть снимки того вечера.

– Я видел эти фото. Ваши родители сказали, что у вас также имеется видеозапись.

– Да, я взяла ее посмотреть пару недель назад.

– Не возражаете, если я тоже возьму ее на несколько деньков?

– Нисколько, – ответила Ронда. Она поднялась и прошла в гостиную. Кассета стояла на полке, под телевизором, – там, куда она поставила ее в то утро, когда они с Уорреном, обнявшись на диване, смотрели видеозапись. Отогнав от себя грустное воспоминание, Ронда схватила кассету и направилась назад, к Кроули. Вернувшись в кухню, она застала сержанта за обыском. Кроули рылся в ее бумажках, читая старые списки покупок и рецепты.

– Можете вспомнить еще что-нибудь необычное про тот вечер? – спросил он.

– Нет. Обычная вечеринка после спектакля. Пришли семьи из летних домиков, потому что их дети участвовали в постановке. Мы все были во дворе. Ели хот-доги и бургеры. Агги, мать Питера и Лиззи, слегка перебрала, и из-за нее случайно загорелся стол. Наверное, это самое необычное из того, что там было.

– Когда стемнело, вечеринка закончилась. Люди разошлись по домам. А что делали вы, мисс Фарр?

– Я... я с другими детьми пошла в лес.

Кроули пролистал блокнот.

– Согласно больничным документам, около десяти часов того же вечера вас и Питера Шейла доставили в отделение экстренной медицинской помощи для наложения швов. Все, с кем я разговаривал, говорят, что в какой-то момент, во время вечеринки или сразу после нее, вы, Питер Шейл, Лиззи Шейл и Грета Кларк ушли в лес и разгромили сцену. Что подвигло вас на столь странный поступок?

У Ронды поплыло перед глазами. Она мысленно пролистала свои немногочисленные воспоминания о том, как они крушили сцену. Увы, картина получилась нечеткой, размытой. Это вообще было трудно назвать

воспоминаниями. Скорее история, которую она рассказывала и пересказывала такое огромное число раз, что та давно утратила всякую связь с реальностью. Пересказывать ее – все равно что пересказывать сон. Сон, в котором они с Питером получили одинаковые шрамы.

– Если честно, не знаю, – призналась Ронда. – Просто мы поняли, что это наш последний спектакль. В то лето все изменилось. Питер сошелся с Ток. Лиззи отдалялась от нас. Наверное, в том, что мы крушили сцену, было нечто символическое.

– Скажите, Дэниэл и ваш отец поссорились в тот вечер? Из-за денег? Потому что Дэниэл снова просил у вашего отца в долг?

Ронде вспомнился другой раз, на дне рождения у Питера, когда Дэниэл просил у Клема денег. Он тогда сказал, что ему нужны новые инструменты, но Клем не поверил. И что-то сказал про азартные игры. Тогда они с Питером подслушали их разговор, спрятавшись в гробы.

– Примерно то же самое рассказывают Клем, Агги и Жюстин, – заметил Кроули, выслушав ее воспоминания того лета.

– Вы разговаривали с Агги? – удивилась Ронда.

Кроули кивнул.

– Вчера вечером в Мэриленде с ней разговаривал детектив. – Кроули пробежал рукой по коротко стриженным волосам, вновь заглянул в блокнот и продолжил: – Дэниэл проиграл большие суммы, и ваш отец решил, что с него достаточно. Похоже, ваш отец не раз выручал Дэниэла. Вы тоже это помните?

– Не уверена. Но думаю, что да. В том смысле, что Дэниэлу вечно не везло. Он постоянно строил какие-то планы, которые оказывались пшиком. И он вечно был кому-то должен. По крайней мере, когда я была ребенком, у меня сложилось именно такое впечатление.

Ронде вновь вспомнились сделанные Дэниэлом крылья. То, как Питер стоял на крыше гаража, исполненный решимости доказать, что он полетит.

– Кто доставил вас в отделение экстренной медицинской помощи? – спросил Кроули.

– Мой отец и Агги.

– Ваша мать не поехала с вами?

– Я не помню. Думаю, она осталась дома с Лиззи.

– А Дэниэл? Где он был, когда вам накладывали швы?

– Понятия не имею. В больнице его не было. Наверное, он остался дома, с моей матерью и Лиззи.

Ронда подняла руку и потрогала шрам. У Питера точно такой же. Ей тотчас вспомнилось, как по лицу стекала кровь, как было страшно. Они оба

были в крови. Лиззи тоже – ведь она тоже была там, помогала им. Помнится, она сняла пиратскую куртку и обвернула ею голову Ронды.

Они все тогда плакали. Ронда не помнила, как они вернулись домой, как ехали в больницу. Помнила лишь то, что они с Питером были в одной комнате, и врач задернул шторку, чтобы наложить швы.

– Спасибо, мисс Фарр, за вашу помощь. – Кроули захлопнул блокнот и поднялся с места. – И еще одна вещь, если вы не возражаете, – добавил он и, порывшись в кармане, вытащил небольшой пакетик и вручил его Ронде. – Что скажете об этом?

Розовый пластик был грязный и потрескался, но она тотчас узнала его. Когда-то он был прижат к ее нёбу.

– Моя пластинка! – прошептала она.

Кроули кивнул.

– Мы нашли ее в яме вместе с телом.

Ронда на пару секунд задумалась, вспоминая день, когда они с Питером сидели в яме и он попросил ее вынуть изо рта пластинку. Ронда вздрогнула, представив, как та лежала рядом с телом Эрни Флоруччи.

– Мы в этой яме переодевали костюмы, – пояснила Ронда. – Наверное, в тот день я забыла пластинку в яме. На сцену я всегда выходила без нее. Я просто оставила ее там для сохранности. Господи, я думала, что потеряла ее навсегда.

– Спасибо, что уделили мне время. – Кроули захлопнул блокнот. – Вы действительно мне помогли.

– И все равно я не понимаю, – сказала Ронда. – Какое отношение все это имеет к Эрни Флоруччи?

– К Эрни?

– Ну да. К тому телу, которое вы нашли в лесу.

Кроули посмотрел на нее непонимающим взглядом.

– Это ведь была Эрни, – с легким раздражением добавила Ронда. – Вы ведь нашли ее.

– Нет, тело Эрнестины не найдено. Пока не найдено, но мы продолжаем поиски. К сожалению, лес вокруг озера слишком велик. Уоррен же сообщил нам слишком мало примет.

– Тогда в чем дело?

Ронде вспомнилось старое чучело, набитое тряпками и подушками. А еще клочки бумаги, с нацарапанными на них страхами, сложенные в несколько раз и брошенные в яму, словно искалеченные бумажные журавлики. Что она тогда написала на своем клочке? Что написали Лиззи и Питер?

– Найденное в лесу тело было идентифицировано и принадлежит Дэниэлу Шейлу. Предварительные данные подтверждают то, что нам известно. Его убийство совпадает по времени с его исчезновением. Вероятно, это произошло вечером, после спектакля. Остатки одежды совпадают с той, что и на сделанных в тот день фотоснимках.

У Ронды возникло странное ощущение, как будто некий гигантский пылесос внезапно высосал с крыльца весь воздух.

– Он был убит? Но как?

– Да, убит, – ответил Кроули. – По всей вероятности, ударом какого-то тяжелого предмета по голове.

4 сентября 1993 года

У Питера был пистолет Ток, и он упражнялся в стрельбе: сбивал с каменной стены в конце двора пивные банки. Клем давал ему указания, устанавливал мишени и даже дал пару раз пальнуть из копии мушкета времен Гражданской войны.

Ронда не знала, как ей говорить с Питером о том, что случилось с его родителями. Ей было неловко поднимать эту тему и столь же неловко молчать о ней. Ронда перенесла тетрадки с домашним заданием на садовый стол и то и дело посматривала на стрелявшего по банкам Питера. Клем хлопал его по спине, приговаривая: «Молодец, сынок».

Ронда думала, что скажет ему, как попробует утешить, мол, не переживай, все будет хорошо: Агги поправится, Дэниэл вернется домой. Но всякий раз, когда Ронда открывала рот, чтобы заговорить, фразы, которые она мысленно репетировала, застревали у нее в горле, словно жирная злая жаба, – дурацкие, пустые, бесполезные. Когда же Ронда, наконец, собралась с духом, чтобы подойти и сказать Питеру хотя бы что-то, единственное, что пришло ей в голову, было «Хочешь кока-колы?». На что Питер в ответ лишь покачал головой.

В ту ночь Лиззи не описалась, но и не спала толком. Она стонала, выла, бормотала, несла какую-то околесицу. Время от времени она даже что-то выкрикивала – что-то невнятное, что, однако, по мнению Ронды, было очень похоже на имя «Питер».

Ронда потрясла ее и разбудила.

– Он во дворе, – сказала Ронда, пытаясь успокоить подругу. В глазах Лиззи читалась паника. Схватив Ронду за руку, Лиззи больно впилась в нее ногтями.

– Питер во дворе, в своей палатке, – пояснила Ронда. Лиззи снова положила голову на подушку и провалилась в сон.

Ронда тихо встала и подошла к окну, чтобы посмотреть, как там Питер. С пистолетом Ток в руке он обошел двор по периметру, затем вернулся к своей палатке. Ронда смотрела на него из окна спальни. Он застыл перед палаткой, словно часовой: крепко сжимая в руках пистолет, смотрел куда-то вдаль, на воображаемого врага. Ронде почему-то показалось, что вид у него совсем не храбрый, а какой-то обреченный.

25 июня 2006 года

Подъехав к дому Питера и Ток, первое, что увидела Ронда, – это игравших во дворе девочек. Сьюзи – на запястье в лучах солнца поблескивает тяжелый серебряный браслет со словом ЭПИЛЕПСИЯ, – светловолосая, почти блондинка. В руке – игрушечная лопата и ведро. Вторая девочка была ниже ростом, худенькая, с темными волосами, заплетенными в косички. Пока Ронда разглядывала их, темноволосая девочка что-то уронила в ямку, которую Сьюзи тотчас взялась засыпать песком. Вторая девочка наклонилась к ней и что-то прошептала на ухо.

Эрни?

– Привет, Сьюзи! – сказала Ронда, выходя из машины. – Чем вы тут занимаетесь?

Она пристально посмотрела на темноволосую девочку: веснушки, карие глаза. Ужасно похожа на девочку с листовки «Найти человека», ту самую, что, по словам Уоррена, выпала из машины Лоры Ли.

– Да так, ничем, – ответила Сьюзи.

Ронда кивнула.

– Папа дома?

– Да.

Ронда поднялась по ступенькам и постучала. Дверь открыла Ток. Ронда машинально отступила назад, вспомнив, в какой ярости та была в прошлый раз.

– Ронда, – с каменным лицом сказала Ток. – Мы уже подумали, что ты не приедешь.

По лицу Ток было непонятно, рада она этому или не рада.

– Меня задержали, – сказала Ронда. Из гостиной послышались голоса. Один принадлежал Питеру, второй был женским.

– Девочка, которая играет во дворе с Сьюзи, кто она? – спросила Ронда.

– Входи, – пригласила Ток и даже положила руку ей на спину. Ронда вздрогнула. Нет, это не нож, а всего лишь рука. Ток направляла Ронду в гостиную, вернее, даже подталкивала.

Ронда почти ожидала увидеть в гостиной кучу народу, которые тотчас начнут скакать и вопить: «Сюрприз!», а потом они скажут ей, что все, что случилось за последние несколько недель, – это всего лишь розыгрыш, трюк. И там будет Уоррен в костюме кролика, и он скажет ей что-то вроде:

«Понимаешь, Ронда, вещи не такие, какими они нам кажутся». Даже Кроули, и тот будет там, выглядывая из-за штор и подмигивая ей – мол, как мы все тебя хорошо разыграли!

Ронда заглянула внутрь и ахнула. Воздух вырвался из ее легких, как из лопнувшего шарика. Никакого праздника не было. Только Питер и женщина, которую она мгновенно узнала.

– Ронни! – воскликнула та. – Боже мой, Ронни!

– Лиззи? – сдавленно прошептала Ронда. И хотя это прозвучало как вопрос, сомнений у нее не было. Ронда шагнула к подруге.

Волосы Лиззи, по-прежнему длинные, были заплетены в косу. Глаза подведены черным карандашом. Выцветшие джинсы, черные ковбойские сапоги, белая футболка. Ронда заключила ее в объятия и прижала к себе.

– Ничего не понимаю, – прошептала она.

– Мне есть что тебе рассказать, – сказала Лиззи.

– Ты снова говоришь! – Ронда отстранилась и пристально посмотрела в глаза подруге детства.

– Она не только говорит, но и поет, – произнес Питер. – Она у нас певица. Скажи ей, Лиззи.

Лиззи кивнула.

– У меня группа в Сиэтле. «Изумительная благодать и апостолы». Мы уже выпустили пару альбомов.

– В Сиэтле?

– Да, в конечном итоге меня занесло туда.

Боже, сколько всего хотелось сказать, сколько всего спросить! Понемногу, размашистыми штрихами, они нарисовали друг другу картину своих жизней. Ток принесла фруктов, хлеба и сыра. Питер открыл бутылку вина.

– И когда же ты начала петь? – спросила Ронда.

– Это целая история, – ответила Лиззи. – Убежав из дому, я решила путешествовать автостопом. Сначала я оказалась в Бостоне. Жила на улицах, затем обитала в ночлежках.

– Погоди, – перебила ее Ронда. – В ночлежках? Мы думали, ты с Дэниэлом.

Лиззи покачала головой и отвернулась.

– Но ведь ты сама так писала в своих открытках, – добавила Ронда.

– Просто я хотела, чтобы вы так думали. Возможно, в некотором смысле мне самой хотелось так думать, – сказала Лиззи. – Но на самом деле я была одна. Никто не знал, кто я и откуда. Я по-прежнему не разговаривала. Вновь я заговорила лишь в шестнадцать лет. Пять лет

молчания. Тогда я была в Сан-Франциско, беременная Кимберли. Я жила в приюте для беременных девушек. Одна девушка, Триша, спросила меня, не хочу ли я присоединиться к их группе. Им требовалась гитаристка. Так, в один прекрасный день я села вместе с ними, взяла в руки гитару и... запела. Не знаю даже, что было тому причиной. То ли музыка, то ли Кимберли вернула мне голос. Наверное, и то и другое. Потому что с тех пор это они держат меня на плаву. Кимми и музыка. Два центра моей крошечной вселенной.

– Так это Кимберли во дворе с Сьюзи?

Лиззи улыбнулась и кивнула.

Спустя какое-то время Питер похлопал сигаретную пачку в нагрудном кармане.

– Ронни, пойдем, покурим, – сказал он.

– Только не говори мне, что ты куришь, – сказала Лиззи.

– Лишь изредка, – призналась Ронда.

– Если изредка, то можно, – сказал Питер. – Лично я с удовольствием бы бросил это дело.

– У тебя всегда есть выбор, – отозвалась Ронда, думая о том, как когда-то изводила себя мыслями про личный выбор каждого из них. Например, про выбор Дэниэла и Лиззи, решивших исчезнуть. И вдруг оказалось, что Дэниэл никуда не исчезал, что все это время он лежал, закопанный в лесу, рядом с их чучелом.

– Питер, я хотела бы извиниться, – первое, что сказал Ронда, когда они вышли на крыльцо. Колючая вьющаяся роза заполонила собой всю его левую сторону и поцарапала ей ногу. Сев на ступеньку, Ронда посмотрела вверх – под козырьком виднелось осиное гнездо. Огромные серые соты были наполнены деловитым жужжанием.

– За что?

– За то, что я думала, будто ты причастен к похищению Эрни.

Ронда посмотрела на двор. Кимберли и Сьюзи копали крошечные ямки и что-то в них прятали.

– Ты всего лишь следовала за уликами, Ронни. Да и я не был до конца честен с тобой.

– В тот день в мотеле ты был с Лиззи и Кимберли?

Питер кивнул.

– Вообще-то я ее разыскал вскоре после рождения Сьюзи. Мы даже несколько раз говорили. Но затем она переехала куда-то еще, и мы утратили связь. В прошлом году она совершенно неожиданно позвонила

мне. Я умолял ее приехать, познакомиться с Сьюзи. Хотел посмотреть на Кимберли. Наконец, в конце мая мне удалось ее уломать. Лиззи сказала, что у нее будет несколько концертов в Нью-Йорке и Бостоне, после чего она и Кимми приедут к нам. Она почему-то очень переживала по этому поводу и взяла с меня слово никому ничего не говорить. Она приехала в воскресенье поздно вечером и уехала на следующий день, еще до ужина, чтобы успеть на самолет. Мы с ней лишь сходили купить сэндвичей, и она попросила меня отвезти ее к реке. Я даже не успел познакомиться ее с Сьюзи.

– Но почему она не хотела, чтобы кто-то знал о ее возвращении?

Питер пожал плечами.

– Думаю, ей хотелось, чтобы все произошло постепенно, крошечными шажками. Ее здесь давно не было. За это время многое изменилось. Для нее это было потрясением.

– Господи, какая же я идиотка! – воскликнула Ронда. – Я решила, что вы вдвоем похитили Эрни. А потом, когда я увидела тебя с веревкой...

– Я передвигал мебель, – пояснил Питер.

– А маленькие красные кроссовки? Чьи они?

– Кроссовки Сьюзи. Когда я наводил там порядок, она постоянно вертелась где-то рядом. Приносила с собой игрушки, другие вещи. Потом бросала их там. Так что, Ронни, ты тоже меня извини. Мне следовало быть честнее. Извини, что все получилось не так, как следовало бы. Не знаю, что было у вас с Уорреном, но узнать, что он причастен... а то, что случилось в тот вечер в гараже... Представляю, каково тебе было.

Ронда кивнула.

– Я доверяла ему, Питер. Мне казалось, что он – единственный честный человек в моей жизни. И мне он нравился. Я ни к кому не испытывала ничего подобного после... – Ронда на миг умолкла. – После тебя.

Питер сделал глубокую затяжку, затем выдохнул дым.

– Собираешься навещать его в тюрьме?

– Не могу. Дело даже не в том, что он сделал, хотя это, конечно, ужасно. Я не воспринимаю его как злостного преступника. Для меня он просто парень, который сделал неверный выбор. Причина в другом: он лгал. Слишком долго лгал. Причем лгал искусно, убедительно. Это обидней всего. Разве я могу после этого снова доверять ему? – Ронда посмотрела на Питера.

Ей было приятно говорить с ним, говорить честно. Рассказывать ему о своих проблемах, как когда-то давно, когда они были детьми.

– Иногда, – произнес Питер, – у людей нет иного выбора, кроме лжи.

Ронда покачала головой.

– Он должен был признаться, рассказать, как все произошло. Ведь это был несчастный случай.

– Ронни, он похитил ребенка. И за это ему светил срок. Даже если это была идея Пэт.

– Пэт! До сих пор не верится, почему я ее не заподозрила! – воскликнула Ронда. – Теперь же все встало на свои места, пусть даже таким извращенным образом. Все это... так печально. Просто ужас, как печально.

Питер кивнул.

– Когда я выходила из дома, ко мне пришел Кроули, – сказала Ронда.

– То есть ты знаешь, что они нашли в лесу?

– Когда ты сказал мне про тело под сценой, я подумала, что ты имеешь в виду Эрни.

– Да, они бы никогда не наткнулись на него, если бы не искали ее. Думаю, ее тело будет следующим. Извини, Ронда, что я сразу не сказал тебе по телефону. Хотел, чтобы ты услышала это от меня, а не от какого-то гребаного копа.

Ронда кивнула.

– Все эти годы мы считали, что он просто ушел из дома и теперь живет другой жизнью.

Питер пристально посмотрел на нее, затем кивнул.

– Что еще спрашивал Кроули?

– Хотел знать, что я помню про то лето. Я сказала ему, что от меня будет не слишком много пользы.

Питер несколько мгновений смотрел на нее, затем отвернулся и посмотрел на ведущую к дому подъездную дорожку.

– Как ты думаешь, что произошло? – спросила Ронда. Питер вновь повернулся к ней и вопросительно поднял брови. – Я имею в виду с Дэниэлом. Кроули сказал, что он задолжал людям огромные деньги.

– Ронни, я... – Он вновь на миг отвел глаза, затем пристально посмотрел ей в лицо, как будто искал что-то и не мог найти. – Я не знаю, – произнес он наконец, туша о крыльцо окурков, который затем положил в карман рубашки.

Эти слова, то, как Питер их произнес, напомнили Ронде его обычную мантру «я не помню». С ее помощью он как будто пытался защитить себя, отгородиться от Ронды всякий раз, когда она спрашивала его о прошлом. Например, помнит ли он, как однажды на Пасху Дэниэл нарядился кроликом.

– Расскажи мне про вечер, когда мы сломали сцену, – попросила Ронда,

почти как Джо Кроули.

– Ты сама все прекрасно знаешь, – ответил Питер.

– Когда-то я тоже так думала. Но теперь мне кажется, что я чего-то не знаю.

– Тогда расскажи мне, что ты помнишь, – сказал Питер.

– Я пришла на поляну и увидела тебя, Лиззи и Ток. Лиззи плакала. Вы все как будто из-за чего-то ссорились. Ты сказал, что я пришла вовремя и помогу вам сломать сцену.

Питер кивнул.

– Мы были сердитые и печальные и торопились. Лиззи держала в руках молоток, она крушила им доски. У Ток был ломик. Ты распиливал заднюю стену. – Ронда говорила быстро, как будто наизусть. – Потом мы с тобой потянули ее на себя, и она упала на нас. Следующее, что я помню, как ты вытаскиваешь меня из-под нее, как откидываешь прочь доски. На мне сверху была простыня – задник от нашего спектакля, с очертаниями Нетландии, – и я в ней запуталась. Точно помню, я плакала. По лицу стекала кровь, попадала в глаза, и они горели, и я боялась ослепнуть. Ты тоже был в крови, на лбу у тебя зияла рана. Вероятно, ты наткнулся на ржавый гвоздь. Помнишь, нам потом сделали прививку от столбняка? Я думала, что это будет так же, как от бешенства. Что нам будут делать уколы в живот. Когда медсестра сказала нам про уколы, я испугалась и снова расплакалась. А вот из-за швов я не плакала. Это было совсем не больно. А ты... я уверена, что ты не плакал. Нам накладывали швы в одной комнате, только задернули занавеску. Помнишь? Не хотели, чтобы мы смотрели друг на друга. После этого мы несколько дней должны были лежать в постели. Наши родители должны были будить нас каждые несколько часов и проверять, что с нами все в порядке, что мы не в коме, и все такое прочее.

Питер молча смотрел на Ронду. Затем закурил новую сигарету. Ронда протянула руку и убрала с его лба волосы, открывая тонкую белую линию, как будто это могло помочь ей найти ответы на вопросы, как будто ответы эти детским почерком были написаны на его лбу: «Вот так все и произошло».

– Я вам не помешаю? – Лиззи стояла в дверном проеме, глядя на них с верхней ступеньки крыльца.

– Ронда рассказывала мне про тот вечер, когда мы сломали сцену.

Лиззи посмотрела на Ронду, улыбнулась и протянула руку, чтобы поднять подругу с места.

– Пойдем прогуляемся, Ронни.

Ронда встала и вместе с Лиззи спустилась с крыльца. Они зашагали по

гравийной дорожке, мимо девочек, те играли на заросшем травой дворе, хоронили в земле солдата. Сьюзи и Кимми были совсем как они с Лиззи в детстве. Ронда даже поежилась.

– Хочу кое-что тебе рассказать. – Голос Лиззи звучал уверенно и спокойно. Красивый, певучий голос. Таким только петать колыбельные.

Лиззи повела Ронду к лесу, совсем как кролик в ее снах. Она все еще держала Ронду за руку. Затем Лиззи обернулась и посмотрела на подругу, как будто проверяя ее реакцию.

– Хочу рассказать тебе одну историю, только ты меня, пожалуйста, не перебивай. Просто внимательно выслушай, что я тебе скажу. Можешь мне не верить. Пока я прошу тебя только выслушать.

Ронда сглотнула комок и настороженно кивнула. Лиззи крепко сжала ей руку и, громко выдохнув, спросила:

– Ты готова?

Ронда кивнула. Они вместе шагнули в лес.

4 сентября 1993 года

Ронда смотрела в окно. Наконец Питер с пистолетом заполз в палатку. Через пару минут двор пересекла Ток и, подняв полу палатки, залезла к нему.

Ронда отошла от окна и легла в постель рядом с Лиззи. Та лежала к ней спиной. Ронда обняла ее и тоже согнула колени. Вместе они образовали под одеялом гигантский вопросительный знак.

– Помнишь историю, которую наши мамы постоянно рассказывали нам? – спросила Ронда, не уверенная в том, что Лиззи спит. – Как когда-то у нас был свой язык. И кроме нас, его никто не понимал.

Тело Лиззи сначала напряглось, а потом расслабилось. Затем Ронда скорее почувствовала, чем услышала, как Лиззи расплакалась.

– Как бы я хотела, – сказала Ронда, – вспомнить хотя бы несколько слов.

Но она не помнила. Поэтому лишь покрепче прижала Лиззи к себе и принялась укачивать. Вскоре обе уснули.

25 июня 2006 года

– Когда-то давно, – начала Лиззи, – жили-были две маленькие девочки, которые говорили всем, что они сестры. Да они и были как сестры. Они были похожи, одинаково разговаривали и имели странную привычку заканчивать друг за дружку мысли и предложения. И очень любили друг друга.

Пока что история напоминала начало волшебной сказки, что-то в духе Гензеля и Гретель. Два невинных ребенка, обреченных почти с самого рождения.

Тропинка, что вела от дома Ток и Питера, пролегала через лес, который за несколько лет до того, как те купили здесь участок, вырубил на древесину. Но теперь природа снова брала свое: молодые березки, черемуха и тополя росли между старыми кленами, которые лесорубы пощадили во время лесозаготовок.

Тропа привела подруг к ручью, служившему границей участка. Рядом с водой было намного прохладнее. Берега ручья густо поросли папоротником. Вокруг росли березы и сассафрас, чьи забавные лапчатые листья напоминали Ронде перчатки. Помнится, в детстве они отрывали веточки сассафраса и жевали их, притворяясь, будто это сигареты со вкусом рутбира^[9].

Лиззи легла на живот среди папоротников. Ронда последовала ее примеру, глядя на тихо журчащий ручей; его вода была прозрачной, как увеличительное стекло. Рядом с берегом сновали водомерки. С ближайшего камня прыгнула зеленая лягушка и исчезла под водой. Ронде тотчас пришли на ум препарированные ею лягушки. Рисунок в ее гостиной. Затем она подумала о метаморфозе. Об изменении. Интересно, задумалась Ронда, помнит ли лягушка свое бытие в облике головастика?

– Дело в том, – между тем продолжала Лиззи, – что у одной из сестер был ужасный секрет. Что-то такое, в чем она боялась признаться другой сестре. Ронни, ты меня слушаешь? Потому что сейчас начнется самое важное.

Ронда кивнула и посмотрела в лицо Лиззи. Ей впервые бросились в глаза крошечные морщинки вокруг глаз и губ. Доверяет ли лягушка своим воспоминаниям? Или они ей безразличны? Интересно, задумалась Ронда, а как же лягушки, которых поцелуем превратили в принцесс? Что они помнят? И что знают?

Внезапно ее охватила паника. Нет, не надо Лиззи рассказывать эту историю, о чем бы та ни была. Несколько недель ушли на поиски правды, и вот теперь, когда та почти открылась ей, Ронде захотелось обратно.

Увы, было слишком поздно.

Когда Лиззи заговорила снова, она была сама откровенность, никаких сказочных околичностей и недомолвок.

– Когда мне исполнилось десять лет, мой отец начал приходить по ночам ко мне в комнату. Говорил, что хочет поправить на мне одеяло. Возможно, все началось еще раньше. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что он всегда приходил ко мне в ванную. Мыл меня, вытирал мне попу. Но только когда мне исполнилось десять лет, он стал приходить ко мне в спальню. Он не только трогал меня, но и просил меня трогать его.

Ронда прикусила губу. Только не Дэниэл, хотела крикнуть она, но это было бы против правил. К тому же разве она не знала, что это правда? Она чувствовала это нутром, покалыванием шрама на лбу. Это знание было с ней всегда, словно спящий тигр, темный секрет на задворках сознания.

– Он называл меня своей особенной девочкой, – продолжала Лиззи. – Своей звездой. Говорил, что между нами есть тайная связь, нечто такое, к чему другие не должны прикасаться. Он взял с меня обещание никому ничего не рассказывать, потому что, если я расскажу, эта связь порвется, и он очень рассердится. Да и в любом случае мне никто не поверит. Никто не поверит, что я такая счастливая девочка. Все скажут, будто я все выдумала.

Ронда посмотрела в воду. Песок на дне ручья сверкал и переливался в лучах солнца. Ей вспомнилось, как однажды она, Питер и Лиззи пытались мыть в старом алюминиевом противне золото в одном из впадавших в озеро ручейков. Лиззи тогда подумала, что найденная ими слюда – это настоящее серебро. Она сохранила ее в коробочке, заявив, что когда вырастет большая, то сделает из нее зеркало.

– Со временем это стало просто невыносимо. Когда он запил, когда провалилась его авантюра с гробами и он безвылазно сидел дома, он вечно приставал ко мне. Он уводил меня в мастерскую и заставлял удовлетворять его прихоти. Рассказывал о том, что с ним делал отец. Как вообще отцы носят внутри себя особую любовь к своим детям. Он давал мне монетки. Серебряные доллары. Это была плата за молчание. Но знаешь, о чем я думала? Вернее, о ком? О паромщике. Который в подземном царстве переправляет людей через реку Стикс. Я читала о нем в какой-то книжке Питера. Ему платили монетками, которые клали на глаза покойнику. У меня было такое ощущение, будто отец тоже платил паромщику. Вот только через Стикс переправлялась я.

Ронде вспомнился мешочек с монетами, как он все лето становился толще. Пиратское сокровище Лиззи.

– Я была так напугана, Ронда. Нет, это было нечто большее, чем страх. Я чувствовала себя одинокой, ненормальной, извращенной. Я не могла защитить себя. Я пыталась стать капитаном Крюком, думая, что это меня спасет. Что, если я перестану мыться, если стану грязной и буду говорить гадости, это его остановит. Но его это не остановило.

Лиззи продолжала говорить. У Ронды же было такое чувство, будто она проваливается вниз и летит в бездну кроличьей норы из ее сна. Туда, где живут воспоминания. Туда, где надежно похоронена правда.

– Мне потребовалась уйма времени, чтобы набраться мужества и что-то сказать, – пояснила Лиззи. – Я знала, что должна это сделать. Я не могла дальше в одиночку тащить на себе этот груз. Ты была моей лучшей подругой, моей тайной сестрой-близняшкой, и я хотела рассказать тебе все. Я пыталась. Единственный раз, когда я почти это сделала, был той ночью после дня рождения Питера, когда ты ночевала у нас. Помнишь?

Ронда кивнула. *«У меня есть секрет»*. Что было бы, не отвернись она тогда? Сделай она то, что должна была сделать лучшая подруга, – выслушать?

– Наконец я решила рассказать все Питеру, – сказала Лиззи. – Если я рассчитывала, что вы мне поможете, то лучше всего начать с брата. Он был старше. Я думала, что он поймет. Но он лишь пришел в ярость. Сказал, что я лгу. Что я долбанутая. Я впервые услышала от него такое слово. В его глазах я была ненормальной, которая выдумывает всякие истории, чтобы привлечь к себе внимание. Что я завидую Ток, завидую тебе, что я просто завравшаяся маленькая девчонка. Я рассказала ему все. Как же нелегко, Ронда, было рассказывать о том, что отец делал со мной. То есть что я делала с ним. Господи, мне было всего одиннадцать лет, но я это делала! Я выложила Питеру все самые гнусные, самые омерзительные подробности, и все равно он мне не поверил.

– Только не отец! – заявил он. – Отец на такое не способен.

Я плакала, умоляла его поверить мне. Тогда Питер потребовал доказательств. И тогда у него родился план. Он сказал, чтобы вечером, после спектакля, я привела отца на сцену. Сказал, что хочет увидеть все своими глазами. И вечером, после спектакля, я сделала так, как он просил. Я показала ему. Я предоставила доказательства.

Лиззи на миг умолкла. Поджав губы, она устремила взгляд куда-то по ту сторону ручья, в лесные заросли. Ронда тоже посмотрела туда. Сквозь прищуренные веки она увидела Дэниэла в костюме белого кролика, как он

ведет детей в чащу леса между их домами, как разводит их в разные стороны. Помнится, Лиззи вернулась тогда последней. Ронда в тот раз сильно волновалась за нее. Неужели она уже тогда что-то знала? Что-то подозревала?

– Мой отец с радостью пошел со мной, – продолжала Лиззи, возвращая Ронду в тот вечер после их спектакля. Голос зазвучал монотонно, лицо не выражало никаких эмоций. – Он поссорился с Клемом и был рад уйти с вечеринки. А еще он был порядком пьян. Я повела его через лес к сцене. Там он сел на край и притянул меня к себе. Он стал лапать меня, расстегнул молнию на джинсах и пригнул мне голову, сбив при этом с меня мою пиратскую шляпу. В некотором смысле для меня это уже было привычным делом. Я просто отключалась, вот и все. Мысленно переносилась куда-то далеко, думала о чем-то своем. Иногда даже повторяла свои реплики из спектакля. К тому времени в лесу уже было темно, но зато вышла луна, и Питеру – а он спрятался за деревом – было все прекрасно видно. Разумеется, он пришел в бешенство и ринулся к сцене. Подскочив к отцу, он со всей силы ударил его по спине своим дурацким игрушечным мечом. Тот сломался пополам. Тогда Питер завопил – без слов, просто этакий боевой клич, – и, запрыгнув отцу на спину, обхватил его руками за горло. Он продолжал вопить, как резаный. Отец потерял равновесие и упал. Теперь они катались по земле, кряхтя, пиная друг друга, налетая на складные стулья. Наконец, отец подмял Питера под себя.

– Что, шпионишь за мной, сынок? – выкрикнул отец, брызжа слюной и побагровев от ярости.

Я думала, что он сейчас убьет Питера. Но потом раздался странный звук, что-то вроде шпок-шпок-шпок, и отец, сыпля проклятиями, отшатнулся. Я же увидела Ток. Она стояла рядом со сценой с пневматическим пистолетом в руке и целилась в Дэниэла, как заправский снайпер.

Теперь, когда Лиззи рассказывала о том, как Питер и Ток пришли ей на помощь, тон ее изменился, стал живым, почти взволнованным. Она продолжила свой рассказ:

– Когда же у нее кончились патроны, она бросилась на отца и, налетев, весом своего тела оттолкнула от Питера. Тот схватил один из складных стульев и принялся бить им отца. Отец пришел в ярость, но не думаю, что испугался. В конце концов он выхватил из рук Питера стул и поднялся на ноги. Одним ударом он повалил Питера на спину и сдавил ему руками горло, не давая встать.

Ток стояла рядом, извергая бесконечный поток грязных ругательств: «Ты, вонючий гребаный пидор, живо, на хер, убери от него свои гребаные лапы, или же я, на хер, убью тебя!» – и так далее в том же духе. Я испугалась, что ее крики услышат все, кто был на вечеринке, и прибегут к нам. Но никто не прибежал. Наверное, потому, что там громко играла музыка, а моя мать надрызгалась и подожгла стол.

Лиззи на миг умолкла, чтобы перевести дыхание, а когда продолжила, ее голос вновь стал монотонным голосом робота.

– Отец сжимал Питеру горло. Питер хватал ртом воздух, сипел и задыхался. Я знала, что должна положить этому конец. Если хорошенько стукнуть отца, он вырубится. Наверное, из мультиков я позаимствовала идею, что после этого у него также отшибет память, и он ничего не вспомнит, как будто ничего и не было. Я обошла сцену – там, за ней, у нас был ящик с инструментами, – и, схватив молоток, подкралась сзади к отцу и Питеру. Ток все еще кричала. Питер и отец, сопя, все еще катались в схватке. Я как можно выше подняла молоток, размахнулась и со всех сил ударила отца по голове. Он тотчас упал, но я на всякий случай ударила его еще раз. И еще. Затем я вошла в раж. Мне вспомнились все страдания, которые он причинил мне, и в каждый новый взмах молотка я вкладывала все эти месяцы лжи и боли. Меня было не остановить, совсем как в тот день, когда мы убили чучело. В конце концов Питер отнял у меня молоток. Ток отвела меня на сцену и, крепко обняв, прижала к себе и стала качать, как ребенка.

Лиззи впервые с начала своего рассказа посмотрела на Ронду. На ее лбу поблескивали капельки пота. Взгляд, который, пока она говорила, был устремлен куда-то в пространство, теперь стал ясным и острым.

– Питер и Ток затащили тело отца на сцену, затолкали его в яму и захлопнули люк. После чего Ток снова взялась меня утешать.

– И тогда появилась я, – подала голос Ронда. Она устала молчать. С этого момента это была не только их, но и ее история.

– Никто из нас не мог с уверенностью сказать, что ты видела, – продолжила Лиззи. – Мне всегда не давал покоя вопрос, как долго ты наблюдала за нами? Может, ты была так напугана, что не могла сдвинуться с места? И если ты знала, что я сделала, вдруг ты ненавидишь меня? Питер утверждал, что ты ничего не видела, иначе наверняка что-нибудь предприняла бы. Например, попыталась бы остановить, побежала бы домой звать на помощь. Меня же мучили сомнения. Чуть позже Питер и Ток тоже засомневались.

Ронда покачала головой.

– Нет, Питер был прав. Я понятия не имела, что произошло. Думала, что вы просто поссорились. Думала, что между тобой и Ток что-то было, и Питер психанул. В общем, я ничего не знала.

Лиззи кивнула, на миг закрыла глаза и продолжила свой рассказ:

– При остальном ты присутствовала и даже приняла участие, Питер решил разрушить сцену, превратить ее в груды мусора и поломанных досок, под которые никто даже не догадается заглянуть. Мы взяли из ящика остальные инструменты и в ярости принялись крушить сцену. Ломать и разбивать доски. Затем на вас с Питером рухнул задник, и вы получили травмы, что было даже к лучшему, так как это легко объясняло кровь у нас на одежде.

К этому моменту им начали досаждают комары, которых среди папоротника была тьма тьмущая. Лиззи то и дело хлопала себя по голым рукам.

– Ты обернула мне голову своей курткой, – вспомнила Ронда. Ее даже передернуло при мысли, что эта куртка наверняка была в крови Дэниэла.

– В ту ночь я избавилась от своей одежды. Вернее, от нее меня избавила твоя мать. Пока я сидела в ванне, Жюстин ее куда-то унесла, и больше я ее не видела.

– А еще ты прекратила говорить, – добавила Ронда.

– Питер сказал, что мы должны молчать. Что мы никому не должны рассказывать о том, что произошло в лесу тем вечером. Разумеется, мы с Ток послушались его – ведь он был у нас главным. Всегда. Он повторял это раз за разом. Если мы ничего не скажем, ничего как будто бы и не было. Никто никогда не узнает, что я боюсь. Что мне страшно открыть рот, потому что, как только я это сделаю, из него мгновенно все выскочит. Говорить было опасно. Теперь тебе понятно?

Ронда кивнула.

– Когда мать начала по-настоящему съезжать с катушек, стало еще труднее. Она всегда была с легким приветом, но переживания по поводу того, что отец бросил ее, докончили ее окончательно. Я знала, что это моя вина, что это я виновата во всем, что бы там ни говорили Питер и Ток. В конце концов, одного молчания мне показалось мало. Я должна была исчезнуть. Уехать как можно дальше от того, что делали со мной, от того, что наделала я сама.

– Что же помогло тебе вернуться?

Лиззи покачала головой.

– На самом деле это так глупо! Питер уже давно уговаривал меня приехать, мне же было страшно. Как вдруг... помнишь эту историю про

девочку в Вирджинии?

– Элли Старки? – уточнили Ронда.

– Да, Элли Старки. Я видела ее по телевизору. Говоря о смерти своего похитителя, она сказала, что, по ее мнению, это очень печально. «Иногда человека нужно простить», – сказала она. Именно это привело меня назад – всего одно предложение. Но для меня оно стало светом в конце длинного темного тоннеля. Я подумала, что после всех этих долгих лет мне пора простить отца, простить саму себя. В общем, готова я это сделать или нет, но я здесь!

* * *

– Тысяча девять, тысяча десять! Кто не спрятался, я не виноват!

Пэт поднимает голову и обводит взглядом двор. Солнце слепит глаза. Капли пота пощипывают лоб. Грудь и живот чешутся. Потница. Может, чуть позже, когда мама придет домой, они пойдут купаться.

Пэт пересекает двор, водит носом по огороду, заглядывает за шеренгу высоких подсолнечников, за небольшую грядку сладкой кукурузы. Заглядывает в бочки для сбора дождевой воды (сухо...), затем в сарай с огородным инвентарем. Птички нигде нет. Отвернувшись от дома, Пэт окидывает глазами колючую живую изгородь, окаймляющую их двор. Там, в углу, мелькает красное платье Птички. Пэт притворяется, будто не видит. Подходит ближе, затем проходит мимо, бормочет:

– Где же она?

Затем резко оборачивается и кричит:

– Так вот ты где! – Она протягивает руки сквозь живую изгородь и пятнает сестру. – Вот и поймала!

Птичка смеется, отстраняется от нее, выскользывает на другую сторону, прямо на дорогу.

– Вот и поймал! – мягкая белая кроличья лапа ложится ей на плечо и снова трогает красное платье. Птичка поднимает глаза, смеется и бежит вдогонку за Питером между могильных камней. Питер бежит медленно, как при замедленной съемке, и слегка вприпрыжку. Наконец маленькая девочка догоняет его, хватая за ногу и тянет вниз, на траву.

Пэт в совершенстве овладела этим трюком, и теперь ей не нужен костюм. Теперь она – Кролик Питер.

Кролик сидит в тюремной камере и ждет. Люди заходят и выходят.

Адвокат. Джим. Они снова и снова задают одни и те же вопросы. Им нужно знать мотив. Им нужно знать про Птичку. Про туфельку, спрятанную на самом дне шкафа в кабинете Пэт. Туфельку, завернутую в белую папиросную бумагу, словно подарок. Пэт разворачивает ее каждый день, пропитанное кровью напоминание о том, что она натворила. О том, чего она не смогла сделать.

Ей говорят, что скоро придет психиатр. Для освидетельствования.

Кролик Питер молчит. Лишь кивает. Его взгляд устремлен на что-то такое, чего никто не видит. А когда кролик спит, то видит приятные сны.

Он на Кроличьем острове, и обе его Птички с ним. Он скачет и часами играет с ними в пятнашки и прятки. А они заливаются смехом. О, как же они заливаются смехом! Когда он ловит их, то берет их обеих в свои сильные мохнатые лапы и крепко прижимает к себе, чтобы они никуда не убежали.

Здесь они все в безопасности. И они останутся с ним навсегда. Здесь, на Кроличьем острове.

5 июля 2006 года

Дэниэла похоронили рядом с его отцом на кладбище святой Анны. Похоронили в гробу, который сколотил он сам. *Лучше сгореть, чем угаснуть...*

После похорон все собрались в доме Клема – ели, пили коктейли, рассказывали истории про Дэниэла. Дэниэл и тележка для продажи арахиса. Дэниэл и его безумные идеи. Дэниэл и Пасхальный Кролик.

Лиззи пошла прилечь. Все решили, что для нее это слишком большой удар – вернуться в родной город, чтобы похоронить давно пропавшего отца. Питер сидел на диване, Ток стояла сзади и массировала ему плечи. Жюстин клевала остатки фасолевого салата и чизбургера на своей тарелке. Сьюзи и Кимберли сидели на крыльце, играли в карты и пили имбирный эль с вишней.

– Пойду принесу себе еще пива, – объявил Клем, вставая. – Кому-то нужно еще что-нибудь?

Все дружно покачали головами. Ронда встала, потянулась и прошла вслед за отцом в кухню.

– Ну, как ты? – спросила она.

В его глазах вновь возник хорошо знакомый, задумчивый взгляд.

– Знаешь, я пару лет не разговаривал с Дэниэлом. Вскоре после того, как узнал про них с Агги и понял, что Питер – его сын. Я встретил твою мать, пытался забыть все, что было до этого. Затем, в ту осень, когда родилась ты, я сидел на переднем крыльце, и Дэниэл вдруг вырос передо мной, словно какой-то призрак.

Клем с тоской посмотрел в окно – там, на крыльце, хихикали девочки – и, сделав большой глоток пива из банки, которую держал в руках, заговорил дальше:

– Он шел по мощенной кирпичом дорожке, держа перед собой упаковку из шести банок пива, словно некое подношение. Потом мы с ним сидели и пили принесенное им пиво, говорили о наших новорожденных дочерях, о Питере. Мы как будто вновь вернулись в старые добрые времена. Как будто в нашей дружбе никогда не было бреши.

Ронда кивнула и подумала: как здорово, что она снова говорит с Питером. Как это знакомо и приятно. Это все равно что вернуться домой.

– После того как Дэниэл исчез, я постоянно выходил на крыльцо. Я несколько лет подряд сидел там часами. Курил, глядел на дорогу, ждал,

когда он снова появится со своим пивом. Теперь я знаю, что ждал напрасно. С одной стороны, теперь, когда я знаю правду, мне стало легче, но все равно обидно.

Ронда кивнула. В голосе отца слышались слезы. Он смотрел в окно кухни, на крыльцо, как будто все еще надеялся увидеть, что его друг шагает по дорожке и, подойдя ближе, говорит, что это был розыгрыш.

На крыльце хихикали девочки.

– Я выиграла! – пропищала Сьюзи.

Похоже, полиция остановилась на версии, что Дэниэла убил один из его знакомых, кому он задолжал большие деньги, Шейн Гоки или Гордон Пелетье. Оба они уже были мертвы. Все были только рады принять эту версию. Ответ, сколь ужасен он ни был, лучше, чем отсутствие такового.

Тем не менее Кроули дал однозначно понять, что дело это ни в коем случае нельзя считать закрытым, что означало, что убийца еще может быть пойман. Ронда отлично понимала это.

Она знала: благодаря современным методам или какой-нибудь крошечной улике – волосу или пуговице – их в любой момент могут призвать к ответу. Даже ее, хотя она ничего не знала про убийство, невольно помогая спрятать тело. Позже, когда ей стала известна правда, Ронда никому ничего не сказала. Знала она и то, что правда имеет привычку всплывать самым неожиданным образом, когда ее меньше всего ждешь. Спустя десять лет в ее дверь ночью постучат, и сержант Кроули скажет: «Я знаю, что это сделали вы».

– Хуже всего то, – сказал Клем, – что, возможно, мы никогда не узнаем правды о том, что же произошло. Я до сих пор готов надрать себе задницу за то, что не одолжил ему денег, когда он меня просил, чтобы рассчитаться с работодателями. Ведь эти деньги могли спасти ему жизнь.

Радио в углу кухни что-то негромко наигрывало. Внезапно из него зазвучал голос Вана Моррисона. Клем подошел и увеличил громкость.

– Как же Дэниэл любил эту песню, – сказал он и, взяв приемник в руки, стал слегка раскачиваться в такт мелодии. Взгляд его был устремлен в окно, как будто он увидел вдалеке знакомую фигуру.

Он ничего не знает, подумала Ронда. Не знает, что Дэниэл делал с Лиззи, ни сном ни духом не ведает, что произошло в тот последний вечер. И если лучший друг Дэниэла ничего не знает, что ж, возможно, их секрет так и останется секретом.

В кухню вошла Жюстин. Никаких спортивных костюмов. Строгое черное платье. В руках – груда грязных тарелок и мисок. Жюстин с

грохотом поставила их в мойку, чем вывела Клема из задумчивости.

– Тебе помочь? – спросил он.

Жюстин покачала головой и включила воду. Выжав на тарелку струйку моющего средства, Жюстин вернулась к Клему и радиоприемнику.

Ронда же вспомнила допросы с пристрастием – мать устраивала их всякий раз, когда она возвращалась, переночевав у Лиззи. Чем вы занимались? Во сколько легли? Была ли дома Агги? А Питер? А Дэниэл?

Дэниэл.

О боже, Жюстин все знала! Ронда едва не произнесла эти слова вслух. На миг она представила, как кладет руки на материнские плечи, как разворачивает ее к себе лицом и говорит: «Ты ведь знала про Дэниэла. Признавайся, знала».

Вместо этого она вцепилась в спинку кухонного стула.

– Ты уверена, что тебе не нужна моя помощь? – спросил Клем. – Вон какая гора посуды.

– Я сама. Люблю наводить чистоту. Это получается у меня лучше всего.

По телу Ронды пробежал холодок, начиная со шрама на лбу и до пальцев ног. Наводить чистоту. Неужели Жюстин знала не только про гнусности Дэниэла, но и чем все это закончилось? И, выбросив окровавленную одежду Лиззи, она сделала это не только из соображений гигиены?

Ронда еще сильнее вцепилась в спинку стула.

– Ты не можешь сделать громче? – попросила Жюстин, стоя к ним спиной. – Хочу послушать прогноз погоды.

Клем увеличил громкость. В кухню ворвался голос ведущего, сообщавшего последние известия. Главной новостью было то, что тело Эрнестины Флоруччи, наконец, найдено. Рано утром отдыхающие обнаружили его на северной стороне озера.

Ронда судорожно вздохнула и разжала пальцы. Те соскользнули со спинки стула.

– Не переживай, Ронни, – сказал Клем, не выпуская из рук радио. Затем осторожно – как будто это была бомба – поставил приемник на кухонный стол.

Ронда вышла на крыльцо. Сьюзи и Ким хихикали, глядя на свои карты.

– Не хотите прогуляться? – предложила им Ронда.

Сьюзи кивнула.

– Я знаю место, где есть субмарина, – сказала она.

У Ронды внутри все похолодело. Вслед за скачущими девчушками она

пересекла двор и зашагала по тропинке, что вела к их старой сцене.

Ронда не была в лесу много лет. Вскоре после спектакля они перестали пользоваться тропинкой, которая соединяла их дома, предпочитая окольный путь по главной дороге. Теперь Ронда поняла почему.

Лес показался ей меньше, но гуще. Деревья выросли, отчего даже в такой солнечный день, как этот, поляна была темнее, чем Ронда ее помнила. Она подняла глаза, пытаясь отыскать сосну, с которой Ток когда-то выпустила свою стрелу. Ронде казалось, что она сможет это сделать, но увы. Все сосны были практически одинаковыми.

Девочки забрались в старую «Импалу» Клема. Ронда последовала их примеру и протиснулась на переднее сиденье рядом с ними.

– Куда плывем? – спросила она. Сьюзи села за руль. Она по-прежнему была в черном траурном платье. Волосы перевязаны черной лентой.

– Посмотреть на осьминога, – ответила Сьюзи.

Ронда посмотрела направо.

Груда досок, некогда бывшая их сценой, почернела от плесени и позеленела от мха. Полиция оттащила часть досок, и под ними обнаружилась яма. Ронда отвернулась, не в силах заставить себя посмотреть вниз – туда, где когда-то все они по очереди прятались. Здесь они переодевали костюмы, отсюда эффектно выходили на сцену и сюда возвращались, отыграв свой эпизод. Ронда помнила, как в своих снах падала вниз, как ей казалось, что это падение никогда не закончится. Ей вспомнилась старая зубная пластинка, найденная в яме и теперь лежащая в пакетике для улик вместе с остатками футболки Дэниэла и его джинсов.

Ронда обвела взглядом землю, гадая, где же они закопали пугало, и пытаясь вспомнить, что тогда написала на клочке бумаги. Чего она тогда боялась больше всего? Что Питер ее не любит? Что она состарится и все забудет? Или же что-то простое, например, про пауков? Или что-то более зловещее?

Под досками, что валялись сбоку, Ронда заметила кусок ткани, в котором узнала декорации к их спектаклю. Голубые волны, краешек пальмы, весь в черных пятнах плесени. Как же их Нетландия была похожа на Кроличий остров!

Сьюзи аккуратно опустила субмарину на дно океана. Втроем они вышли из нее и сели на подстилку из сосновых иголок, таких же мягких, как и песок. Они пили чай и ели пирожные. Ронда окинула взглядом разломанную сцену, деревья вокруг нее. В какой-то миг ей показалось, будто мимо нее пролетела горящая стрела Ток. Где-то рядом крикнула

птица, и в ее крике Ронде послышалось карканье вороны Питера Пэна.

Осьминог оказался гостеприимным хозяином и рассказал много такого, от чего Сьюзи и Ким катались от хохота.

– Глупый осьминог, – хихикали они. Затем внезапно Сьюзи посерьезнела.

– Осьминог говорит, что теперь ты можешь рассказать нам про дедушку Дэниэла, – сказала она.

Ронда окаменела. Невидимое пирожное застряло у нее в горле, невидимый чай пролился ей на колени.

– А что про него рассказывать? – спросила она с напускным равнодушием, на какое только была способна.

– Какую-нибудь историю, – не унималась Сьюзи.

– Думаю, твой отец расскажет тебе о нем целую кучу историй, – сказала она Сьюзи. – А тебе, Кимберли, твоя мама. Она расскажет все, что тебе интересно знать.

– Но мы хотим услышать твою историю, – захныкала Ким. – Ты ведь тоже его знала.

Ронда задумалась. Задумалась об этих девочках, на глазах у которых только что похоронили того, с кем они даже не были знакомы. Того, чье изувеченное тело полиция обнаружила в лесу. Их деда. Разумеется, их мучило любопытство.

– Дайте подумать, – сказала Ронда, помешкав пару секунд. – Когда-то давным-давно ваш дедушка Дэниэл решил, что его сын Питер – это, Сьюзи, твой папа – сможет летать. И тогда он сделал ему пару крыльев...

И Ронда рассказала им эту историю, умолчав, правда, о том, как Питер стоял на крыше мастерской, как Агги набросилась на Дэниэла с лопатой. Она позволила себе небольшой вымысел, сказав, что да, возможно, Питер летал в тот день, пусть даже совсем немножко. Рассказывая эту историю, Ронда подумала о том, как прошлое передается от поколения к поколению. Именно так создаются воспоминания. Наполовину вымышленные, улучшенные, с налетом фантазии. Теперь, будучи мертвым, Дэниэл войдет в сонм святых. Красивым мужчиной, который сделал своему сыну крылья.

Ронда и девочки снова сели в субмарину и начали движение в направлении будущего, находящегося где-то за горизонтом. Они вынырнули из пучины, которая была прошлым, выскочили из глубин памяти. Сьюзи работала рычагом коробки скоростей, крутила руль. Ронда нажимала на невидимые рычаги. Время от времени она отпускала их и подносила руки к лицу, как будто управляла перископом, высматривая на

горизонте признаки чего-то знакомого.

– Земля! – наконец крикнула она.

– Всплываем! – приказала Сьюзи. – Мы снова дома.

От автора

Спасибо моему редактору Жанетте Перес и всем остальным в издательстве Harper Collins, благодаря кому эта книга увидела свет.

Спасибо Дану Лазару, моему чудо-агенту. Спасибо Дадли и Дженет Эскью, владельцам кафе «Кленовая долина» в Плейнфилде, штат Вермонт. Большая часть раннего этапа работы над этой книгой прошла за столиком номер восемь, где источником вдохновения мне служили замечательный омлет и домашняя жареная картошка.

Спасибо всем моим друзьям и родным, которые, пока я пыталась стать писательницей, терпели меня и всячески поддерживали.

И конечно же, огромное спасибо моим читателям. Без вас этой книги просто не было бы.

notes

Примечания

1

День поминовения – национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая; посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие. – (Здесь и далее прим. переводчика).

«Рокеттс» – нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 году в г. Сент-Луис.

«Мое страдающее сердце» (1992) – лирическая песня в стиле кантри, написанная Доном Вон Трессом и исполненная певцом Билли Рэем Сайрусом.

4

«Прайс Чоппер» – сеть американских супермаркетов.

Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира. Нэнси Дрю впервые появилась в книге «Тайна старых часов», опубликованной в 1930 году.

Чайные чашки – карусель в тематическом развлекательном парке «Диснейленд», воспроизводящая эпизод из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Дэви Крокетт (1786–1836) – американский путешественник, офицер и политик, ставший персонажем фольклора США.

«Твинкис» – желтое печенье с кремовой начинкой.

Рутбир, или корневое пиво, – газированный напиток, изготовленный из коры дерева сассафрас, производится двух видов: алкогольное и безалкогольное.